

ДИАНА
МАШКОВА

ГЕОРГИЙ
ГЫНЖУ

МЕНЯ ЗОВУТ ГОША

18+ СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

история сироты

Библиотека
благотворительного
фонда «Арифметика добра»

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Они раскачивают кровати, в которых спят. Они качаются даже тогда, когда отвечают перед школьной доской. Они собираются в стаи и шельмуют тех, кто не такой, как они. Они воруют. Они курят и пьют. Они рано начинают половую жизнь. Они огрызаются и грубят. Именно это вы знаете о сиротах из детских домов. Именно это знание, сопровождаемое непониманием и страхом, становится препятствием в усыновлении. А теперь приготовьтесь: перед вами исповедь сироты Георгия Гынжу, в подлинности которой никто не усомнится. Реальная история жизни в детском доме, рассказанная мальчиком, проливает свет на все, что вас пугает и отталкивает. История, способная изменить к лучшему вашу жизнь и жизнь тысячи детей, оказавшихся без родительской любви. Содержит нецензурную брань!

- Диана Машкова, Георгий Гынжу

- Предисловие автора

- БЛАГОДАРНОСТИ

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Глава 5

- Глава 6

- Глава 7

- Глава 8

- Глава 9

- Глава 10

- Глава 11

- Глава 12

- Глава 13

- Глава 14

- Глава 15

- Глава 16

- Глава 17

- Глава 18

- Глава 19

- Глава 20

- Глава 21

- Глава 22

- Глава 23

- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Послесловие

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4

Диана Машкова, Георгий Гынжу
Меня зовут Гоша: история сироты

Предисловие автора

Книга «Меня зовут Гоша. История сироты» стала спасательным кругом, за который мы с Гошей смогли ухватиться. Когда мы только познакомились – Гоша свалился мне как снег на голову – я увидела перед собой открытого доброго парня. Помню, даже удивилась: «Что такой замечательный мальчик делает в детском доме? Почему до сих пор не в семье?». Хотя, к сожалению, это был не первый случай, когда приходилось задавать себе подобный вопрос. Гоша понравился мне с первого взгляда, ему не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы вызвать симпатию. Но проблема была в другом: я понятия не имела, чем могу помочь практически взрослому парню. Учитывая, что Гоша не только стал сиротой, потеряв при рождении семью, но и успел как следует запутаться в собственной жизни, нужны были мощные стимулы для того, чтобы он сам захотел изменить свою судьбу. Никто не смог бы сделать этого, кроме него самого. На мой взгляд, самая большая иллюзия заключается в уверенности, что один человек способен изменить жизнь другого человека. Я думаю, так это не работает ни со взрослыми, ни с детьми. Можно только пробудить в другом человеке новые интересы и желание что-то в своей жизни менять.

Тогда я еще не знала, что именно может стать стимулом для Гоши. Я постоянно думала об этом после нашей встречи.

Мне было приятно, что Гоша сам потянулся к общению. Он прилагал усилия, выходил на связь – это был хороший знак готовности вкладываться в отношения. Нередко в детских домах приходится видеть совсем другую картину: дети полны отчаяния, закрыты, лишены сил и желания идти на контакт; смирившись со своей ненужностью, они постепенно теряют волю к жизни. Гоша был не таким, и это вселяло большие надежды. После первой же встречи у меня не осталось сомнений в том, что наше общение продлится не один месяц и даже не один год. Но страхов и неуверенности в своих силах хватало, а главный принцип «не навреди» не позволял делать резких шагов. Для себя я решила, что готова начать с наставничества. Сработал еще один жизненный принцип: «Делай, что должно, и будь, что будет». Я начала пробовать разные варианты, чтобы заинтересовать Гошу чем-то социально полезным и отвлечь от привычных в детском доме, но опасных занятий. Пригласила его в фонд «Арифметика добра» в качестве волонтера, дала возможность заглянуть в обычную жизнь обычной семьи, постаралась увлечь разговорами о жизни, помогла подработать. Одним словом, просто делала то,

что понятно мне, и делилась всем, что могу сама. В той же логике пришла и идея с книгой – Гоша оказался творческим парнем. Уже на второй встрече я предложила ему написать историю своей жизни и пообещала помочь с редактурой. Мне тогда показалось, что это занятие может отвлечь его от страшных пристрастий, в которые он полностью погрузился. Хотя в том, что подросток из детского дома воровал, увлекался алкоголем и забросил школу, не было его вины – это был вполне естественный «ответ» на неестественные условия жизни.

К счастью, Гоша заинтересовался идеей книги. Я тогда просто прыгала от радости – честно! – потому что у нас с ним благодаря сотворчеству появлялось общее пространство, в котором он мог воспринимать меня как наставника, мог обращаться за помощью и поддержкой. Кроме того, мне было по-настоящему интересно – каждая история, которую рассказывал Гоша, помогала лучше понять и его самого, и устройство системы детских домов. Позволяла ощутить то, что чувствует ребенок, живя в учреждении, и пройти следом за ним по бесценной дороге жизни. Я благодарна Гоше за то, что он открыл двери в незнакомый мир, за то, что с самого начала был честным. Ведь если не понимаешь, не улавливаешь сути, которая спрятана в глубине, то и не можешь помочь. С первых строк у меня появилось чувство, что работа над воспоминаниями служит и самому Гоше добрую службу – он пытался многое переосмыслить, старался распутать клубок собственной жизни. Я принимала любую информацию, впитывала ее как губка и хотела стать для Гоши проводником к самому себе и во взрослую жизнь. Совместное творчество служило в этом деле прекрасным подспорьем.

Поначалу было совершенно неважно, выйдет когда-нибудь история Гоши из печати или нет: главное, что у парня появилось новое занятие, которое требовало рефлексии и отчасти играло роль терапии. По себе знаю, как «лечит» возможность писать – прорабатывать душевные травмы, жизненные неудачи, рассматривать под лупой собственный опыт. Конечно, у меня не было идеи пустить процесс на самотек – Гоша работал с психологом в благотворительном фонде «Арифметика добра», у него была поддержка не только в моем лице, но и в среде профессионалов.

Летом 2015 года Гоша написал первые строчки в своем блокноте. Он присылал мне фрагменты по электронной почте и в сообщениях по телефону – иногда крошечные, всего по несколько предложений, иногда довольно большие, почти истории. Я аккуратно исправляла орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки и возвращала текст автору. Параллельно

сохраняла каждую строчку в папке на своем компьютере. Создавалась своеобразная «Книга жизни» Гоши. За не полных три года он написал пятнадцать страниц. Для профессионального писателя – неудача, а для Гоши – огромный прорыв. Все это время он думал, вспоминал, рассказывал. Мы многое обсуждали и постоянно говорили о событиях его прошлого и о чувствах, которые он испытывал. Гоша мечтал закончить книгу, но не хватало навыков и усидчивости. К тому же вокруг него уже забурлила новая жизнь – учеба, знакомства, друзья. Весной 2018 года мы с ним решили, что теперь продолжим в новом ключе: Гоша будет рассказывать, а я записывать. Стало ясно, что книга постепенно выходит за рамки первоначальной задачи – отвлечь Гошу, переключить его внимание на новую жизнь. Это, к счастью, уже произошло. Теперь стало видно, что в тексте, словно в зеркале, отражается судьба ребенка, потерявшего семью. Рождается откровенный монолог без цензуры, без вмешательства взрослых и тех, кто точно знает «как лучше». Я изначально поставила перед собой цель не появляться в тексте, стать невидимкой, а только бережно перекладывать на бумагу все, что слышу от Гоши. Сохранять его голос и его самого. Не скажу, что работа была простой – нередко Гоша не находил слов, чтобы выразить свои мысли и чувства. Но мы никуда не торопились. Возвращались к одним и тем же ситуациям снова и снова. Искали названия эмоциям, переживаниям, событиям. Такой подход еще больше сблизил нас: Гоша открывался с каждой новой историей все больше, ему не нужно было бояться критики или осуждения, он чувствовал, что получил в моем лице надежный ретранслятор. Каждый раз, когда он просматривал новую главу, только-только законченную мной, его лицо сияло от счастья: он видел самого себя. А я радовалась тому, что мы движемся в нужном направлении. Так, общими усилиями, мы смогли добраться до последних страниц.

За три года многое изменилось. И все-таки я уверена, что сотворчество сыграло в наших с Гошей отношениях важную роль, оказалось своего рода «ключом». Между нами возникло глубокое доверие, появилось безусловное принятие, произошло качественное развитие каждого из нас. Но это еще далеко не все. Переложена на бумагу реальная история, которая поможет многим взрослым иначе посмотреть на мир детей-сирот. Избавиться от мифов, стереотипов и, возможно, даже ответить себе на вопрос: «Что именно я могу сделать, чтобы помочь?».

Нам с Гошей было непросто решиться на публикацию. Книга получилась слишком личной и при этом документальной. Конечно, мы понимаем, что найдутся люди, – прежде всего

сотрудники и бывшие воспитанники детских домов – которые скажут: «Нет, у нас все было не так». Вполне возможно. И это тоже повод делиться тем, что именно довелось испытать: до сих пор по пальцам одной руки можно пересчитать книги, которые рассказывают о жизни ребенка-сироты от первого лица. У нас огромный пробел в историях от имени самих детей. О сиротах рассказывают чиновники, сотрудники детдомов, волонтеры, спонсоры, журналисты, кто угодно, но только не они сами. Мы видим картину только глазами взрослых людей. Но рассказ Гоши – это история и голос самого ребенка. В ней много доброго и хорошего, но не меньше страшного и тяжелого. Волей-неволей книга раскрывает многие особенности жизни ребенка в системе. Она – возможность заглянуть в мир сиротства и наконец понять, какое несчастье стоит за мнимым благополучием сытой детдомовской жизни. Насколько важнее всех мыслимых материальных благ любовь и забота семьи.

Какие они эти дети, пережившие потерю родителей, отверженность и одиночество? Благодаря истории Гоши мы можем вместе пройти этот непростой, но бесценный путь.

Диана Машкова, писатель, журналист, руководитель программы «Просвещение» БФ «Арифметика добра», мама 4 детей, 3 из которых приемные.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы с Гошей искренне благодарим каждого человека, который встретился нам на пути, – если бы не влияние людей, благотворное или вредное, мы не стали бы сегодня теми, кто мы есть.

Огромная личная благодарность Роману Авдееву, основателю благотворительного фонда «Арифметика добра» и отцу 23 детей, 17 из которых усыновленные. Фонд стал мощным ресурсом для семей, принимающих детей-сирот. Сегодня в «Арифметике добра» работает Школа приемных родителей, она готовит к принятию подростков. Можно пройти обучение и в Школе Наставников и стать значимым взрослым в жизни подростка-сироты. Многие делается для поддержки ребят, которые пока еще не нашли семью и живут в детских домах. Огромное внимание уделяется просвещению общества и образованию детей-сирот. Большое спасибо председателю правления фонда Наиле Новожиловой за глубокую вовлеченность в дело и мудрость в решении самых сложных задач. Низкий поклон коллегам, штатным и внештатным сотрудникам благотворительного фонда «Арифметика добра», за самоотверженный и круглосуточный труд, за помощь детям-сиротам и семьям, принимающим их.

Особая благодарность – членам клуба «Азбука приемной семьи». Мы с Гошей чувствовали поддержку на каждом этапе создания книги и постепенно приходили к мысли о необходимости ее публикации. Приемные родители как никто другой осведомлены о проблемах сиротства. Они обладают ценными знаниями и навыками, которые помогают воспитывать самых сложных детей. Усыновление и опека – непростая стезя, это большой труд и ответственность на всю жизнь. Люди, которые выбирают такой путь помощи детям, не ожидая благодарности и отдачи, заслуживают самого глубокого уважения общества. Они выполняют важную работу. Кстати, некоторых друзей Гоши, которые упоминаются в книге, приняли в свои семьи члены клуба. Низкий за это поклон им и всем людям, воспитывающим в своих семьях сирот.

Спасибо нашей семье за поддержку, принятие, за умение расти и меняться вслед за обстоятельствами и условиями жизни. Это настоящий талант.

От всей души благодарим нашего любимого глубокоуважаемого редактора Ольгу Аминову за веру, человеколюбие и непревзойденный профессионализм. Уверенность Ольги в том, что подобные книги увеличат число

людей, готовых изменить судьбы брошенных детей к лучшему, служит для нас путеводной звездой.

Спасибо всем, кто по долгу службы и зову сердца помогает сиротам восстанавливать связи с кровными семьями или находить новые, приемные, семьи. И всем, кто готов услышать простую истину – подросткам тоже нужна семья.

– Гоша, так ты не знал, как зовут твою маму?

– Нет, откуда? Это же тайная информация, нам в детдоме не говорили.

– Гоша, это не тайная информация, а твоя собственная история. Сколько лет тебе было, когда ты узнал?

– Точно не помню. Я вроде еще в младшем школьном корпусе жил, учился в четвертом классе.

– В девятом, когда мы познакомились, тебе было пятнадцать. Значит, в четвертом – десять. Так?

– Да.

– И до этого тебе никто ничего не рассказывал?

– Нет. Я тебе еще раз говорю – это закрытая информация.

– Почему? От тебя она не должна быть закрытой.

– Так у нас у всех было прописано ЗПР^[1] и так далее. Воспитатели в батаре^[2] говорили, что, типа, если мы узнаем, это еще больше усложнит ситуацию...

Глава 1

Страшная тайна

Я о себе знаю мало. Кем были мои родители? Как я родился? Без понятия. Знаю только, что меня произвели на свет и тут же выбросили, как ненужную вещь, – мать написала отказ в роддоме. Вот и хранятся у меня теперь вместо семейного архива с фотками и прочим всего три бумажки – свидетельство о смерти отца, мое свидетельство о рождении и свидетельство о моем крещении. В последнем, кстати, тоже ничего не написано: ни крестного отца там нет, ни крестной матери. Странно как-то. Я слышал, крестные как раз нужны, чтобы, если что, заменить мать и отца. А у меня ни тех, ни других. Таинство крещения совершил иерей Виктор. Хотя это написано. Но его я тоже не помню. Кто он такой, что со мной делал?

Родился я 6 мая 1999 года. Крестили меня 8 сентября 2000-го. И до десяти лет я не знал, как звали мою мать. Никогда не слышал имени своего отца. Нам в детдоме говорили, что это секретная информация. Вроде как нельзя ситуацию осложнять. У нас же диагнозы у всех там прописали – ЗПР, еще что-то типа того. Поэтому мало ли. Откроют нам страшную тайну, а мы вдруг вразнос пойдем.

Но однажды, я тогда учился в четвертом классе, в наш детдом приехала комиссия. Воспитательницы вытащили из архивов наши портфолио, положили их на край стола. И мы, такие: «О, что это за папки, что там про нас написано?» Они куда-то вышли, и мы давай все это читать. Так я узнал имена-отчества своих матери и отца. Мою мать, оказывается, звали Верой Евгеньевной. А отца Василием Георгиевичем. Я тогда очень обрадовался – я же Георгий Васильевич. Как бы наоборот. Еще я увидел там свидетельство о смерти своего отца, но, честно говоря, не очень понял, что это значит. До этого момента никаких разговоров о семье не было. Я никогда не спрашивал, откуда взялся. Меня не интересовал вопрос, как дети появляются на свет. Только в тринадцать лет у нас пошли разговоры о родителях. Мы уже жили в старшем корпусе, я учился, кажется, в седьмом классе. И к нам на работу пришла Татьяна Владимировна, воспитательница из другого детского дома. И вот она на некоторые вещи мне открыла глаза.

– Вообще-то я не должна вам это рассказывать, – она перешла на шепот, – потому что информация закрытая.

– Да?

- Но я скажу то, что безопасно.
- Лан.
- Твой папа, Гоша, умер еще до твоего дня рождения.
- Как это?
- Ну, вот так. Примерно за три месяца.
- Ничо себе, – я замер, впервые от нее об этом узнав.
- А мама твоя еще жива.

В ответ я промолчал. Не хотел ни о чем расспрашивать – раз жива, значит, я ей не нужен. А то пришла бы уже, за тринадцать-то лет.

- Когда ты родился, ей было тридцать девять лет.
- Ааа, – я изобразил безразличие, – значит, сейчас уже старая.
- Почему? – Татьяна Владимировна возмутилась. – Всего-то пятьдесят два года.
- Ну, лан, жива, и хорошо.

А больше я ни о чем не спрашивал. Может быть, она что-то еще рассказала, а я забыл. Но сам в подробности не вдавался. Не было у меня тогда интереса, кто там остался жив, кто не остался жив. Меня воспитали другие люди, и все, спасибо. Хотя, если честно, я всегда много думал о матери. Поначалу были мысли: «Блин, поискать бы ее, посмотреть ей в глаза». Но это, наверное, больше потому, что хотелось понять, в кого я такой офигенный. Потому что мне все говорили, что я совершенно ни на кого не похож, не как все. Даже если брать нашу баторскую компашку, все равно и оттуда меня выделяли. И я хотел знать, откуда во мне такое. А еще было важно понять, как и почему умер отец. Думаю, это я в него такой прикольный. Потому что так всегда – хороших людей бог забирает, а плохих оставляет. Мать, получается, плохая, если она меня бросила на произвол судьбы, а сама еще жива. Значит, она слабая, а я ненавижу слабых людей. Отец вот не виноват, он просто умер. Но если бы мать была сильная, она, даже несмотря на его смерть, сама стала бы меня воспитывать. Хотя я ей благодарен за то, что она меня родила. Жизнь дала. Да и за то, что оставила в роддоме, тоже спасибо. Еще неизвестно, как бы я жил. Реально слышал много страшных историй – это почти в каждой семье происходило у моих друзей, которые потом в детдом попадали, – про избиения, насилия, убийства. Отец, например, мать избивает, а маленький ребенок все это видит. Или убивали родители друг друга у детей на глазах. А они наблюдали. У меня были и друзья, и подружки, у которых в семьях это происходило. В основном мам у них били. Иногда их самих. Но это же полный треш! Когда тебя бьет твой любимый, родной человек. Ты его знаешь, он тебя растил, и тут такое. В детдоме, когда бьют, это все-таки совсем другое. Да, нас били старшаки, но

это нормально. Бьет тебя совершенно чужой человек. Он тебе никто. Поэтому – ерунда. Просто как в школе, взял и подрался. Или на улице, взял и подрался. А в семье это совсем другое дело. Я бы не выдержал.

В общем, конечно, в глубине души я хотел узнать, что на самом деле было, почему меня бросили. Но не стал никого об этом спрашивать. Потому что, ну на фиг? Зачем мне чья-то тупая жалость? Я много таких историй видел, когда жалели других детей-сирот, и боялся, а вдруг и со мной то же самое произойдет? Все-таки жалость и я – это две несовместимые вещи. Жизнь научила меня смеяться, когда трудно, а не плакать. Меня ругали, я смеялся. Обижали, я смеялся. И когда били, смеялся тоже. Я не хотел, чтобы меня жалели. А еще если бы я свою мать увидел, я бы, наверное, просто в себя ушел, и все. У меня встал бы вопрос: «На фиг ты меня вообще бросала?» И я бы влез в это говно, остался бы там сидеть, разбираясь со всем этим. Оно мне надо? Пока жил в баторе, я не хотел погружаться в то, что было до меня, не хотел знать, почему все так произошло. Меня устраивало то, что есть. Больше мне ничего не надо. В детдоме я жил настоящим. Не прошлым и не будущим. И уже тогда, в тринадцать лет, решил для себя – если не знаю заранее ответа на вопросы, не должен их задавать. И не задавал.

Хотелось, конечно, увидеть хотя бы их фотографии. Как выглядел отец? Какой была моя мать? Но тогда мне захотелось бы узнать больше, могло появиться желание еще и встретиться. А зачем это все? Я уже знал, какотреагирую, и боялся сам себя. Боялся провалиться в бездну, возможно даже надолго. Я бы думал и думал, что там было и как. И вот мы бы с ней сидели, я бы смотрел в ее бессовестные глазки и задавал тупые вопросы:

- Почему ты меня бросила?
- Понимаешь, сынок, так получилось.
- У других так не получилось! Почему именно меня?!
- Папа умер. Я осталась одна.
- Не одна, у тебя были старшие сыновья!
- Они тогда были детьми, мне надо было всех вас кормить, растить. А папа...
- Я знаю! Он умер! Но почему ты оказалась такой слабой?!

И так бы мы с ней говорили до бесконечности. Ни о чем. Я всю жизнь был один, мне так было легче. А тут надо было бы надеть на себя громадный рюкзак из прошлого и под его тяжестью загнуться. Нет. Без рюкзака все-таки легче ходить.

Кстати, я никогда даже не видел ту самую бумагу, с которой все началось – отказ матери от меня. Я думаю, там было написано: «Отказываюсь, потому что не могу содержать». Или еще

что-то такое. Иначе как так вышло, что она смогла просто взять и выкинуть меня? Либо она все-таки была алкоголичкой, наркоманкой и так далее – то, что приписывают всем родителям детдомовских детей. Воспитатели всегда нам так говорили. Когда ругали нас, получалось примерно одинаково.

– Аааа, значит, мы вам надоели? – Софья Николаевна, моя нелюбимая воспитательница в младшем школьном корпусе, начинала распаляться на ровном месте, стоило мне пробубнить: «Не имеете права, надоели уже!»

– А че такова?

– Говори так своей мамке, которая тебя бросила! Сейчас скитается по дворам, курит, пьет, колется. Наркоманка!

– Да откуда вы знаете? – не скажу, что я как-то бурно реагировал. Если уж сам не знаю свою мать, откуда воспитатель может что-то о ней знать?

– Все они такие! Алкоголички и наркоманки. Иди, иди к своей мамке! Она тебе не надоест. Но если ты тут, значит, ты сам ей надоел!

И я, такой, про себя: «Пфффф. Поорала? Успокоилась? Молодца!»

Я никогда не злился и ответить ничего такого обидного не хотел. С самого детства был добренький. Даже про свою мать никогда не думал, что она пила или кололась. Думал только о том, что она не могла меня содержать.

А вот Некит, мой друг, он да, в порыве гнева всегда Софье Николаевне отвечал. Матом, конечно.

– Ты, сука, не знаешь моих родителей, – орал он, – и какую-то тут пургу несешь!

Ну а Софья Николаевна давай сразу за телефон хвататься. Некит орал на нее и лез под стол – от греха подальше. А она начинала звонить, типа в психушку. Все знают, что тех, кто плохо себя ведет, отправляют в психушку. Но на самом деле она просто своему сыну звонила. Мы только потом это поняли. Но в основном все было проще – она шла к старшкам. И присылала их к нам в воспитательных целях. Чтобы они поговорили, провели профилактические беседы. Старшаки честно пытались словами, но уставали от такой моральной нагрузки слишком быстро. И переходили к физической. Тупо били. Или швыряли как кеглю от одного к другому. Забава такая. Мы мелкие были, в пятом классе. А они уже огромные – в девятом, десятом, одиннадцатом.

Кстати, не только с воспитателями, но и с друзьями мы не обсуждали эти темы про родителей. Не было такого: «А ты хотел бы, чтобы...» Нет. Мы жили здесь и сейчас. Прошрое вообще не трогали. Будущее, впрочем, тоже. Наверное, что-то обсуждали,

какой-то там дебилизм из разряда: «А кем ты хочешь стать?» И все. Как и что там будет, мы просто не знали. Сидели, грубо говоря, в своей клетке. И не отвечивали.

А если идти по порядку, от самого рождения, то маленьким я себя не помню. Как в кроватке сидел, первые слова говорил, первые шаги делал, еще что-то – вот этого в памяти совсем не осталось. И фотографий нет, так что никогда уже не узнаю.

Глава 2

Кореша

А самый первый момент помню такой – я захожу в групповую. Мне три годика и меня перевели из Дома малютки в дошкольное отделение детского дома. В группу меня привела замдиректора Надежда Валентиновна, и вот она говорит воспитателю: «Познакомьтесь, это Гриша!» Так что в дошкольном отделении я все четыре года был Гришей, а потом еще и до середины первого класса Григорием ходил. Кто-то что-то напутал в записях. Только потом посмотрели в бумагах – «О! Это же Георгий, а не Григорий». И мне говорят: «Так, стоп, ты никакой не Гриша, ты не Григорий, а Георгий. Значит, Гоша. Запомнил?» Да вообще без проблем. И я снова стал Гошей.

В группе, куда меня привели, сидели воспитатели. Вроде там была Лариса Павловна и Наталия Анатольевна. А детей пока еще не было никаких. Я оказался самым первым. И вот помню, меня покормили, положили спать, а после тихого часа я просыпаюсь, открываю глазки – оп, еще один лежит. Это был Тимик, он потом стал моим лучшим другом. Мы, когда выросли, даже ходили с ним в дошколку к Ларисе Павловне и спрашивали: «А кто из нас первым в группу пришел?» И она говорит: «Вы с Тимуром в один день пришли. Я вышла на работу, и мне сказали, что поступили два ребенка. Открываю дверь и вижу: две черненькие головки рядом в кроватках лежат».

Там кровати очень близко стояли. Между ними еле протиснешься. С одной стороны было пять кроваток и с другой – раз, два, три... Да, точно, с другой было семь. Значит, всего двенадцать. Комната у нас была большая, посередине диван такой кожаный. И стены вроде мятного цвета – нежно-зеленые. Пахло там почему-то обоевым клеем. Ну, это сейчас я так думаю, что клеем, а тогда просто не знал чем. Этот запах был и в дошколке, и потом в младшем корпусе, и в старшем тоже. Если я где-то долго находился, не в баторе – в больнице или в лагере – а потом возвращался, то отдавало всегда этим обоевым клеем. На стене у нас картина висела, правда, что на ней было нарисовано, я не помню. И еще стояли ультрафиолетовые лампы. Чтобы, когда мы уходим из группы, антибактериальную обработку делать.

Кроватка у меня была – боже, я сейчас от умиления заплачу – такая маленькая, беленькая. Не для малышей, с решетками, а как в детском саду. И постельное белье зеленое с медвежатами. Мишки были коричневые и почти стертые, потому что белье мне

досталось уже изношенное. Но оно все равно очень мне нравилось, больше, чем синее с вертолетиками – когда это меняли, стелили его.

Я вообще ни капли не испугался, когда меня привели. Храбрый такой. Но на самом деле, думаю, мне просто было все равно – ну, взяли из одного места, перевезли в другое. Сюда. Туда. Нормально, я привык. Скучать по кому-то или плакать – такого не было. Я понимаю, что в Доме ребенка за мной кто-то ухаживал, приносил мне попить, поесть, штаны менял, еще что-то делал, но я никого там не запомнил. Наверное, не было ни с кем привязанности. Может быть, они холодно ко мне относились, поэтому ни к няням, ни к воспитателям не прикипел, но я точно ни по кому не тосковал. Получается, спокойно ушел и спокойно пришел. Нормальный такой «Здрасьте!». А вот когда из дошколки меня переводили в младший школьный корпус первого сентября, я уже рыдал. Потому что в дошколке у меня появились две воспитательницы, которых я полюбил, – Наталья Анатольевна и Нина Александровна. И еще много друзей.

Первым из них как раз стал Тимик. Я ему сразу очень обрадовался. Проснулся, увидел его и тут же подумал: «О, прикольно, я не один буду. Весело». Тимик был маленький такой, худощавый. Намного меньше меня ростом. Его еще потом дразнили карликом. Даже питалки^[3] «шкетом» называли. А он всегда возмущался и вопил: «Да я еще вас всех перерасту!» И действительно, сейчас уже вымахал – не догнать. Всех перерос. Вообще он сильно изменился с возрастом. Раньше был такой же черненький, как и я. Реально тот же цвет волос, как будто мы братья, только они у него были длинные. А потом он посветлел и начал коротко стричься. А нос как был, так и остался – огромный, гигантский просто.

Откуда взялся Тимик, я не знаю. Мы с ним это не обсуждали, даже вопроса такого не возникало. Потом узнал только, как раз когда мы до портфолио все вместе добрались, что мать его зовут Рагиля Малказенка. Я ее имя лучше, чем имя собственной матери запомнил. Реально! Потому что это такой повод для шуток, и мы над Тимиком потом постоянно стебались: «Ну как там Рагиля Малказенка поживает?» Но не суть. Тимик пришел в группу, и хорошо. Дружба у нас с ним как-то сама собой получилась, мы же все время были вместе. Как два заключенных, ходили по расписанию в туалет, в столовую, на прогулку. В баторе, в дошколке, был строгий режим: «Построились, в туууалееет!» Не то чтобы вот прям по времени, но если один захотел, значит, захотят все. Не будешь же каждого отдельно водить. Поэтому быстро встали и пошли все вместе строем. Кто не хочет, можете

просто рядом постоять. Санузел у нас был большой – рукомойники стояли, ванная комната там же была. Проходишь дальше, и стоят два унитаза, а между ними фанерные перегородки. Даже кабинки такие, закрывающиеся. И еще из туалета вела дверь запасная почему-то на лестничную клетку. И мы через нее сбегали, когда строем надоедало ходить. В общем, нормально все было. Обычное детство. Как у всех.

С Тимиком мы вместе катали машинки, строили что-то, пазлы собирали, разговаривали и веселились, как могли. Мы с ним даже в куклы играли, было такое: «Привет, меня зовут Тимур», «Привет, меня зовут Гриша». «Давай вместе дружить». О боже! Сейчас как вспомню... Умора. В дочки-матери, мы, понятное дело, не играли. Не знали, что это за игра такая. У нас с ним все куклы были дети, друзья. Никаких взрослых даже близко. А вот потом, когда к нам в группу пришли другие ребята, семейные, мы в папу-маму тоже стали играть. Образы, кажется, брали из мультиков, ну и домашние что-то привносили. Но это мы уже не в куклы играли, а сами, как умели, изображали членов семьи. У нас были папа и мама, одна дочка – это была единственная кукла – и все остальные братья. Мама папе всегда говорила: «Ты руки помыл? Давай садись, сейчас принесу тебе ужин. Только тихо, наша дочка спит». Мне роль папы не доверяли, его играл почти всегда Никита. Как самый ответственный. И он нам, такой: «Братья, тихо. Будете шуметь, проснется дочка». А «мама» была все время Света, конечно, и она там готовила что-то постоянно. Сколько себя помню, у нас всегда была только одна девочка в группе, а остальные все мальчишки. Слава богу, хоть сейчас в колледже наоборот – у меня в группе тридцать девочек, а я один. Вот это жизнь! Хотя тоже свои заморочки.

Кстати, у нас в то время не было никакой жестокости в играх. Мы ничего такого не делали, кукол не били. Свое зло ни на ком не вымещали. Даже когда нас обижали, мы это просто держали в себе. А может, копили.

Потом, чуть ли не в этот же, первый день, пришел другой мой лучший друг – Никитка. Он вроде из какого-то другого Дома ребенка был. А может, и сразу из семьи к нам попал. По крайней мере, мне так казалось, потому что раньше я его, как и Тимика, никогда не видел. Он был такой маленький, пухленький и ходил все время красный. Чего-то там постоянно смущался, стеснялся. Но у Некита в отличие от нас с Тимиком была мама, которая приезжала к нему в дошколку. Я ее видел. Она ему подарила на день рождения огромный детский мотоцикл. Мы на нем все по очереди катались. Но в итоге, как обычно, чуть не подрались из-за

него, поэтому питалки мотоцикл забрали. Он до сих пор стоит в дошколке, я видел. А мама Некита какое-то время ходила к нему, но потом пропала. Удивительно, но Некит как-то спокойно отреагировал – не вспоминал, не плакал, не спрашивал, когда она снова придет. Просто молчал. Как всегда смущенно улыбался и, как обычно, краснел. Наверное, держал все в себе.

Я, кстати, совсем не завидовал тому, что к нему мама приходит. В принципе, не очень этого понимал – мне тогда что мама, что чужая женщина, все равно. Тетенькой больше, тетенькой меньше, какая разница? Их и так было слишком много перед глазами, мелькали туда-сюда. А вот тому, что у Некита был мотоцикл, завидовал. Это реально круто! Мама Некита вроде была лишена родительских прав, точно не помню, но, кажется, от кого-то слышал, что она пила, и соседи на нее пожаловались. Пришла опека с полицией, и Некита забрали. Хотя, может, это и не его история, а чья-то другая. Их сотни таких было вокруг. Но для меня это все было непонятно, никаких эмоций не вызывало. Даже когда ко мне самому начала приходиться тетя Ира, я тоже особо не реагировал. Но про нее я еще подробно расскажу. А вообще, я же тогда не понимал, что такое родственники, родители. Что еще за родня? Какая-токая мама вообще? Вот убей не помню, чтобы вопросы задавал: «А откуда я взялся? Как появился на свет?» Да, многие дети в три-четыре года начинают интересоваться, откуда берутся дети. Им там объясняют всякое, что у мамы из живота. Но я-то понятия не имел, что у ребенка должна быть мама. Меня воспитатели воспитывали. Мы, кстати, их мамами и называли – «мама Оля», «мама Соня», «мама Нина». Смысла никакого в это не вкладывали, просто так принято было. Традиция. И в детстве я на эти темы не загружался, как и на все остальные. В принципе, никогда «почемучкой» не был.

А дальше, постепенно, у нас в группе получилась «сборная солянка». Пришел еще Миша. И мы его так возненавидели! Вот он именно из дома пришел, из семьи. Домашние дети всегда были ужасные – капризные и гадливые. Не такие, как мы. И по Мише сразу было видно, какая это мразь. С ним невозможно было жить в одной группе. Все игрушки у нас всегда отнимал. Плакал по поводу и без повода. Наверное, из-за того, что он был семейным, характер у него оказался таким противным. И рыжий он был, как огонь. Вот из-за него я до сих пор ненавижу рыжих. Дрался он постоянно. Вечно был зачинщиком. И при этом всегда выходил сухим из воды. Если мы все вместе напроказничали – я, Тимур и он – то Мишка чуть что, сразу же: «Это все онииии!» И мы ему, такие: «Что ты творишь, Миша?». Прижимали его к стенке, учили уму-разуму, а он все равно за свое. Опять идет к питалкам и

давай плакаться, жаловаться на нас. «Они меня били», «Они меня обижали» и все такое. Реально достал. Но зато однажды из-за этого придурка Миши я понял, что Некит – мой лучший друг и настоящий человек. Когда тетя Ира стала ко мне ходить, у меня впервые появилась собственная игрушка, телескоп-мозаика. Она мне ее подарила. Это как подзорная труба, смотришь в глазок, крутишь ее, а там какие-то бусинки падают, и каждый раз появляется новый узор. И вот этот гад Миша подбегает ко мне, отбирает телескоп и тут же с ним куда-то уносится. Я ему кричу: «Мишка, вернииии!» А он не слушает. Я плачу уже, реву от горя. Питалки то ли чай пили, то ли еще что-то, но они ничего не сделали, даже не вышли на мой плач. И я, такой, к другу: «Некит, у меня Миша телескоп отнял, можешь с ним поговорить?» И Некит пошел, поговорил. Попросту говоря, взял и наваял ему. Этот Миша, понятно, начал плакать, биться в истерике. Опять рассказал воспитателям, что мы его, бедненького, бьем-избиваем. В итоге телескоп забрали и положили на шкаф. Никому не давали – ни мне, ни другим. И я, такой: «Ну, все! Спасибо, Миша. Теперь ты у нас попляшешь». И весь год, который он был с нами, может, немного меньше, ему от нас конкретно доставалось. А потом его в семью обратно забрали. И с тех пор я рыжих не переносу. Это уже на всю жизнь.

Потом еще был Макуха. Не могу вспомнить, как его реально звали. Но все его называли «Макуха, зеленое ухо» с моей легкой руки. Потому что была у нас там ветрянка, а у него даже на ухе были болячки. И питалки взяли, реально зеленку просто ему на ухо вылили. Я тогда тоже болел вместе со всеми. Так мучился, это было что-то с чем-то. Ходили мы все зеленые, на карантине сидели, еду нам приносили в группу. Меня даже кормили с ложечки. Потому что сам я ложку держать не мог – между пальцами и то были эти болячки. У нас хорошие питалки днем работали, я уже говорил, что мы их любили. Другие сказали бы: «Не можешь жрать, ну и не жри». Ночная наша, например, так бы и сделала. Слава богу, она у нас только ночью, во время сна была. А эти, дневные, не такие были, возились с нами по-настоящему. Наталья Анатольевна, Нина Александровна и Лариса Павловна. Они нас даже на ручки брали. Это не часто было, но случалось. Я помню.

Ну, в общем, Макуха был у нас очень веселый, прикольный. Реально как обезьянка. Торчащие уши, весь сгорбленный и очень темный – кожа почти коричневая, как будто приехал с курорта. Откуда он в нашей группе взялся, я опять-таки не знаю. Просто бамс – и появился. Кстати, мы с ним и с Тимиком постоянно качались в кроватках. Когда спать ложились – вот прям

обязательно, я это четко помню. Все вместе – рrrраз, и начинали из стороны в сторону мотаться. Наяривали головами по подушкам. Я, Тимик, Макуха точно, возможно, еще кто-то. А те, кто из дома приходил, типа Миши дебильного, они не качались. Нам это как-то непонятно было. Сосед справа качается. Сосед слева тоже. Вот и ты – лег, давай, качайся! Нормально, как все. Психологи говорят, так проявляется депривация – я потом уже, когда вырос, об этом узнал. Но мы тогда, конечно, думали, все дети так делают. Кстати, потом я еще очень долго жил с этой привычкой. Не на кровати уже, а так, стоя. У меня это было класса до пятого. Стою у доски, стих рассказываю – и раскачиваюсь взад-вперед.

– У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том, – а сам наяриваю, как метроном.

– Не качайся! – учительница одергивала. – Ну-ка, встань нормально!

– Валентина Ивановнаааа, я не могуууу.

– Встань, я сказала, нормально!

– Ну ладно...

И я старался стоять, как мог. Мы, между прочим, всегда послушными были. Не то, что семейные дети – сплошные капризы. Быстро поняли, что нет никакого смысла идти против системы. Те, кто шел против системы, всегда получали больше всех. Тот же самый Мишка. Против установленного порядка пёр, его и мутузили все. Та же ночная питалка, другие воспитатели. Я уж не знаю, что именно с ним там делали, просто уводили, и все. Очень часто. А мы-то с Некитом и Тимиком были идеальными. Паиньками. Ну, разве что изредка какую-нибудь ерунду творили, тогда нас наказывали.

А потом к нам в группу пришли еще двое детей – Света и Сережа, брат и сестра. Они попали к нам из семьи, к ним даже приходила мама. Они временно к нам попали. Мама навещала все время, она реально добренькая была. Дарила нам чупа-чупсы, еще что-то, кормила всех сладостями. Сережа был противным мальчиком, как и все домашние, но каким-то и удивительно приятным одновременно. Хотелось его и ударить, и в то же время пожалеть. Но, как и все домашние гаденыши, исподтишка действовал. Сидят все, играют, а он, такой: «Эй, дебил!» И потом: «А че я, это не я обозвал, это вот он». Но из-за того, что его мама приносила нам угощение, мы к нему относились более-менее снисходительно. Были, конечно, разборки, мы разговаривали: «Сереж, ну что ты творишь, а? Ты либо с нами, либо будешь, как Миша, белой вороной. Не из нашей компашки». Наша компашка была – я, Тимур, Никита и Макуха. Со Светой мы мало общались.

Не потому, что она нам не нравилась, просто – девочка. А так, она была очень прикольная, веселая. В принципе, они с Серегой вместе были такие шkodные! И друг за друга горой! Это мило было, но иногда реально бесило. Если Света была не права, то Сереже невозможно было доказать, что она не права. Он все равно бился за нее. Мы уже уставали от этого, говорили: «Ну ты же понимаешь, что она не права?» И он, такой: «Да, но все равно трогать ее не надо. Она же девочка». И мы соглашались. Наверное, благодаря Сереге со Светой и поняли, что девочек все-таки надо беречь и защищать. Именно такие случайные моменты нам рассказывали что-то о жизни. Хотели избить девочку, а ее защитил брат. И мы, такие: «Да, все-таки реально, надо ценить девочек. Наверное, они зачем-то нужны».

В итоге нас там собралось семеро: я, Макуха, Некит, Тимик, Миша, Сережа, Света. И двенадцать кроватей. Возможно, кто-то еще приходил ненадолго и уходил, скорее всего, так и было, но я их не запомнил. Света с Сергеем потом тоже вернулись в семью, к своей маме. С нами они прожили год с чем-то. Мы им не завидовали, что они уходят домой – про дом-то ничего не знали. Нам было просто жалко, что они уходят, что надо расставаться с друзьями. Даже поплакали немного.

Глава 3

Крыса

Я помню, был рыбный день. Он всегда у нас был по четвергам. И давали всем рыбный суп. А я его не любил и есть не хотел, поэтому начал капризничать.

– Не хочу кушать, не буду кушать...

Тогда ко мне подошла наша ночная питалка, мама Оля – она как назло кого-то там в этот день заменяла, – и говорит:

– Ешь!

Я опять за своё.

– Не буду, не хочуууу!

– Сейчас за шиворот вылью, – пригрозила она.

– Ну, можно я не буду? – я уже начал скулить. – Пожалуйста, можно, я только бульончик?

– Нет, ешь быстро все! – она встала, руки в боки.

– Аааа, – я начал плакать.

И она, такая, схватила тарелку и – фффф – вылила мне весь суп за шиворот. Сейчас ржу не могу, блин, как вспомню: суп же не горячий был, так что все нормально. Но тогда мне, конечно, было несмешно. А страшно обидно. Я реально рыдал. Начал по полу кататься, биться головой, орать: «Что ты деееееелеееешь?!» А она как завопит на меня:

– Сел на место!!! Сел и сидишь!

Не спросила, ошпарился или нет. Не помогла переодеться. Мама Оля эта вообще была бэээ. Настоящая злюка. Она же и била нас ночью по пяткам. Брала прыгалки и давай лупить. Это если вечером мы долго не засыпали, а шептались, обсуждали то, что днем не смогли обсудить, или в войнушку играли: «Тыщ-тыдыщ-тыдыщ». И она заходит с этими прыгалками, включает свет, и пофиг – спит кто, не спит – начинает.

– Все ноги вверх!

Если кто не слышал, спал, она подходила, специально будила, откидывала одеяло и орала в самое ухо:

– Поднял ноги вверх!

Мы понимали, что лучше не сопротивляться. Сначала, конечно, было больно. Всей группой плакали, просто ревели. Какого фига нас бьют?! За что?! А потом привыкли. Научились ноги поднимать так, чтобы можно было уворачиваться – попробуй попади. Но, кстати, спрятать ноги под одеяло никто не пытался. Мы уже знали – тогда будет что-то другое, еще хуже. Поставили бы в прихожую стоять, пока все не заснут. А спать-то хочется все

равно в теплой постельке, а не в тонкой пижамке на холоде стоять. Или еще был вариант – сидеть в сушилке. Там сушили нашу верхнюю одежду после прогулок, и был специальный верхний ярус для шапок, варежек, шарфов. Провинившихся сажали туда, к этим шапкам на антресоли. Места для ребенка там вполне хватало. Сажали и уходили. И было так стремно сидеть, потому что я лично всегда боялся заснуть и упасть. А уснешь, упадешь – твои проблемы. Жалеть и на раны дуть никто не будет. Поэтому изо всех сил старался не спать.

Мой друг Тимик один раз умудрился как-то слезть с этих антресолей и начал скакать по лавочкам в раздевалке, которая была рядом с сушилкой. В итоге сломал себе руку. Но это никого не остановило, как сажали в сушилку на антресоли, так и продолжали сажать. Про Тимика просто сказали, что он сбежал из группы и прыгал по лавкам в раздевалке. Поэтому директор дошкольного отделения так и не узнала, что и как на самом деле было. Директором у нас женщина была, очень добрая. Не помню, как ее звали. Но она реально следила, чтобы нас не обижали. Но ночью-то ее не было, и вот тогда все самое интересное происходило.

Еще нас наказывали кипятком. Совали в ванну и включали очень горячую воду, а мы под собственный вой плясали. Не знаю, как они это делали, но мы никогда не обваривались, только больно было. И мы отплясывали, кричали: «Не надооо, мы будем себя вести хорошоооо».

Ну и в лагере были свои наказания. Нас возили все время в один и тот же лагерь «Звездочку», до сих пор его помню. Это в Подмосковье. С нами ездили воспитатели, которые тоже в нашем баторе работали. И вот там за плохое поведение или если в тихий час не спишь, засовывали крапиву в трусы. От этого я прям реально орал.

– Ааа, мне жжет, можно я высуну?!

– Нет, – говорила воспитательница, – ты нормально спать не хотел? Теперь спи с крапивой.

И вот ложишься, как солдатик, с мыслями: «Все, главное, не ёрзать и поскорее заснуть. А дальше будет нормально». Сначала, правда, я плакал, елозил, только хуже себе делал. А потом понял, что лучше не шевелиться, а спокойно лежать. И лежал, засыпал так. Но спал чутко-чутко. Стоило чуть заворочаться во сне, и крапива начинала жечь. Но и к этому я тоже привык. Нормально. Воспитательницу, которая крапиву мне засовывала, звали Михалочка. Такая женщина XXL. Не то, чтобы очень полная, но грудь – просто гора. Меня туда как на табурет можно было посадить, и я бы не свалился. Волосы у нее были кучерявые,

выжженные пергидролем и химией, поэтому непонятного цвета, и с совершенно идиотской стрижкой. Как у барана. И усы еще такие страшные, черные, заодно с бакенбардами – прямо фуууу. Прожитая тетка была, повидавшая. Наверное, где-то за пятьдесят. Она работала в одной из групп нашей дошколки. И на смену в лагерь, конечно, всегда приезжала. Хорошо хоть в баторе она не в моей группе была!

А у наших питалок такой график был, что в будние дни, например, до вечера работает Наталья Анатольевна, а в выходные – Лариса Павловна. Другую неделю в будни днем работает Нина Александровна, а по выходным опять Лариса Павловна. Но на ночь всегда приходила эта сумасшедшая мама Оля, которую я ненавидел. Потом вместо нее другая питалка появилась. Светлана какая-то, что ли. Точно не помню. Она проработала очень мало. И как раз у нее я единственный раз намочил кровать. Понимал во сне, что хочу писать, а на горшок не встал.

– Ты что наделал?! – она не на шутку разозлилась.

– Простите, – было стыдно, – мне снился сон, я хотел его досмотреть.

– И?

– И мне во сне показалось, что я сел на горшок и пописал. А на самом деле нет.

Мне казалось во сне, что я встал, пошел на горшок и все сделал как надо. Но потом мне самому стало мокро, и я понял, что что-то не так. Хотя сначала подумал, что просто горшок переполнился.

– Ты что, с дуба рухнул?! – она начала орать на всю группу. – Посмотрите все на этого ребенка! Он опииисаался! Тебе не стыдно ссать в собственную кровать?!

– Простите, – мне уже совсем было не по себе, – такой был сон интересный.

– Мне все равно! Сон у него. Берешь быстро постельное белье и идешь его стирать!

Я пошел в ванную со своей простыней и пододеяльником, взял там тазик, начал стирать. Мне тогда было три с половиной года. После этого я больше не мочился в кровать.

Но иногда, было дело, нам надоедало быть послушными и молча терпеть, что на нас орут. Да и скучно время от времени становилось, и мы придумывали, как попить у злых питалок кровушки. Особенно хотелось насолить той самой ночной питалке маме Оле, которая постоянно нас обижала.

И вот однажды к нам в группу притащили крысу. Обычную домашнюю крысу, которая дома в клетке живет. Я тогда не знал, кто и зачем это сделал. Зато сразу заметил, что у крысы слишком

блатная жизнь. Мягкая подстилка, подушка, даже одеялко. Я тогда не мог понять, что происходит: «Это же просто крыса! Зачем ей постель?!» А еще у нее была специальная поилка и крутая кормушка. Сама крыса оказалась огромной, черной, с длинным лысым хвостом. Фуууу! Сначала мы все на нее просто смотрели. Подходили к клетке и не понимали, что с ней делать. Кто ее принес, как с ней играть? А потом узнали, что это крыса той самой мамы Оли, которая била нас скакалкой по ночам. И вот тогда мы потихоньку начали над этой крысой издеваться, типа, мстить ей за наши обиды. Всякие там карандаши, палки в клетку совали, тыкали ее всем подряд. Она бегала по клетке, пытаясь увернуться от наших тычков, и орала мерзко: «Эээ, ээээ». Потом мы додумались трясти клетку, когда никто не видел. Брали и встряхивали так, что крыса внутри летала из стороны в сторону. В итоге мы с ней что-то такое сделали, что она перестала шевелиться. Лежала на дне клетки и даже усами не дергала. Попытались разбудить, дотрагивались до нее карандашами. Уже не сильно, чуть-чуть. Но бесполезно. Крыса умерла. И как же мама Оля тогда взбесилась! Как она на нас матом орала!

– Вы, блять, мудаки, что вы сделали?!

Мы только пятились от нее и прятались друг за друга.

– Дебилы! Аутисты! Отказники!

Мы стояли притихшие и думали, что нам всем теперь тоже конец. Хотя смысла ее ругательств не понимали.

Нам было тогда по три-четыре года. И это было первое животное, смерть которого я увидел. Потом мама Оля эту свою дохлую крысу куда-то унесла. Похоронила или просто выкинула, я не знаю. Нам было пофиг. Нам было важно, что мы смогли отомстить ей хоть через кого-то. Жалко, конечно, животное. Но что поделать? Крысу было уже не вернуть. Зато мы немного выдохнули. И после этого жуткая питалка в моей жизни больше не появлялась. Во всяком случае, я этого не помню. Хотя, может, просто в другую группу работать перешла.

Глава 4

За воротами

А один раз я и сам чуть не ушел в семью. Мне тогда было четыре года. Не знаю, откуда взялась эта тетя Ира, но в один день воспитательница пришла в группу вместе с какой-то женщиной и представила ее: «Гриша, это твоя тетя, ее зовут тетя Ира. Познакомьтесь». И эта женщина, такая, стоит: «Ты что, Гришенька, меня не помнишь?» Хотя непонятно, откуда я мог ее помнить, если все время в детдоме жил. Но это распространенный приемчик у взрослых. Так же и педофилы делали, и всякие мошенники – представлялись родственниками, – но об этом я потом расскажу. Конечно, мы с ней раньше не виделись. Или она меня спутала с кем-то. Я ей сказал: «Нет, не помню», а она ответила: «Ну ладно, вспомнишь». Эта тетя Ира была такая сухая, с морщинами, ей было около пятидесяти на вид. Сначала мы с ней просто в группе разговаривали, знакомились. Она несколько раз ко мне в детский дом приходила, приносила гостинцы. Иногда даже игрушки дарила. Я всегда со своими друзьями делился – у нас с детства так было, что мы одна семья. А потом эта тетя Ира стала брать меня к себе в гости на выходные. Просто спросила однажды: «Ты не против домой ко мне пойти?», и я очень обрадовался, сказал: «Да, да, давай!» Это был первый раз в моей жизни, когда я попал в квартиру. Не знаю почему, но я очень хотел выйти за ворота детского дома, посмотреть, что за жизнь снаружи. Мы иногда куда-то ездили с батором, и мне нравилась смена обстановки. Вот и поход к тете Ире я поначалу воспринял как экскурсию, которой очень обрадовался.

Я, кстати, тогда удивился, что у нее дома много новых игрушек. И были еще какие-то фотографии семейные, я их не очень запомнил. Вроде мужчина и ребенок, наверное, бывший муж и сын, что ли. Но в квартире никого не было, кроме нее. Она жила одна. Вопросов я, как обычно, никаких не задавал, поэтому до сих пор без понятия – кто там был у нее или не был на самом деле. А квартира мне очень понравилась. Трехкомнатная, если я ничего не путаю. В спальне стояла огромная двуспальная кровать, такая красивая, белая. В гостиной, где я спал, был классный, очень удобный диван. По дороге из детского дома мы с ней всегда заходили в магазин «Седьмой континент» и покупали творожок с джемом внизу. Малиновым или персиковым. До сих пор такие люблю. Порядок у нас был такой: выходим из дошколки, идем в «Седьмой континент», покупаем мне творожок и только после

этого направляемся домой. Я сейчас вспоминаю и понимаю, что мне этот ритуал очень нравился. Мы приходили к ней домой, и я чувствовал совершенно другой запах. Не как в баторе. Мне кажется, такого запаха я больше нигде и никогда не встречал – тогда еще не знал, что дом каждого человека пахнет по-своему. И вот, я заходил, переодевался, снимал свои огромные зимние боты, комбинезон. Справа от входа стояла вешалка для одежды, там очень много всего висело – шубы, пальто, плащи. Слева было большое зеркало, просто огромное. И вроде в прихожей были обои на морскую тему. Дальше проходишь – кухня. Там у нее гарнитур стоял прикольный, светлый с черной столешницей. И даже телик в кухне был. Я в первый раз пришел, смотрю, на столе в вазочке что-то непонятное лежит.

– А что это такое? – спрашиваю.

– Это орешки, – она мне улыбнулась, – хочешь?

– Хочу.

И вот я сидел в кухне, смотрел мультик «Ледниковый период» и ел эти орешки из вазочки. Никто меня не дергал, не отвлекал, в ухо не сопел. И так хорошо это было. Я сразу полюбил дом тети Иры. И обстановка приятная, и еда такая вкусная, домашняя. Мне эта еда больше нравилась, чем баторская. Пюрешка с котлетой или макаронки с мясом. И котлетка всегда такая поджаристая, а не бледная, как медуза, и порция большая.

Дальше по коридору была гостиная, спальня и еще какая-то комната, кажется, кабинет. Туда она мне почему-то не разрешала входить, хотя я все время рвался – мне казалось, надо и туда обязательно игрушки свои положить. Вроде как повсюду отметить, о себе заявить. Но она мне все время говорила: «Гриша, выйди, Гриша, выйди!» И в свою спальню тоже не разрешала входить. У нее там как раз на белом комодике и стояли разные семейные фотографии, всякие статуэтки. Но я все равно как-то туда просачивался. И помню, довольно долго стоял, рассматривал все эти безделушки. У меня они и сейчас словно перед глазами стоят.

Тетя Ира меня каждый выходной забирала, мы с ней гуляли, в зоопарк пару раз ездили. Но в основном дома сидели. И я там ходил-бродил. Носил игрушки из комнаты на кухню, из кухни в комнату. Потом наоборот. О чем мы с ней говорили, не помню. Но мне у нее дома было приятно. Я там как будто отдыхал от шума и беготни. И постепенно привык.

Она даже поставила у себя дома мое фото. Я там маленький такой, красивенький, у меня волосы еще были длинные. Я стоял в синем огромном комбинезоне, и на мне была голубая безрукавка. И вот я стою, такой, с баторской игрушкой – дебильская божья

коровка, непонятно, для чего она вообще придумана. Эту фотографию тетя Ира сделала, когда мы с ней только начали общаться. Прямо в баторе меня сфотографировала – там, где у нас сушилка. И вот эта фотка у нее дома стояла, и я каждый раз, когда приходил, спрашивал: «А это я?» Как будто не верил, что у моей фотографии в ее доме есть свое место. И она мне всегда отвечала: «Да, это ты». Этот повторяющийся слово в слово диалог, ритуал даже – начался, когда меня перевели в третью группу. То есть мне уже было пять лет, вот-вот должно было исполниться шесть. Значит, тетя Ира долго меня к себе забирала, точно больше года. И когда я был уже в третьей группе, я очень хотел остаться у нее жить. Даже вслух о своих желаниях начал говорить: «А можно, пожалуйста, я не буду уходить?» И ждал, когда она меня насовсем заберет – все-таки моя тетя. Я тогда уже сам хотел в это верить и верил.

Но кончилось по-другому. В один прекрасный день она дала мне понять, что больше к себе не возьмет, и мы прощаемся навсегда. Настоящую причину, почему она от меня отказалась, я до сих пор не знаю. То ли сам достал ее своим плохим поведением, то ли к ней реально должны были приехать какие-то гости, как она мне сказала. Так и объяснила: «Ко мне скоро приезжают гости, тебе нельзя будет больше приходить. Я бы не хотела показывать им тебя». То есть два года она меня к себе брала, а потом в один день вдруг стало нельзя. Из-за каких-то гостей. Конечно, я ничего не понял. Почувствовал только одно: даже когда гости уедут, если они настоящие, а не выдуманные, мне все равно будет к ней нельзя. Теперь уже никогда.

Не могу сказать, что я именно из-за тети Иры страдал, не хотел ее терять. Хотя, конечно, привязался к ней сильно за это время. Но расстроился больше из-за дома, из-за семейной атмосферы. Там было хорошо. Я спал на большом диване, в котором вертелся как угодно: хочешь вдоль, хочешь поперек, хочешь вообще звездочкой, как я люблю. А в баторе у меня была маленькая кроватка, в которой не разгуляешься. У тети Иры было уютно, красиво, всякие там безделушки и еще кнопочки. Однажды я на одну такую кнопку случайно нажал, и буквально через несколько минут раздался звонок в дверь – приехала полиция. Оказывается, я случайно их вызвал. А они, такие, в форме, с собакой. Круто! Там я сколько хотел смотрел телевизор, ел сколько угодно и то, что мне нравилось. Боже! Это была не жизнь, а сказка. Она меня ничего делать не заставляла – только убрать свои игрушки и пойти помыться. Иногда она со мной играла. Иногда читала мне книжки перед сном. «Пряничный домик», «Гуси-лебеди». Мы, правда, мало разговаривали. Возможно, я сам

еще был не слишком разговорчивый, а может, она была такая закрытая. Но когда она приводила меня обратно в группу, то каждый раз целовала меня на прощание. Это я точно помню.

И потом бросила. На память о ней у меня остался фотоаппарат, который она мне подарила, когда я уже в младшем корпусе был, в младшей школе учился. Настоящий, пленочный. Это был первый фотоаппарат в нашей группе. Пластмассовый такой, желтый, но фоткал по-настоящему, и можно было распечатать снимки. Если бы он сохранился, я бы увидел, каким был маленьким. Но его вроде тоже питалки забрали или я его сам раздолбал – точно не помню. И больше у меня от нее ничего не осталось. Ни фамилии, ни адреса. Знаю только, что она где-то недалеко от детского дома живет. Когда подрос, несколько раз пытался ее дом по памяти найти. Это был шестой или седьмой класс, я уже сбегал иногда из батора и гулял один. Очень часто в такие моменты я искал дом тети Иры. Сначала шел правильно – было чувство, что эта дорога мне хорошо знакома. Шел-шел, заходил во дворы. И там каждый раз терялся – то куда-то слишком далеко забредал, то блуждал кругами. Так я ее дом и не нашел. Но мне всю жизнь хотелось найти тетю Иру, подняться в ее квартиру и спросить: «Почему ты меня не забрала? Почему бросила?» Я не понимал. Но про себя, если честно, думал, что сам во всем виноват. Я реально пакостил тогда очень много, кнопку еще эту дурацкую зачем-то нажал, вызвал ментов. Игрушки иногда не хотел убирать, вредничал время от времени, кричал. Я никогда не думал о том, что у нее могли быть какие-то свои причины. И в гостей не поверил, думал: «Тупая отмазка. Просто не хочет мне говорить, что я плохой». Самое смешное, даже сейчас мне важно это узнать – «почему?». Может быть, когда-нибудь соберусь с духом и поеду в дошколку к любимым воспитателям – некоторые до сих пор там работают, только у них там дети-инвалиды сейчас живут – и расспрошу про тетю Иру. Должны были сохраниться в архиве хоть какие-то документы, не просто же так меня ей отдавали, наверняка какие-то бумаги она оформляла. Может, еще увижусь когда-то с ней и задам свой вопрос.

Глава 5

Новое пристанище

В дошколке нас с Некитом и Тимиком, двумя моими лучшими друзьями, разделили. Меня перевели в третью группу, а Некита с Тимиком в пятую. Зачем, непонятно. На нашу дружбу никто не посмотрел, взяли и вот так распределили. Очень резко это произошло. Неожиданно. Меня не готовили к переводу, ничего мне не объясняли. И, главное, из всей нашей группы только я один попал в третью. Наверное, там просто до полного комплекта одного ребенка не хватало, и вот меня туда добавили. Я не протестовал, конечно, истерик никаких не закатывал. Но огорчился очень сильно. И Тимик с Некитом тоже.

– Но мы же будем приходить друг к другу?

– Даааа.

И на этом все. Нам было тогда по пять лет. С тех пор до начальной школы мы с Тимиком и Некитом нормально общались только летом, когда ездили в лагерь. А в баторе почти не пересекались.

И вот я пришел в третью группу, а там уже новые питалки. Лариса Юрьевна и Татьяна Игоревна, кажется. Лариса Юрьевна перед отбоем пела нам песню «Белые медведи» из мультфильма про Умку. У нее был такой приятный голос. Я ее за это полюбил и на всю жизнь запомнил. Но все равно в этой новой группе я не мог нормально уснуть, потому что рядом со мной спал Павлик, который постоянно писался в кровать. И хоть нос затыкай – жутко воняло. Я терпел, конечно, говорил себе: «Ладно, и это пройдет». Но мучился от вони страшно. А вот вторую дневную воспитательницу, Татьяну Игоревну, я не очень хорошо запомнил, она мне не нравилась. Была такая широкая, с пацанской стрижкой, седыми волосами, и нос у нее был картохой. А еще очень грубый голос. Но она не орала, а постоянно бубнила что-то себе под нос и так невнятно, что мы ее не понимали. Что-то не то у нее было с речью – щеки надувались, глаза выкатывались, а голос получался сдавленный, как из подвала. Так она и ругала нас, этим загробным голосом, когда мы баловались. Но в целом она вполне нормальная была – особенно если мы хорошо себя вели, ходила себе тихонько, не отсвечивала.

А ночная воспитательница в новой третьей группе была Марина Николаевна. И опять не тетка, а ночной кошмар какой-то. У нее морда крысиная была такая, острая. И вот прям очень некрасивой она была, просто как мужик. Все время на нас

рявкала: «Так, сидите тихо, я пойду курить», «Сказала, сидите тихо, че вы мне не даете покурить?!» И именно она показала нам, пятилетним, первый в жизни фильм ужасов. Такая блевотная была страшилка, что после нее никто не мог уснуть. Помню, мы тогда сидели напротив телика, а она с другими питалками собралась пить чай. И спрашивает:

– Ну что, страшилку хотите?

– Да, да, да!

Мы загалдели радостно, не знали же, что нам покажут. Вот она включает нам видеомagnитофон, и мы замерли с выпученными глазами. Я не помню, как этот фильм назывался, сейчас уже, наверное, никто такое не смотрит, но там настолько все было ужасно. Какая-то жижа, кишки, кровь беспрестанно. Нам было очень страшно. Непонятные перекошенные морды, каждую минуту кто-то кого-то убивает. И вот мы сидели, прижавшись друг к другу, и реально дрожали от страха. У меня до сих пор перед глазами остались картинки, как кто-то кого-то зверски сжирает, кто-то кому-то со смаком отрезает руку, ноги или голову. И все эти люди были какие-то синие, но при этом не мертвецы – полутролли, полу-непонятно кто. Мы потом еще долго всей группой спать не могли, несколько месяцев. Но я уверен, наша питалка и не подумала о том, что после этой страшилки с нами будет. Ей надо было спокойно чаю попить, с другими воспитателями потрындеть, и чтобы мы при этом сидели тихо, не путались под ногами. Многие воспитатели беспокоились только о том, чтобы уговорить нас в конкретный момент, а что там будет в результате – через день, через неделю и тем более через десять или пятнадцать лет – их не волновало. Они понимали, что не будут всю жизнь за нас отвечать. Поэтому пофиг, что дальше. Но еще раз повторю – таких мы сразу видели и с первого дня не любили. А любили тех, кому было по-настоящему не все равно.

Мужчин среди воспитателей не было. Во всем детском доме мужчинами были только охранники. Они тоже иногда к нам в группу заходили – с питалками чаю попить. И еще приходил муж Натальи Анатольевны. Боже, как он однажды меня напугал! Помню, все пошли мыться, а я еще только собираюсь в душ. Ищу свое ножное полотенце, трусики сменные, еще что-то, и тут неожиданно – ты-дыщ! – в окно мощный такой удар. Я испугался до смерти. Тем более после этого гребаного фильма. А потом еще раз – ты-ды-дыщ! И тут я как заору: «Ведьмаааа!» И со всех ног бросился к воспитательнице, которая в тот день дежурила.

– Наталья Анатольевнааа, там что-то в окно бросается!

– Что?

– Ведьма в окно стучит!

Она ничего не поняла, но все-таки поверила мне.

– Пойдем-ка вместе посмотрим.

Мы пришли в спальню, она открыла окно, выглянула – и давай улыбаться во весь рот. А потом как крикнет в окно:

– Ты мне ребенка пугаешь! Подожди, сейчас выйду!

Оказывается, это муж к ней пришел. Она вышла, открыла ему.

Еще из мужчин к нам приходил дядя Артем, жирный такой огромный охранник, сын питалки из пятой группы, Татьяны Федоровны. У нее как раз были Тимур и Никита. Вот он всегда приходил и орал на нас – его питалки звали, когда мы не слушались. А сама Татьяна Федоровна, кстати, добренькая была. Так что Тимуру и Некиту повезло, жизнь у них шла хорошо. К тому же они были любимчиками у мамы Тани. Вечером, когда все ложились спать, она их звала к себе и подкармливала домашними разносолами – они там и малосольные огурчики, и соленые помидорчики кушали. А еще они все время смотрели телевизор, пока остальные спали. Ну как спали. Лежали и завидовали им белой завистью, слюнями давились.

В третьей группе у нас началась подготовка к школе. Мы сидели, как все нормальные дети, и занимались по тетрадкам, книжкам, палочки какие-то складывали. Еще, помню, там мы дни рождения отмечали. Всегда каждому отдельно, у нас не было такой дури, как во многих других детдомах: «А сегодня мы отмечаем дни рождения всех, кто родился в мае». Это полный бред! Мы обычно собирались, чтобы поздравить, после тихого часа, и всегда ребенку дарили какую-нибудь игрушку, с которой потом играли все вместе. Кстати, своих собственных игрушек или вещей у нас в дошколке еще не было. Одевались мы так – шортики, под шортиками колготки и хэбэшные рубашечки. Когда одежда пачкалась, ее забирали в стирку, а потом шортики, в которых ходил ты, доставались другому мальчику, рубашечка еще одному, а тебе выдавали что-то другое. А вот трусы у нас у каждого были свои, именные. Их подписывали нестираемым маркером. У меня на попе, на трусах, было написано «Гриша».

Но хорошего много было. Мы, например, любили моменты, когда всей группой ложились на пол и смотрели телевизор. Помню, у нас был огромный барсук – игрушка такая прикольная, в красных штанах, – вот он лежит, и мы такие вокруг него. Маленькие спиногрызы. Смотрим КВН, «Кривое зеркало» или еще что-нибудь смешное – Лариса Юрьевна это любила. Она тоже вместе с нами сидела, только на диване, а мы занимали очередь, чтобы ее причесать. Нам разрешалось прически ей делать, и это было очень прикольно! Мне нравилось трогать ее волосы,

приглаживать, заплетать. Такой кайф! И вот однажды, когда подошла моя очередь, я решил проявить чуть больше фантазии. Стою у нее за спиной и думаю: «А что, если сделать вот так и вот так?» – волосы приподнял, открыл ей шею – «Должно быть нормально». Еще раз проверил, точно хорошо.

– Эй, – я шепотом подозвал Макуху, – принеси мне ножницы.

– А где они? – он даже не спросил зачем.

– Там, у нее в столе, – говорю. А сам продолжаю расчесывать, наглаживать. Полные штаны счастья. Но только мне ножницы принесли и я начал стричь, как питалка очнулась, оторвалась от телевизора.

– Гынжу, что ты там делаешь?

Отогнала меня и что-то там быстро сделала со своими волосами, заколола, и я остался ни с чем. А мне так нравилось! Я потом даже в старших классах хотел из-за нее парикмахером стать. Курсы прошел бесплатные, которые нам в баторе проводили, и конкурс парикмахерский выиграл. Так что у нас реально были нормальные питалки, мы их любили. В новой группе у нас было четыре комнаты. В одной у питалок была переодевалка и что-то типа комнаты отдыха. В другой комнате девочки спали. Еще в одной мы с Павликом были. А в последней жил Дима – еще один мой друг на всю жизнь – и другие мальчики. Диму я как раз встретил в третьей группе, там же познакомился с его братом, Даней, и еще одним мальчиком, Максимом. Он был темноволосым, с квадратным лбом и страшно умным. Все время с книгами сидел, раньше всех научился читать. И еще у нас в третьей группе были девочки Яна и Лиза, которых быстро забрали. Все дети пришли в эту группу из приюта, но кто и как попал в приют, я не знаю. В общем, получается, в третьей группе у нас были я, Павлик, братья Дима и Даня, Максим, Яна и Лиза.

Лиза была толстая, рыжая, противная такая. Но ее почему-то забрали в Америку. Все это реально как по щелчку произошло. Я даже не помню, как она исчезла – взяла и исчезла, вот и все. То ли в тихий час, то ли сразу после. Нам никто не говорил: «Дети, Лиза уезжает навсегда, попрощайтесь с Лизой». Ничего подобного. Просто была Лиза, и вот ее не стало. Я только потом уже, когда вырос, узнал, что ее удочерила семья из Америки. Потом так же и Яну забрали. Не знаю, кто и куда. В голове у меня только одно отложилось: вот мы празднуем чей-то день рождения, водим хороводы. А потом празднуем следующий день рождения, и Яны с Лизой уже нет. Я не завидовал им. Не думал в те моменты, что мог бы и сам уйти. Просто становилось грустно оттого, что кто-то покидает группу. Вот мы вместе играем, тусим,

и вдруг – он или она пропали. Куда делись? Неизвестно. Это раздражало, потому что полная неизвестность. А вдруг завтра кто-то еще так пропадет? Вдруг это будет мой лучший друг? И опять никто ничего не объяснит.

Из дошкольного корпуса мы никуда не выходили. Улицы и дома за забором детского дома видели только те, кого забирали в гости – как, например, меня. А все остальное время мы ездили на детдомовском автобусе, если куда-то спонсоры приглашали. В Макдаке несколько раз были. Однажды нам там выделили отдельную детскую комнату, какой-то праздник у нас был, что ли. И нам носили детскую еду, а мы такие радостные, все это ели и бесились от счастья. Нас потом наказали за то, что мы плохо себя вели – кидались друг в друга стаканчиками, все перевернули вверх дном. Еще нас возили в цирк, в зоопарк. Точно помню, что был в цирке на проспекте Вернадского. Нас загружали в автобус, прямо во дворе детского дома, мы ехали, потом выходили у цирка, строем шли ко входу, проходили на места, смотрели представление, и так же обратно – строем. Об общественном транспорте я тогда почти ничего не знал. Не знал, что такое метро, как оно называется, на троллейбусах, трамваях не ездил и названий их тоже не знал. Только видел, что ездят они по дорогам, когда с тетей Ирой домой к ней ходил. Кажется, пару раз мы катались с тетей Ирой на автобусе – в зоопарк ездили или куда-то еще, точно не помню.

В третьей группе, в пять лет, я попробовал первую сигарету. Видел, как питалки курили, а потом выкидывали бычки, не затушив. И я тут как тут: «Интересно, что это такое? Как это делается?» Поднял окуроч, это была тонкая сигарета, розовая, и докурил. Не по-настоящему докурил, так, баловался. Дым в легкие не затягивал, а просто в рот набирал. И вот с того раза я стал подбирать бычки. Если видел, что валяются, обязательно поднимал и пробовал. Даже не знаю, зачем мне тогда это было надо. Наверное, просто такой возраст, что хотелось копировать взрослых.

И еще в то время стало интересно, чем девочки отличаются от мальчиков. Тем более в третьей группе нас уже разъединяли, чтобы мыться. Мальчики мылись отдельно, девочки отдельно. Раньше-то мы мылись все вместе, и вопросов не возникало. Точнее, возникал один вопрос, но совсем примитивный, и ответить на него никто нам не мог.

– А почему это у меня что-то свисает, а у тебя нет? – спрашивал я у девочки, которая стояла рядом в душе. Это года в три-четыре.

– Не знаю, – удивлялась она. Девочки сами не понимали

разницы.

– Понятно, – хотя, конечно, ничего не понятно. И все отличие было в том, что у меня что-то есть, у нее этого нет.

А как стали разделять, мы поняли, что есть мальчики и девочки. Но вот чем одни от других отличаются – загадка. В чем реальная разница между мужчиной и женщиной, нам никто не рассказывал. Мы видели только то, что видели – одежда разная, у нас шортики, у них платица. Наверное, если б мне тогда сказали: «Гриша, ты девочка», я бы ответил: «А, здорово, но почему я тогда не в платице хожу?» И еще, когда мы в лагере ходили купаться, мальчикам разрешали купаться голыми, а девочкам нет. Им говорили: «Нет, вы в трусиках купаетесь». Вот и вся разница.

Кстати, мне тогда первый раз в жизни понравилась девочка. У Натальи Анатольевны была дочка Настя, и мы с ней дружили офигенно. Даже целовались. Она приводила свою дочку к нам в группу, и мы с ней играли, вместе по лужам бегали. Были, типа, друзья, но на самом деле у меня была какая-то такая первая неосознанная любовь. Я ее задира, дразнил немножко.

– Толстая, толстая!

Она бежала к маме жаловаться:

– Мама, он меня называет толстой!

– Гриша! – Наталья Анатольевна укоризненно смотрела на меня.

– Ну, она же толстая, – не сдавался я.

– Она не толстая, а полненькая, – объясняла Наталья Анатольевна.

Так мы и жили. В своем закрытом от всех мирке и с вопросами, на которые не знали ответов.

Глава 6

Грустный праздник

Но жизнь в дошколке подходила к концу. Летом, перед лагерем, собралась комиссия, чтобы определить, кто из нас будет учиться в нормальной школе в нашем детдоме, а кто поедет в другой детский дом, коррекционный. Конечно, нам этого не говорили. Просто собрали всех рядом с групповой и вызывали по 2–3 человека для тестирования. Слога какие-то мы читали. Рисунки рисовали специальные. В прописях что-то там заполняли. И по результатам, после того как мы вернулись из летнего лагеря, нас 1 сентября разделили на две группы. За первой группой приехал чужой автобус, из другого детского дома. Их одели в новую школьную форму, выдали им ранцы и загрузили в автобус. Так они отправились в новую жизнь. Не помню, чтобы их предупреждали об этом. А остальные, тоже в новой школьной форме и с ранцами, пошли в младший школьный корпус.

Я только потом, в третьем классе, узнал от своей учительницы, что меня тоже хотели отправить в коррекционный детский дом. Испугался задним числом страшно. Уже видел пару раз своих прежних приятелей, которых в коррекционку отвезли: они там стали совсем другими, превратились из обычных детей в вялых старичков с тупыми лицами. Но меня спасла наш психиатр, Анна Анатольевна. Она сказала: «Я в нем что-то вижу, есть потенциал, пусть идет в обычную школу». И потом меня воспитатели к ней, чуть что, отправляли, со словами: «Лучше бы тебя в коррекционку отвезли».

И вот 1 сентября мы построились парами и пошли. Все наши игрушки, вещи, одежда – все осталось в дошкольном корпусе. Штанишки, шортики, рубашечки, любимые игрушки достались следующим поколениям сирот. С собой нам разрешили взять только новый портфель, который нам подарили на 1 сентября. В нем были пенал, тетрадки, ручки – то, что нужно для школы. Нас всех одели в новую школьную форму – праздник же, парадный костюм, – и в этой новой, пока чужой мне одежде, с новым рюкзаком я шел в строю через дорогу в новую жизнь. Было так страшно! Аж коленки тряслись. Я понимал – там будет что-то совсем другое. Все воспитатели, к которым мы привыкли, которых любили и не очень, но уже хорошо знали, остались в прошлом. А я к ним прикипел, мамками всех называл, и тут – раз, и все изменилось, все вокруг новенькие. Просто ужас! А главное,

непонятно зачем? Зачем надо было постоянно разлучать меня с людьми, к которым я привык? наших дневных воспитателей мне было тяжело терять. Очень больно. Наталья Анатольевна, Нина Александровна, Лариса Юрьевна и Татьяна Григорьевна – самые дорогие для меня люди. И даже с ними у нас не было никаких прощаний, ничего такого. Нас просто одели во все новое и повели в неизвестную жизнь. Пока шли, мы еще ничего не понимали. Но когда пришли в огромное незнакомое здание – там и младший школьный корпус, и старший, а между ними еще учебный, – начали плакать. На торжественной линейке мы стояли и громко, хором, рыдали. Были в слезах и соплях. А нам там про праздник, блин, про День знаний.

Мы видели гигантскую толпу детей, они все были старше нас – на голову, на две, а то и на три выше. Кругом стояли чужие взрослые, которых мы не встречали ни разу в жизни. Другая атмосфера, другие звуки, другой запах. Я плакал и думал, что очень хочу вернуться назад, в свой старый корпус. Там мне было хорошо. И вот я реву, а солнце светит, погода прекрасная, выступающие произносят торжественные речи, кто-то там говорит: «Вот наши первоклассники, наше будущее, наша надежда». Много ненужных, лишних слов. Лучше бы успокоили как-то. После линейки, не заходя в свои новые комнаты, мы пошли в класс. Там нас встретила наша первая учительница – Валентина Ивановна Додонова. Святой человек. Я ее потом очень полюбил. Она была уже старенькая, волосы седые такие волнистые, лицо морщинистое. И еще она хромала – ходила по классу, раскачиваясь как моряк. У нее то ли мизинец, то ли большой палец на ноге удалили. И зубы у нее уже не все свои были, местами серебряные стояли, а где-то золотые. Но она была преподаватель со стажем, учитель года. Хоть и строгая, зато добрая.

И вот мы заходим в класс – там парты, стульчики, все незнакомое. Видим, на краешке парт лежат чупа-чупсы. Хоть тут у нас проснулся интерес, мы чуть-чуть успокоились и всхлипывать перестали. Только на леденцы и смотрели. Нас Валентина Ивановна очень ласково пригласила, сказала: «Где хотите, там и садитесь». Конечно, мы тут же уселись за те парты, на которых лежали чупа-чупсы. Сидим радостные, сосем леденцы. Пришли наконец в себя и стали осматриваться.

Нас в классе оказалось семь человек. Пять человек моих друзей, приятелей и еще двое добавились – Саша и Егор. Они из второй группы пришли. А из «стареньких» – я, Тимик, Никита, Максим и Дима. Как же я был рад Некиту с Тимиком! Мы снова были вместе. Да и с Димой уже хорошо общались, с Максимом

тоже. Максим в первом классе очень быстро начал читать и потом постоянно читал, читал, читал. Про космос, про динозавров, про историю, про все, что на глаза попадетсЯ. А мы сидим, рубимся в какие-нибудь игрушки электронные – покемоны, еще что-то. Максим все с книгами, да с книгами, играть его не дозовешься. Мы: «Эу, Максим, иди с нами играть!» – а он: «Не, пацаны, попозже». Его еще в младшей школе забрали в семью. И еще у нас, как обычно, оказалась одна девочка на всю группу, то есть на весь класс – Саша. Мы с ней раньше виделись в дошкольном отделении, в столовой, но 1 сентября познакомились. Когда класс представлялся.

– Дети, давайте познакомимся, – сказала учительница, – я Валентина Ивановна, – и посмотрела на меня, – а тебя как зовут?

– Я Гриша.

– А тебя? – она посмотрела на Сашу.

– Саааша.

Так и узнали друг друга.

А после этого нас повели в спальный корпус, где нас встретила новая воспитательница Софья Николаевна. И мы сразу поняли, что это зверь. Стоим мы перед ней, сосем эти огромные чупа-чупсы, которые у Валентины Ивановны в классе получили – они то ли черничные были, то ли со вкусом кока-колы – только-только все успокоились, слезы утерли. А питалка что-то нам говорит-говорит, распинается: «Это ваши новые спальни, это групповая, это ваши столы, здесь мы будем проводить большую часть времени». А потом вдруг резко бросилась к Тимику и как заорет: «Прекрати сосать!!! Дай сюда!» – выхватила чупа-чупс и выкинула его прямо в мусорное ведро. Вот за что?! Некит тогда как настоящий друг отдал Тимику свой чупа-чупс. Но мы все сразу сжались в комок, опять чуть не плачем. А нам показывают спальни, новую одежду и комбинезоны для прогулок. Красные такие. Мы по всем комнатам прошлись. В одной комнате было четыре кровати – там разместили пацанов. В другой комнате спала в итоге только одна Саша, хотя там две кровати было. И в третьей спальне тоже две кровати стояли, там спали два человека. Я потом во всех этих трех комнатах побывал – то тут спал, то там. Но первая моя комната была самая ближняя к групповой, где две кровати, и это оказалась самая стремная комната. Когда был отбой и питалки уходили в групповую, они слышали все, что творится в нашей спальне. Даже если разговаривал шепотом, чуть что на меня орали: «Гынжу, рот закрой!» Но зато был свой интерес – можно было как следует питалку злить. Типа, она заходит, мы спим. А как только вышла – давай опять по кроватям скакать и болтать. Вот она и бега

полночи туда-сюда. А еще у нас в стене была дырка, которая вела в комнату Саши. И мы всегда с ней переговаривались. Сначала, правда, не поняли, что это дырка – она была набита какими-то старыми журналами. А когда мы эти журналы, комиксы, повытаскивали, то увидели, что там дыра в девчачью комнату. И сразу подумали: «Класс, можно болтать». Так до конца третьего класса через эту дырку по ночам и общались. С Сашей мы очень сдружились, я реально воспринимал ее как сестру. Классная она девчонка.

Кстати, каким бы зверем ни была наша новая питалка, зато это она заметила где-то в середине первого класса ошибку в моем имени. Пришла ко мне и говорит:

– Тебя зовут Гоша.

– Что?

– Имя у тебя другое. Никакой ты не Гриша. А Гоша. Георгий. Запомнил?

– Ага, – Гоша так Гоша.

– Ну-ка повтори! Как тебя зовут?

– Меня зовут Гоша.

– Молодец!

Я быстро перестроился. Что Гоша, что Гриша, какая разница? А вот дети еще долго путались, по старой памяти меня Гришей называли. И Софья Николаевна их без конца поправляла.

– Не Гриша, а Гоша.

– Ой!

– Ну-ка все вместе, – она заставляла учить мое имя как стих, – Го-ша! Го-ша!

Так постепенно все и запомнили. Я стал Гоша Гынжу.

Но вернусь к 1 сентября. После экскурсии нас повезли на какое-то мероприятие, где собрали чуть ли не всех сирот Москвы. Мы даже не переодевались – так и поехали в новой форме, которую напялили с самого утра. Я, правда, не помню, где мероприятие проходило. Но там были накрыты для нас огромные столы, а при входе всех встречали клоуны на ходулях. Там мы веселились, играли, наедались разными вкусностями на всю оставшуюся жизнь. В детском доме-то свой режим питания, никаких сюрпризов. Четверг рыбный, вторник – обязательно свекла, среда – пюре из картофеля, и так далее. Каждый день недели повторял меню, которые мы знали наизусть. До оскомины на зубах. Неделя за неделей одно и то же. Только если какой-то праздник, выпускной, например, тогда могла быть жареная картошка. А на этом мероприятии нам и салатики вкусные давали, и тортики, и конфеты. Чего только не было. Так что мы наелись как следует. Потом приехали обратно в детский дом,

переоделись, еще немного побродили по своей новой группе, осмотрелись – и легли спать. А на следующий день начались обычные будни.

Глава 7

Баторские будни

Утром второго сентября мы все дружно встали и сначала вышли на зарядку. И третьего сентября, и четвертого, и пятого, и всегда было так. Начались одинаковые дни – я даже сам в них путаюсь и не помню, что было в первом классе, а что в третьем или втором. Потому что похоже одно на другое как день сурка.

Проснулись. Сделали зарядку. Прибрали постели. Почистили зубы. Дальше назначался один дежурный, который убирает спальню. Пока три дежурных убирают три комнаты, все остальные сидят в групповой. Дальше мы собираемся и идем на завтрак в столовую. После завтрака – на учебу, после учебы – второй завтрак, и если на дворе тепло, поздняя весна или ранняя осень – мы выходили на улицу на прогулку. А после – опять учиться. Дальше обед, тихий час, полдник. Потом игровая деятельность. Затем ужин. Уборка, опять игровая деятельность и второй ужин. Умыться, подмыться, и спать. У нас всегда висело на стене расписание, где все было расчерчено по минутам – подъем, уборка, учеба, прогулка и так далее, до самого вечера. И так каждый день. Без изменений. Учеба – еда – игра. Учеба – еда – игра. Ничего не менялось. Бесило однообразие, а еще то, что не можешь сам ничего захотеть. Ну, вдруг захотелось есть, когда уроки делаешь. Или выйти погулять. Или хотя бы просто что-то сладкое. Нет. График не нарушается никогда. На школьном этаже – все младшие классы учились в своем корпусе, никуда не ходили – тоже шла однообразная жизнь. В одних и тех же стенах. Перешел на другой этаж, и вот уже сидишь в своем классе. А рядом те же дети, которые живут с тобой в группе, спят с тобой в одной спальне. Один котёл, в котором все варятся. Не было такого, как у домашних – вышли из дома, пошли в школу, после школы в музыкалку или на секцию, потом погуляли во дворе. У них там везде люди разные. Пространства разные. Интересно! А у нас – один детдом и те, кто в нем живет. Надоело или не надоело, а деться друг от друга некуда.

В школе мне, кстати, никакие предметы не нравились. Разве что уроки труда – вырезать аппликации, оригами, картинки разные рисовать, вот и все. А на всем остальном я сидел как дятел. Конечно, старался поначалу и даже что-то понимал, но давалось мне это тяжело. Если бы не награда, вообще забил бы сразу. У нас тогда вместо оценок были наклейки, и вот это мне нравилось – я старался их получить как можно больше, они у

меня красовались в тетрадах. Было, чем гордиться. Но когда во втором-третьем классах пошли оценки, да еще и задачи начались по математике, на этом все. Я перестал воспринимать информацию. В учебниках меня интересовали только картинки, а не то, что написано. Любопытства я за собой никакого не помню, чтобы было интересно что-то учить, узнавать. Такого точно не было. Как в младшем возрасте не был «почемучкой», так и в школе любознательным не стал. Хотя родился я совершенно здоровым, никакой умственной отсталости или чего-то такого в помине не было. Потом слышал, что так депривация влияет и интернатные условия – тормозится умственное развитие, память ухудшается, тыры-пыры. Ну вот, наверное, оно и было. Диагноз-то у меня никакой не стоял, хотя и собирались отправить в коррекционный детский дом для детей с особенностями умственного развития. Кстати, и у многих других ребят, с которыми мы были в дошколке и которые потом попали в коррекционку, тоже диагноза не было. Поначалу. Я хорошо помню, например, Родика. Такой веселый был мальчишка в соседней группе, постоянно какие-то игры придумывал, косячил как все. Лицо живое, глаза горящие. И вот его как раз отправили перед первым классом в коррекционку – наверное, тоже тесты плохо написал, – и я потом видел его в летнем лагере через несколько лет. Как я испугался! Это был совсем другой человек. Не знаю, как так может быть, но у него было лицо абсолютного дебила. Разве что слюни изо рта не текли. Наверняка уже и умственная отсталость, и все, что хочешь – все диагнозы. Тупой, безразличный, он больше ничего не придумывал, а слонялся туда-сюда без цели. Я тогда просто офигел и подумал, что сам был от этого на волоске. Несколько дней ходил пришибленный. Хорошо, что родился таким везучим! Тоже мог бы в коррекцию загреть. И диагнозы бы уже стояли.

В общем, учеба меня сразу не заинтересовала. Скучно так, что просто жуть. Но в младших классах я делал то, что велят.

– Первый урок у нас чистописание, – говорила Валентина Ивановна, – открывайте тетрадки на третьей страничке.

Мы открывали, шуршали страницами. Она ждала.

– Видите чертежи? – наконец все в классе находили то, что надо. – Теперь обводите их по схеме. И с третьей по шестую страницу работаем.

Что тут может быть интересного?! Мы сидели и, кто как может, что-то там обводили. Смертная скука. Но были в классе исключения. Самородки. Когда я слышу, что все дети в детских домах не хотят и не умеют учиться, то есть такие, как я, меня это реально бесит. Конечно, нет! Все разные. И к учебе мы относились

по-разному. Да, многим из нас не до школки было – кто мать из тюрьмы ждет, кого постоянно задирают, и он думает, как бы в очередной раз не огрести, кому с утра до вечера новая семья мерещится, и он сидит в баторе как на чемоданах. Да мало ли что. Но вот у нас в классе подобралась сильная компания, и были ребята, которые учились с настоящим интересом. Максим, Никита и Саша. Тимик, конечно, особо не напрягался, как и я. Дима тоже. Надо учиться, и мы сидим за партой. Все. Но вот таких любопытных у нас в классе, которые бы дополнительные вопросы учителю задавали, чего-то там больше или лучше хотели понять, я все равно не помню. Не было принято. Валентина Ивановна сама нам все объясняла, не было ни у кого лишних вопросов.

С другими ребятами – не из нашего класса – мы пересекались в основном на прогулках. Правда, были еще на нашем этаже две другие группы, с ними мы хочешь не хочешь, встречались часто. Одна группа – это пятый класс, и вторая, кажется, шестой. С пятиклашками мы общались, иногда нам какие-то общие игры устраивали. Они были до нас как раз у нашей питалки, то есть она эту группу из начальной школы выпустила и потом нас взяла. И, конечно, старшие нас то и дело воспитывали. В основном, когда в туалете кто-нибудь умудрялся отличиться. Пятиклашки тут же прибегали к нам в группу и начинали вопить:

– Кто это сделал?!

– Че такое опять?

– Задолбали ссать мимо унитаза!

Мы находили крайнего, чаще всего сам провинившийся сознавался.

– Быстро взял тряпку, пошел вытирать! – командовали старшие пацаны.

Как раз с того времени и пошла мода вызывать старшаков, если нужно было кого-то из нас уговорить. Питалка всегда к своим бывшим воспитанникам за помощью обращалась: чтобы пришли и провели воспитательные беседы. Те с радостью приходили, на самом деле с нами разговаривали и еще придумывали какие-нибудь наказания. В основном они поначалу были связаны с физической нагрузкой. Например, надо было взять подушку, присесть с ней на полусогнутых ногах и держать ее на вытянутых руках. Или еще было наказание: лестницу мыть с первого по четвертый этаж. Или еще что-то делать за шестиклашек в плане уборки. Вестибюль у нас огромный, холл большой – драй, сколько влезет, до блеска. Так что тех, кто без конца косячит, воспитатели постоянно передавали старшим, а сами занимались нормальными детьми. Теми, кто вел себя тише

воды ниже травы и поэтому не драил постоянно холл и вестибюль. Я, конечно, к таким не относился – часто не слушался, убегал, кричал: «Надоеееели! Отвалите, не буду ничего учить!» – вот меня и наказывали. В основном доставалось мне по двум причинам: во-первых, не хотел уроки делать, во-вторых, разговаривал после отбоя. В общем, мне постоянно попадало. Но со второго или третьего класса мы стали умнее. Поняли, что если уж косячить, то лучше вместе.

Мы часто не могли уснуть ночью, постоянно всей группой срывали отбой. Выглядывали из дверей спален, перебегали из комнаты в комнату, шептались, что-то там еще устраивали. В итоге питалки не выдерживали:

– Я сейчас позову старшаков!

– Не надо, – мы сразу затихали, – мы больше не будем!

Но тишины хватало ненадолго. Все равно продолжали шептаться. Тогда питалка все-таки выполняла угрозы, шла в старший корпус. В этот момент мы лежали и думали: «Хоть бы ее послали, хоть бы ее послали». Но все равно каждая питалка находила какого-нибудь добровольца. Вот приходит такой старшак и сразу орет на нас:

– Встали!!! Вышли из комнаты! Кто разговаривал?!

Мы лежим и думаем: «А зачем выходить? Вдруг не спалит. Подумает, что мы спим». И тогда питалка – у нас тогда, кстати, ночная была такая противная белая моль – рассказывала ему, кто шептался, кто выходил из спальни и нарушал порядок. Это обычно были я, Тимик, иногда еще пара пацанов.

– Ну что, – старшак вытаскивал нас из кроватей, – любим бегать, не спится? Давайте, подушечки взяли – и к стеночке.

«О боже!» – думали мы. Упражнение было такое – опираешься спиной о стену в полуприсяде и держишь на вытянутых руках подушку. И так стоишь, качаешь ножки с ручками. По времени я точно не знаю, сколько он заставлял нас так стоять, но ноги отваливались. Некоторые просто падали. Но чаще у нас подушки выпадали из рук. И он ставил нас и предупреждал:

– Считаю до двадцати!

Мы кряхтели, скрипели, но стояли. Если у кого-то в течение этих минут подушка падала, старшак давал новую команду:

– Упор леж!

И тогда мы отжимались. И так руки уже дрожали от этих подушек, а на отжимании еще хуже становилось. Такие вот тренировочки у нас были по ночам. Каждый старшекласник выдумывал наказания – кто во что горазд. Хоть тут им была возможность для творчества.

Глава 8

Робин Гуд

Но все эти скачки по кроватям и срывание отбоев были цветочками. А первое серьезное дело у нас было такое – мы своровали у нашей Сирень Ивановны, это уборщица, ключи от бытовки и стали таскать оттуда сладости.

До четвертого класса все подарки, которые нам дарили, воспитатели уносили и складывали в бытовку. Даже если кому-то бабушка или тетя лично гостинец принесла, все равно забирали и потом, на втором ужине, делили на всех – давали с кефирчиком что-нибудь сладкое перед сном. Ну, или когда было чаепитие, чей-нибудь день рождения, доставали конфеты. Только в четвертом классе у нас завелся другой порядок – если нам подарили, то это наши конфеты и наши угощения. Сами ими распоряжались и сами делились. А раньше – нет. И вот когда мы решили залезть в бытовку, это было не потому, что мы никогда не видели сладостей и хотели именно конфет. Просто нам было обидно, что все подарки от нас уносят. Мы ничем сами не распоряжаемся. Гостинцы наши туда кладут, конфеты и подарки тоже. Что это такое?!

Я точно не помню, кому и как пришла в голову мысль «вернуть свое», но мы разработали план. Во время уроков я отпросился у Валентины Ивановны: «А можно быстренько сбегаю в туалет, пожалуйста?» Меня отпустили. И мы вместе с Егором пошли «на дело». Кабинка Сирень Ивановны была в мужском туалете – там хранился ее инвентарь, тряпки, еще что-то. Я снизу, под дверкой, пролез в ее кабинку и достал ключи – взял связку от всего нашего четвертого этажа, огромную такую. И мы с Егором стали подбирать подходящий ключ под вторую бытовку, где хранились подарки, сладости, деньги. В учебное время коридоры спального этажа пустые, воспитателей там не было, уборщица после того, как делала свою работу на нашем этаже, уходила мыть лестничные пролеты, выносить мусор или болтать к своей подруге на третий этаж. Так что мы с Егором спокойно все успевали, куча возможностей. И вот стоим, пробуем все ключи подряд. Оп, нашли! После того как ключ удалось подобрать, мы сняли его со связки и оставили себе. А все остальные ключи вернули на место, откуда стащили. Так у нашей компашки появился собственный ключ от бытовки с подарками. А рядом с той находилась другая бытовка, где сушились куртки, обувь. И туда ночью отправляли в качестве наказания тех, кто не спал, а

болтал с соседом. Когда меня в очередной раз отправили ночью стоять в бытовку, я и воспользовался ключом. Конечно, стремно было, но все равно пробрался тихо по коридору, открыл дверь и стал все рассматривать, где что лежит. Набил битком карманы конфетами и вернулся стоять в первую бытовку, которая для наказанных. А там уже попрятал конфеты в такие места, куда точно не сунет нос никто из взрослых. Потом пришла воспитательница, погнала меня в кровать и сама тоже спать пошла. А наутро я быстро все пересказал друзьям, куда конфеты спрятал, и мы вместе пошли за ними и всю мою добычу съели. Много раз по ночам мы ходили за конфетами. Кого наказывали, тот и ходил – набирал полные карманы, а потом со всеми делился. Коробка с конфетами там стояла огромная, туда новые подарки высыпали постоянно. А брали мы не так много, поэтому очень долго никто ничего не замечал. Тем более мы с первого класса были как одна семья, стояли друг за друга горой и воспитателям своих не сдавали. А если кого-то из наших били, то мы все тут же приходили на помощь, и нам было пофиг, насколько наш враг сильнее и старше нас. Мы были одной семьей.

Но вот как-то воспитатели все-таки обнаружили наши проделки, и больше всех досталось не нам с Егором, а Саше. За то, что она все знала и прикрывала нас. Раньше воспитатели считали Сашу настоящим ангелом. Но после этого все изменилось, она уже не была для них ангелом. Я тогда за Сашу очень переживал. Как так? Таскали конфеты мы, а досталось ей. Несправедливо! Но что я мог сделать?

Постепенно наша группа начала меняться – она то увеличивалась, то сокращалась. Новые дети то приходили, то уходили. Началось предательство, эгоизм и тому подобное. И все из-за этих домашних! Когда в нашу группу начали поступать новенькие, мы, словно в тюрьме, прижимали их к стенке и рассказывали им, кто они такие и какое у них место среди нас. Если новенькие забывались, то мы им напоминали. К тому времени уже знали от старшаков баторскую поговорку: «До головы не доходит, до почек дойдет». Все, как в тюрьме. Хорошо хоть костяк нашей семейки все-таки остался – ушли только двое: Максим и Егор. А теперь уже кто где, большинство не собрать.

Во втором классе у нас начались серьезные перемены в компашке. Самое ужасное – в баторе появилась противная девочка Яна. Она пришла к нам из семьи, ее родителей лишили родительских прав. Мы ее с первого дня возненавидели всей душой. Мало того, что она была первой новенькой, так она была

еще и девочкой. Это разрушило наш семейный очаг, если так можно сказать, весь наш уклад. У нас всегда была только Саша. И тут еще какая-то! Стало две самки на всю стаю. Нет, простите, мы привыкли к одной. Мы Яну невзлюбили, и все. Из-за нее Саша сама стала разгильдяйкой. Испортилась. Понятно, что нам это не нравилось. Раньше только мы, пацаны, косячили, нас ставили в холл или в бытовку, где мы и стояли до потери пульса, развлекаясь воровством конфет. А тут я в одну из ночей прохожу мимо бытовки, и хоп – там Саша стоит. Говорит мне, такая: «Привет, Гоша!» Я чуть не упал. Никогда раньше Сашу не наказывали. Жили девочки, естественно, в одной комнате. А там они спелись: «Оооо, теперь нас будет двое». И это плохо повлияло на дальнейшее развитие ситуации. Яна оказалась тихушницей. Все делала втихомолочку, сама воспитателям улыбается, а когда их нет рядом – что-нибудь разобьет, испортит, ломает, и потом: «Это не я». Даже воспитатели со временем поняли, что она собой представляет. К моменту ее отъезда уже говорили: «Эта Яна такая чертовка!»

Потом еще приходили дети, еще. Все семейные, которые попадали в батор, нам не нравились. Они нас бесили, потому что не умели жить в коллективе. И они были совсем другие. У нас в банде тех, кто с рождения или очень давно в баторе, все друг с другом общаются. Мы как единое целое. А посмотреть на банды домашних – у них одна большая стая, внутри этой стаи другая стая, поменьше, в этой стае еще одна и так далее. Там вообще ничего не поймешь, так напутано! Я сейчас четко вижу эту разницу и понимаю, что так сложно устроено все общество людей. Но у нас-то в баторе модель была совсем другая, гораздо проще: мы все в одном коллективе, все как один. Если кто-то опрофанился, его наказывали все. Были свои методы – мы не отчитывали, не разговаривали, зря время на это не тратили. Просто игнорировали человека – делали вид, что его нет, он больше не существует. До тех пор, пока сам не поймет, за что его наказали. Он мог подойти, сказать: «Пацаны, реально, простите, что-то я лажанул». Тогда принимали обратно. Обычно не дольше суток на все это уходило, вместе с выяснением причин. Долго мы бы не выдержали – месяц, например, без одного из нас было бы слишком. Мы не хотели терять своих, но и чужих нам не надо было.

Яну мы, конечно, не приняли за то, что она чужая. Мы ее пытались как-то вытолкнуть из компашки, подставить. Постоянно подглядывали за ней, трусы ее выкидывали в мусор. Делали все, чтобы ей было как-то стыдно, чтобы она опозорилась. Чтобы приходилось идти к питалкам и объяснять всю эту мутню.

– У меня трусы пропааали.

– Как это?!

– Я не знаю, – она плакала, – дайте мне, пожалуйста, другие.

– Какие еще другие? Тут тебе не магазин! Куда вы ее трусы дели?

– Не знаем, – мы изображали возмущение, – мы-то тут при чем?

– Ну куда-то же трусы надевались?

– Сама потеряла, – мы стояли на своем, – может, сушить повесила, и они упали куда-нибудь.

И еще мы моделировали ситуацию, будто Яна что-то своровала. Не так часто, как потеря трусов, но все же случалось. Сами тащили какую-нибудь вещь и подкидывали ей. Она плакала, сопли по лицу размазывала: «Это не я, я не ворюга», а мы ей: «Ворюга-ворюга». Тут уже шло такое психологическое давление. Травили мы ее с большой радостью. И даже сейчас, понимая, что по большому счету виновата она была только в том, что нарушила нашу идиллию, причем не по собственной воле, у меня нет к ней жалости. А тогда-то была просто злость.

Она нам, кстати, первых вшей принесла. То ли из приюта, то ли из больницы, то ли из дома. В итоге, конечно, и у Саши эти вши появились, и мы такие ходили, от нее тоже шарахались.

– Саш, прости, конечно, но нет. Мы с тобой играть не будем.

– Почему?

– У тебя вши!

– Я же не виноваааата.

– Все равно, – мы начинали веселиться, – вшивая овца!

– Отстаньте от меня! – она, бедная, начинала плакать.

– Вшивая овца! Вшивая овца!

Волосы у Саши были кудрявые, очень красивые, и мы тогда за это ее дразнили «овцой». Ее воспитатели чем-то там мазали, как-то постоянно вычесывали. В общем, мы от этой Яны много гадости увидели, включая вшей. И вообще, приходя к нам, надо быть нормальным человеком. Как те домашние, которые сразу понимали, что надо смириться и жить по нашим правилам. Они принимали баторские порядки и говорили: «Будь по-вашему». Вот их никто и никогда не подставлял! С такими, покладистыми, мы жили более-менее нормально. А Яна в итоге вернулась в свою кровную семью. Кажется, мамка ее как-то там восстановилась в правах и забрала дочь. И прекрасно! Долго мы бы ее не выдержали.

В итоге у нас во втором классе такая картина была – в одной комнате три мальчика, в другой комнате три мальчика и в третьей комнате две девочки. И в классе мы точно в таком же

составе учились. То есть и днем, и ночью вместе. Но в учебном крыле на втором этаже, конечно, были не только люди из нашей группы, но и другие, поэтому было весело. Там были Филипп, Настя, Алиса и остальные.

Глава 9

Школьная любовь

Алиса была моей первой любовью в младшей школе. По ней все мальчики у нас сходили с ума.

Со мной тогда, во втором классе, когда произошла эта история, хотел подружиться мальчик из другого класса. Русые волосы, голубые большие глаза, маленький нос – он был красивый, почти как девочка. И с виду не скажешь, что инвалид. Но если присмотреться, можно было заметить, что за ухом у него слуховой аппарат. Короче, он был слабослышащим, и звали его Егор. По слухам, Егора нашли сотрудники нашего социального отдела около помойки. Конечно, это был никакой не редкий случай – двухмесячных младенцев и детей постарше часто обнаруживали либо в мусорном баке, либо в какой-нибудь выгребной яме. Понятно, что о родителях ребенка в такой ситуации вообще ничего не ясно – ни свидетельства о рождении нет, ни других документов. Так что, несмотря на внешность Егора, все знали, что он отброс. И проходили как будто сквозь него, словно его и в помине не было. Егор и сам прекрасно понимал, что он гадкий утенок, которого подсунули в чужую стаю. Все дети вокруг и слышали, и разговаривали, а он не мог. И все-таки упорно пытался с кем-нибудь подружиться, быть как все. Наверное, ему тоже хотелось смеяться и шалить вместе с нами, но о том, чтобы принять его в свою компашку, у нас не было даже мысли. Егора отвергали, били, чмырили, посмеивались над ним, изображая его бессвязное мычание.

И вот я помню, как он захотел подкатить к этой девочке из третьего класса, по которой все вздыхали. К Алисе. Она была в то время самой красивой девочкой из младшего корпуса. Темные волосы, заплетенные в две косички, глубокие карие глаза, розовые нежные губы. Когда она улыбалась, у нее на обеих щеках выступали ямочки. У нее было маленькое и хрупкое, как у балерины, тельце. Несмотря на ангельскую внешность, характер был у нее ужасный. С девяти лет она уже умело управляла своими воздыхателями, которые были в нее влюблены и ходили за ней по пятам. Мной, если честно, тоже так управляла. И все у нее было в шоколаде – контрольные и домашние задания она списывала у умных, шалила с авторитетными, то есть с крутыми, такие, как я, нужны были для мелких поручений: что-то стащить для нее, принести, добыть. На одной из перемен – не знаю, откуда он набрался такой смелости, – Егор подошел к Алисе, робко взял ее

за руку и попытался что-то сказать.

– Мммм, ммддадай дддууу...

Скорее всего, он пытался выговорить «давай дружить», но не успел. Алиса быстро выдернула свою руку из его ладони и крикнула:

– Ты че, debil? Отвали от меня, урод!

Один из ее воздыхателей, старшаков, тут же подскочил. Взял Егора сзади за шкурку и откинул его назад, на пол.

– Пацаны, – вокруг уже собирался народ, – посмотрите на этого идиота! Он думает, Алиска с ним будет встречаться.

Все, кто стоял рядом, заржали. Алиса отошла чуть подальше, к компашке своих подруг. И стояла с ними в стороне и тоже посмеивалась.

– Смотрите, этот сухарь хочет что-то сказать, – продолжал издеваться пацан, который отбросил Егора, – бе... ме...

– Ммм, ммеммм, – на глаза Егора навернулись слезы.

– Хватит мемекать, ты же не овца! – пацан разозлился и ударил Егора по ноге. – Будешь нормально говорить, или тебе опять всыпать?!

Егор лежал на полу и не мог сказать ни слова. Он не мог даже вдохнуть из-за плача.

– Ооооой, наша нюня пустила слезу! – просюсюкал обидчик и снова пнул Егора ботинком. Теперь его нога попала в ребро. – Будешь реветь, получишь втройне!

Егор скрутился от боли как котенок. Он постарался успокоиться, но от боли задыхался, и слезы лились сильнее. Естественно, на него накатывало еще больше ударов. Пацан уверенно работал ногой. На его роже была довольная ухмылка, и он то и дело, как герой, поглядывал на Алису. Наконец раздался звонок на урок. Герой не поленился – сел перед Егором на корточки и с удовольствием, со всей дури, врезал ему кулаком в нос. У Егора из носа ручьем потекла кровь. Он теперь лежал неподвижно, не решаясь пошевелиться. Только тихонько всхлипывал и мычал что-то себе под нос. Со звонком он не поднялся и в класс не пошел – почти весь урок так и пролежал в луже крови. Только под конец урока на учебный этаж зачем-то поднялась медсестра. Она его и нашла там, уже без сознания. Прибежала в класс к учительнице, чтобы та вышла посмотреть, что произошло, и только потом вызвала по мобильному телефону врача.

Следом за училкой мы все тоже высыпали в коридор, чтобы посмотреть, что там происходит. Стояли такие испуганные – все же видели, как Егора били, но взрослым никто ничего не сказал. Я тоже стоял в толпе детей неподвижно, разглядывал Егора – тот

не шевелился, – и у меня по спине побежали мурашки от страха. Медсестры, учителя, психологи, завуч – все суетились. Кто-то из детей заплакал, я вслед за ним тоже. Стоял, ревел и чувствовал себя виноватым – как будто сам херачил Егора ботинком по ребрам. Тот пацан, который его бил, отошел в сторону, чтобы не видеть, что он натворил. А потом вообще ушел в класс и так там просидел, пока врач с медсестрой суетились вокруг Егора. Потом приехала «Скорая помощь», Егора положили на носилки и понесли к машине.

Через пару дней Егора выписали из больницы. А через месяц его усыновили. Думаю, это лучшее, что могло с ним случиться, – среди нас он бы не выжил. Семья, которая его забрала, накопила деньги, Егору сделали какую-то сложную операцию на уши, и он начал слышать. Я его видел потом один раз через пару лет. Он нормально слышал, как все. И даже научился говорить – с логопедами без конца занимался, еще с кем-то. Родители ему наняли всяких специалистов. Конечно, говорил он не так хорошо, как мы, но все равно было понятно. И уж точно намного лучше, чем тогда. В общем, я рад, что в баторе он не остался.

Глава 10

Падший ангел

В детстве я редко болел. Но все равно несколько раз в больницах побывал. Если у кого-то из нас поднималась высокая температура, начинался кашель, нас сразу клали в больницу. Потому что если это какой-нибудь вирус, то весь батор может заразиться. И что тогда с нами со всеми делать? В изоляторе, который был в детском доме, держали только с какой-нибудь легкой простудой или в самом начале болезни, пока в больницу не положат.

Но в самый первый раз я попал в больницу – это было в Украине, – когда мы отдыхали в лагере в Крыму. После первого или второго класса – я точно не помню – мы поехали в лагерь в Форос. С нами, как обычно, отправили наших воспитателей – они распределялись по сменам. Каждая работала только одну смену. Наша, например, была в тот год в третью. В лагере жизнь менялась. Появлялось много новых лиц. Мы переставали вариться в одном котле, в котором все знали друг друга как облупленных, и заводили новые знакомства. Это было круто! Заранее нам, конечно, особенно не объясняли, куда мы едем и зачем. Просто все знали – если лето, значит, лагерь. Какой именно, никто понятия не имел. О том, куда едем, объявляли накануне. И тогда мы начинали в предвкушении собирать сумки. Воспитатели зачитывали по списку, что мы должны положить.

– Так, шесть пар носков!

Мы топали в свои спальни, приносили носки из шкафчиков. Воспитатели дожидались, когда все придут, потом опять:

– Четыре футболки!

Мы шли, приносили и складывали в свои сумки. И так далее, пока все не соберем. После этого нас всех еще раз проверяли по списку и, если все нормально, сумки закрывали. Ставили их в бытовки до утра. К тому времени у нас уже были собственные ящики с одеждой. Мы могли выбрать, что надеть из тех вещей, которые лежали у каждого. В день отъезда с утра мы вставали, завтракали, одевались в дорожную одежду и садились ждать времени отъезда. Когда оно приходило, садились в свой детдомовский автобус и ехали на вокзал. В Крым, кстати, мы отправлялись на поезде. И на вокзал всегда приезжали с большим запасом – воспитатели перестраховывались. В тот раз было так же.

И вот мы вошли в поезд – весь поезд целиком наш,

детдомовский. И кругом все наши. Вагонов девять плацкартных, кажется, детей-сирот. В поезде, несмотря на то что с нами ехали воспитатели, все равно уже начиналась привольная жизнь – делали что хотели. Был только график сна и еды, остальным временем мы сами распоряжались, как могли. Кормили нас в кафе поезда, там выдавали на всех еду. Тогда я в первый раз попробовал роллтон-картошечку. И все остальное время между сном и едой мы скакали, прыгали – чувствовали себя так, словно вырвались на волю. За двое суток, кажется, мы добрались до вокзала Симферополя. И оттуда на автобусах нас повезли в Форос. Райское было место. Лагерь стоял на берегу моря, среди огромных пальм. Там был офигенный корпус и отличные комнаты – каждая со своим балконом. Все как в хорошем отеле. Просто шикарно. Камнями выложены тропинки. По вечерам для нас устраивали дискотеки или показывали кинофильмы. В один вечер мы смотрим фильм на большом экране, в другой вечер у нас дискотека. А еще для нас проводили разные конкурсы, соревнования, мы играли в футбол. Кормили тоже отпадно. Каждое воскресенье на ужин давали мороженое. Мы были такие довольные!

И там у меня появилась еще одна первая любовь, курортная. Ее звали Настя. Я эту девочку сразу заметил, на первой же линейке в лагере. Но поначалу мы не общались, не разговаривали, только переглядывались. А потом я рискнул и пригласил ее на танец во время дискотеки. У нас дискотеки проходили в таком классном месте, оно называлось Колизей. Внизу на арене мы танцевали, а на скамейках, которые поднимались от арены вверх, можно было посидеть, поговорить. И вот после танца я предложил Насте поболтать. Мы забрались повыше и уселись на скамейку этого Колизея. И тут я решил:

– Слушай, – говорю, – я не умею целоваться. Можешь меня научить?

Уже тогда неплохо знал девушек и понимал, что если попросить о помощи, то они, скорее всего, откликнутся.

– Ладно.

Она, к моему удивлению, сразу согласилась. Ура, план сработал! Я этот приемчик потом с девушками применял еще тысячи раз, и всегда действовало. Только вот оказалось, что она тоже целоваться совсем не умеет. Мы там как-то зубами стучали друг о друга, деснами соприкасались, что-то такое странное изображали. Но в любом случае для моих восьми лет это было круто! Первый поцелуй. А дальше началось нормальное веселье – Настя от нас бегала, мы с пацанами ее догоняли. В море вместе плескались. Играли. Но больше не целовались. Только если я

хорошо себя вел и меня отпускали на дискотеку, мы с ней обязательно танцевали. Я всегда только ее приглашал. И вот мы стояли на медляке – она мне на плечи руки положит, я ей на талию – и покачивались под музыку. Гулять я ее тоже приглашал, но нас тогда еще не особо отпускали. Мы же маленькие были, должны были гулять только под окнами и под присмотром вожатых. Зато на дискотеках общались, а в остальное время без конца переглядывались. Но потом ее образ у меня из головы пропал. Сейчас не могу вспомнить, как она выглядела. Помню только узкие восточные глазки, и все.

Так вот в том самом чудесном лагере мне ужасно не повезло. Любовь у нас с Настей закончилась раньше времени, и больше я ее никогда в жизни не видел. А все потому, что в середине лета я загремел в больницу.

Дело было так. Мы пришли с моря, и надо было повесить плавки сушиться на балкон – мы всегда так делали. Те, с кем я был в комнате – со мной жили Олег и Тимик, – быстро переоделись, повесили свои трусы и куда-то ушли. А я остался один. Как обычно, завис – то ли танцевал, то ли пел в расческу, короче, завозился. Потом наконец снял мокрые плавки, надел сухие шортики и вышел на балкон. Вешаю плавки и тут смотрю – между стеной и перилами есть маленький промежуток. Такое расстояние, что я, в принципе, мог бы пролезть через него на чужой балкон. Точно не помню, зачем мне в чужую комнату понадобилось, но, наверное, хотел что-нибудь своровать. Я тогда уже довольно привычно воровал – хорошо натренировался на бытовке – и мог стащить практически все, что плохо лежит. Даже в этом лагере мы потихоньку обворовывали палатки по дороге на пляж – там всякие сладости были и сувениры. Но я отвлекся. В общем, я попытался пролезть в этот промежуток между стеной и перилами, но у меня не получалось. А я загорелся идеей! И тогда решил перелезть снаружи. Встал на перила, и...

Полетел вниз с балкона второго этажа.

Потом мне рассказывали, что, когда нашли меня, я лежал головой прямо на бетонной ступеньке. У меня текла кровь из левого уха. То есть я очень неудачно упал, и это реально смерть должна была быть. Конечно, я лежал без сознания. Но когда приехала «Скорая помощь», очнулся и начал орать.

– Не хочу в больницу, не надо!

Меня как-то успокаивали, но я продолжал вопить, хотя ничего этого не помню.

– Не отправляйте меня в больницу! Мне не больно, все нормально!

А у самого кровь течет, и все вокруг меня носятся в жуткой

панике. Что там было, я знаю только по рассказам других. Очнулся в больнице. В выписке потом написали, что у меня трещина черепа. Но я не знаю, что там было на самом деле. Воспитательница из нашего батора, которая была с нами в ту смену, говорила, что никакой трещины нет, мне ее просто придумали, потому что не может такого быть, чтобы человек упал на острую бетонную ступень и не поранился. В больнице меня долго держали – обследовали несколько недель, если не месяц. После того падения у меня началось еще больше проблем с памятью, особенно это касалось учебы. И еще я стал слепнуть на один глаз.

Пока лежал в больнице – потом мне опять же про это рассказывали, – весь мой отряд во главе с воспитателями и вожатыми вставал вечером на колени и за меня молился. Чтобы я выжил, не умер и не стал инвалидом. Это было так мило!

Кстати, был еще вот какой приколы: пока я лежал на земле после падения, мне мерещились какие-то белые женщины с подушками. То ли ангелы, то ли кто. Я потом только понял, что они меня охраняли от смерти. И это они помогли мне так мягко приземлиться.

В больнице в моей палате был еще один мальчик. У него с ногой что-то было. Он был старше меня, кажется, четвертый класс на тот момент закончил. И вот этого мальчика каждый день навещала бабушка. Милая такая старушка, добренькая. Когда она узнала, что я из детского дома, то меня вместе со своим внуком стала подкармливать: приносила мне малосольные огурчики, домашнюю еду, сладости. Я, кстати, с тех пор малосольные огурцы полюбил, а до этого никогда их не пробовал. Но я тоже не был один. Со мной то вожатые лежали, то питалки – по очереди. Кто только не лежал. Разные дети приходили, потом выписывались, а я все лежал и лежал.

Но потом и меня, конечно, тоже выписали. На несколько дней я вернулся в лагерь, а дальше меня отправили в Москву. Выделили воспитательницу – ту самую зверюгу Софью Николаевну, с которой мы и поехали. Но все дети-то еще остались в лагере в Крыму, и я тоже не хотел уезжать! А главное, меня в детском доме никто не ждал – даже школьные корпуса летом не работали. Поэтому пришлось жить в дошkolке. И, кстати, та питалка мне эту поездку в Москву потом всю жизнь припоминала. Наверное, ей тоже, как и мне, не хотелось уезжать. Вот она и попрекала меня. Как мы с ней ехали в поезде, как она вышла на станции купить пирожков каких-то, орехов, еще чего-то. Она все это принесла и говорит:

– Гоша, ты есть будешь?

– Нет, – отвечаю, – я уже поел, не хочу, спасибо.

– Но ехать-то еще далеко. Давай, поешь!

– Не надо, – я опять отказался, – не буду.

Но она настояла.

– Нет, все-таки я тебе дам поесть.

Покормила меня, а когда мы приехали в детский дом, стала всем рассказывать, как я ее в дороге объедал. Якобы она меня спрашивала: «Есть будешь?», а я всегда отвечал: «Буду!» «И вот я из своего кармана оплачивала ему еду, а он такой неблагодарный». Меня это просто бесило. Когда я все это слышал, говорил ей: «Почему вы врете, Софья Николаевна? Такого не было. Вы меня спрашивали, а я говорил, что я не буду кушать. Вы меня заставили». Ну не суть.

Остаток лета я провел в дошкольном отделении с малышами. И с тех пор ездить на море перестал. Меня туда больше не брали, по крайней мере в Крым. Так что на память о той поездке у меня только сворованные сувениры из палаток остались, да и то ненадолго.

Денег что-то покупать у нас не было, но зато мы с шайкой потихоньку таскали всякую мелочь из сувенирных и продуктовых палаток. Несколько ребят наших подходили и начинали продавца отвлекать:

– А дайте, пожалуйста, нам посмотреть вот это.

– Возьмите.

– Нет-нет, не это, вон то!

И пока бедная продавщица этими пацанами занималась, тянулась к самым высоким и дальним полкам за какой-нибудь ерундой, остальные подходили с краю и незаметно рассовывали по карманам все, что могли. Если это было что-то съедобное, мы тут же съедали. Если игрушки – играли. Ну а сувениры старались спрятать и в Москву с собой привезти. Правда, все это моментально куда-то девалось. Свои сувениры я тоже достаточно быстро растерял. Да и меня всегда больше сладости интересовали: что-то своровать и тут же съесть или друзей угостить.

Но море я на всю жизнь запомнил. И то, как летел со второго этажа на бетонное крыльцо.

Глава 11

Конец надеждам

В младшей школе – не помню точно, в каком классе, – ко мне приходила тетенька, которая хотела меня забрать. Она увидела программу по Первому каналу, для которой меня снимали. Известная такая передача, ее показывали по выходным, и все, конечно, смотрели. Я хорошо запомнил день съемок – приехали операторы, режиссер: два дяденьки и одна тетенька. Один дяденька отвечал за камеру, другой за свет, а тетенька-режиссер нам говорила, что надо делать. Привезли кучу оборудования, выставили свет и весь день снимали меня и моего друга Диму. И вот они целый день возились с нами, говорили, как сесть, как встать, куда смотреть. Старались, чтобы мы хорошо выглядели на экране. И потом в конце дня, после всего этого, кто-то из них Диму спрашивает:

– А ты хочешь в семью-то?

И он им, такой, с чувством:

– Нет!

Как его тогда начали бранить!

– А зачем ты тогда снимался-то? Мы тут целый день с тобой зря провозились.

– А я откуда знаю, зачем вы это делали? – Димон за словом в карман никогда не лез. – Мне никто ничего не объяснил!

Нас действительно заранее ни о чем не предупреждали, не объясняли, что именно будет происходить. В день съемок утром просто воспитательница подошла и сказала:

– Так, Гоша, к тебе приехали, будут тебя снимать. На протяжении всего дня.

– Окай, – говорю.

Я-то не Дима. Мне все это сразу понравилось. Они снимали мою бытовую жизнь, как я учусь, какие у меня друзья, что я делаю в свободное время, как умею быстро складывать одежду и убирать свою комнату. Типа, показывали, какой я хороший. Мы потом с пацанами ржали от всего этого, потому что к реальной жизни эта история отношения не имела. Мне никаких вопросов не задавали, обо мне только воспитатели рассказывали. И вообще, я же был мелкий, что я мог сказать? Только типа: «Я хочу в семью, да». Я так и сказал в конце, когда спросили. Тем более, пока я был маленьким, я реально хотел в семью. После тети Иры уже знал, что такое дом, как там спокойно бывает и хорошо. Поэтому мечтал, что в один прекрасный день за мной придет мама и

заберет домой.

После съемок прошло довольно много времени – по крайней мере, мне так показалось, потому что я реально ждал эфира, – и потом репортаж обо мне показали по Первому каналу. Мне так понравилось! Нормально, оказывается, наблюдать за собой со стороны. До сих пор люблю сниматься, никогда не отказываюсь. А тогда горд был оттого, что меня показывают по телевизору. Кстати, я этот ролик потом, когда подрос, много раз пытался найти в Интернете. Даже на сайт программы заходил. Но ничего не нашел. Съемка же давно была, столько лет прошло, наверное, все удалили.

В общем, тогда я из-за этой программы корону на себя надел. И, конечно, начал ждать, что за мной придут. Я такой клевый был на экране, такой хороший – обязательно какая-нибудь мама должна была увидеть и забрать меня в свою семью. Но шли дни, недели, месяцы. Целый год прошел. И никто не явился. Ни одна сраная тетка. Я виду не показывал, но мне было так плохо и больно! Я не мог понять, как это – столько людей меня видели, столько разных женщин, неужели я никому не по душе? Расстраивался очень. По ночам размазывал сопли по подушке, рыдал. Только-только появилась надежда, и снова ничего. А через год пришла эта самая женщина. Я не запомнил, как ее звали. Но помню, как она выглядела: светлые волосы, собранные сзади в пучок, лицо такое симпатичное, ей было около тридцати, совсем молодая. Я тогда мечтал именно о такой маме. И вообще все дети у нас в баторе хотели молодых родителей, современных. Очень боялись, когда знакомиться к нам приходили старушки. При этом мы не по возрасту относили женщин к старушкам – просто если тетя выглядит как бабушка, ведет себя как ископаемое, то все – для нас это старушка и нам ее не надо. Сколько бы лет такой женщине ни было. Мы смотрели, оценивали: «Ооо, этой точно больше сорока» и сразу записывали в «старушки». Нам тогда сорок лет казались дремучей старостью. В общем, к бабушкам никто не хотел идти. Были, конечно, редкие исключения. Иногда дети даже возраст узнавали, но все равно соглашались на семью – даже если мама выглядит не слишком молодо, но в общении чем-то заинтересует, если в ней есть активность, энергия, тогда да. Могли захотеть к ней в семью.

Моя была молодая, симпатичная. К нам такие редко приходили. Так что вообще – мечта! Но мне в тот день опять никто ничего не сказал. Я только от Саши узнал, что эта молодая женщина пришла познакомиться именно со мной. И если все будет нормально, то она меня заберет. Мы вышли на прогулку, а женщина эта подходит к Татьяне Ивановне, хорошая такая была

воспитательница, и начинает спрашивать обо мне. Саша это услышала и бежит ко мне со всех ног.

– Гоша, Гош, – зашептала на ушко, – видишь эту молодую женщину?

– Даааа.

– Она хочет тебя забрать!

– Ого.

– У нее даже собака есть!

И я уже хожу гоголем по площадке, думаю про себя: «Скоро меня заберут. Наконец-то, увидела! Сработало!» И вот оно счастье, руку только протянуть. Молодая женщина, не какая-то там пенсионерка, тем более у нее еще есть собака, кажется, она сказала джек-рассел. А я о собаке всегда мечтал. Ух! Мысленно уже выходил с ней вместе из детского дома. И я долго не вытерпел, опять, такой, к Саше:

– Иди, пожалуйста, послушай еще, о чем они там говорят.

Она пошла, возвращается, говорит мне:

– Татьяна Ивановна тебя в лучших красках расписывает, какой ты добрый, веселый.

– Круто.

– Все будет хорошо!

И потом я вижу, что к ним – Татьяне Ивановне и этой моей будущей маме – подходит моя питалка Софья Николаевна. Зверюга эта, которая у нас была с первого класса. И я думаю: «Ну вот зачем тебя сюда принесло?!» Саша опять побежала слушать, что говорит моя питалка. Потом мне все это пересказала.

– Гоша? – Софья Николаевна покачала головой. – Ооо. Это же первый вор и драчун. Ругается матом. Всех ребят подбивает на дурные поступки.

Не могу передать, что я тогда испытал. Убить хотел эту питалку, мало ей было того, что она портила нам жизнь! Еще и здесь вмешалась, растоптала мою мечту. Я сразу понял, что это все, конец. Я так хотел этой женщине понравиться, я бы изо всех сил постарался! И все бы получилось. Но тетенька моя после таких «рекомендаций» отказалась со мной даже знакомиться. Просто попрощалась с воспитателями и пошла к выходу из детского дома. А я быстро прошептал верной подруге: «Сашка, побежали!». И мы с ней побежали в обход, чтобы попасться этой женщине навстречу. Очень старались успеть. И успели.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, дети, – она смотрела на нас удивленно.

– А к кому вы приходили?

– Я просто пришла посмотреть, как вы тут живете, – она узнала меня и смущенно заулыбалась.

– Поняаяаятно, – тут уж я совсем набрался наглости и спросил ее в лоб, – а мне сказали, что вы на меня посмотреть решили.

– Да, – она не стала отнекиваться, – ты меня заинтересовал.

– А где вы меня видели?

– В передаче по Первому каналу.

– Аааа. У вас собака есть? – я уже не знал, что дальше говорить.

– Да. Я собак очень люблю. А ты?

– Я тоже, – у меня тогда аж в глазах потемнело: она и красивая, и молодая, и собак любит, как я.

И вот так вот запросто может сейчас уйти. А я, маленький мальчик, от которого вообще ничего не зависит, не смогу ее остановить.

– Ну, я посмотрела, вы тут очень хорошо живете, – она все-таки нашла способ свернуть разговор. – Вам тут нравится?

– Да, нравится, – мы с Сашей закивали головами как болванчики. А в горле у меня стояли слезы.

Вот и все. Мы разошлись. И больше никогда не виделись. Я про себя прошептал тогда сквозь рыдания: «Софья Николаевна – тварь! Изуродовала все. Такую маму мог себе найти!»

Сначала я думал своей питалке мстить, но потом просто принял все как есть. Я же самый хороший ребенок на свете. Зла намеренно никогда никому не делал. И теперь, спустя десять лет, уже точно могу сказать – все, что ни делается, все к лучшему.

Глава 12

Мои животные

Стать хозяином джека-рассела мне было не суждено. Но мне всегда ужасно хотелось кого-нибудь завести, какое-нибудь домашнее животное. Я видел, как люди гуляют по улицам с собаками – забор-то у нас в детдоме был прозрачный. А я уже тогда мечтал о лабрадоре. Этим меня Тимик «заразил». Он тоже собачник, обожает собак и больше всего – лабрадоров. Он собирал всякие наклейки с ними, везде, где можно, про них читал. Ну и я вместе с Тимиком. Так мы узнавали о разных породах, о том, как за питомцем ухаживать. Понятно, собаку я не мог в детдом притащить. И уж тем более завести лабрадора. Тогда мы с Тимиком так рассудили – как только вырастем и нам государство выдаст квартиру, тогда обязательно первым делом заведем каждый по лабрадору. Они такие прикольные, ленивые, с лысыми носиками. А пока мы всех собачек только через забор трогали и гладили. Если они позволяли. Когда стали постарше, начали убегать с территории детского дома в лес и там тоже с собаками играли, которых хозяева выгуливали. нас предупреждали, кого можно гладить, а кого – нельзя. Но, понятно, до своей собственной собаки нам было как до Луны. А питомца хотелось так, что словами не передать.

И вот однажды напротив окна моей комнаты из гнезда выпал птенок. Помню, мы уже ходили гулять на улицу в школьной форме, куртки не надевали. Это была весна. Я увидел этого птенчика и так обрадовался! Решил, что у меня наконец будет питомец. Не собака, конечно, но хоть кто-то. Я поднял его, засунул за пазуху, чтобы никто не видел, и побежал, счастливый, в свою комнату. Там выдвинул верхний ящик прикроватной тумбочки, выкинул из него все, чтобы птенчику там было удобно, и устроил для него домик. Потом пошел на уроки и все время сидел там как на иголках – хотелось поскорее вернуться к птенцу. Бегом прибежал в комнату из школьного корпуса после уроков и начал ухаживать за птенчиком, как мог. Сначала попытался его накормить. Накрошил хлеб и положил перед ним хлебные крошки. А он не ест. Потом стал ему хлеб прямо в клюв засовывать, он опять не жрет. Дал водички в блюдце, тоже никаких результатов. Не пьет. Я начал нервничать – без воды-то совсем нельзя, надо попить. Но в первый день он так и не попил, не поел. На следующий день я додумался, как быть – вытащил из шариковой ручки стержень, выдул из него все чернила, набрал в

стержень воды и залил птенчику в горлышко. Вроде получилось. Я очень обрадовался. Хотя водой напоил, уже хорошо!

И вот в тот же вечер, на второй день, в нашу комнату без предупреждения вошла питалка – проверить порядок. Я быстренько закрыл птенчика в «домике», в своей тумбочке, чтобы она его не увидела. Но как только питалка ушла, я его снова вытащил, взял в руки, стал с ним играть. И тут дверь неожиданно снова открывается. Я думал, опять питалка, быстро закинул птенчика на его место и захлопнул ящик. Но, оказывается, это была не питалка, а мой сосед. Можно было не волноваться. Когда он ушел, я открываю ящик, беру свою птичку в руки, а у него голова – тффф – падает набок так, словно она отдельно от туловища. Висит только на коже. Оказывается, когда я птенчика закинул, он не туда, куда надо, попал и попытался выбежать. А ему ящиком голову прищемило и почти как гильотиной перебило шею. Я пытался его спасти. Дул ему в клюв через трубочку – делал искусственное дыхание. Пытался что-то там растирать, массировать. И все надеялся, что он вот-вот оживет – как герой мультика, расправит крылья и полетит. Они же вечно падают черт-те откуда, очухиваются, а потом – раз! – и оживают. Я с ним долго возился, но ничего не помогало. Как я рыдал! Просил: «Птичка, очнись! Птенчик мой, я тебя люблю!» А в конце отчаялся и подумал, может, ему надо на воздух – лучше его взять и выпустить. Открыл окно в туалете, чтобы в спальне меня никто не спалил, и подбросил своего птенчика вверх: «Лети!» А он вдруг взял и упал вниз. Шлепнулся на асфальт под моими окнами. Я побежал в спальню, уткнулся носом в подушку и плакал, плакал. А птенчик так и валялся несколько дней у нас под окнами, пока дворник его не убрал.

Мне в голову не пришло его похоронить, хотя я, конечно, понял, что он умер, бедняга. Но что тут поделаешь? К жизни птенчика было не вернуть. Я это понимал. К тому времени уже видел смерть – помимо той, самой первой крысы, которую мы еще в дошколке замочили, мы с пацанами находили дохлого крота. Вот его похоронили со всеми почестями. Даже крестик сделали из маленьких веточек и поставили над его могилкой. Мы себе воображали, что у него была семья, он вел праведную жизнь и после смерти оказался на небесах. У нас была в детском доме хореографичка, которую я очень любил, и она всегда говорила с нами о боге. Я еще расскажу об этом. Вот мы и примерили, что знали про загробную жизнь, на мертвого крота. Но кротик-то был целенький. А птенчик как-то совсем плохо выглядел там, на асфальте. Кишки наружу, голова отдельно. И я трогать его не стал.

А потом, примерно через год или, может, меньше, кто-то из старших пацанов купил и принес в детский дом мышь. Домашнюю такую, в коробочке. И я тут же начал вокруг этого семиклассника прыгать, просить, чтобы он дал мне мышку хотя бы на время, поиграть. Так хотелось, чтобы у меня было маленькое живое существо!

– Дайте мне, дайте, пожалуйста! – я прилип к хозяину мыши как банный лист. – Хотя бы подержать!

– Отстань, Гошан!

Мне уже животных не доверял никто, весь батор знал историю про птенчика. Я сам всем об этом и растрюндел. Кстати, мне пацаны до сих пор тот случай припоминают. Зато моему другу Тимику разрешили с мышкой поиграть. Даже позволили унести в свою комнату – чтобы она какое-то время перекантовалась у него. Мышонок жил в коробке, и коробку эту надо было прятать либо в тумбочку, либо под кровать. И прикрывать какими-нибудь тряпками, чтобы питалки не заметили. Как только Тимик притащил к себе мышонка и спрятал его у себя под кроватью, я тут же начал уламывать его.

– Ну, пожалуйста, – скулил я, – дай мне только подержать!

– Нет, Гошан, – Тимик сопротивлялся, – ты птичку уже подержал.

– Я так больше не буду, – я не отлипал, – ну дай, пожалуйста, хотя бы чуть-чуть с ней поиграю.

– Нет.

– Тимииииик, ну ты же мне друууг!

– Ладно, – он в итоге понял, что легче сдаться, – только смотри, если будет, как с тем птенчиком, я тебя лично прибую!

Он отдал мне мышку и пошел по своим делам. Я играл-играл, развлекался с ней, а потом пришло время, когда и мне тоже надо было уйти. Я занимался в хореографической студии у нас в баторе и очень любил танцевать. До сих пор люблю, даже танцы сам научился ставить. А тогда я на всех концертах в детском доме выступал. В тот день, когда мне дали мышку поиграть, у нас была Масленица, и, само собой, надо было танцевать на сцене. И как раз пришло время переодеваться и идти в актовый зал. Но сначала я сделал своему питомцу новый домик – из железной банки из-под конфет. Эта коробочка была такая красивая, нарядная. Не то, что ее прежний домик. Я проделал в этой банке дырочки, чтобы мышка могла дышать. Позаботился. А потом вдруг заметил, что мышка сильно дрожит. Явно замерзла. Но мне пора бежать вниз, в актовый зал, чтобы на сцену выходить. Я взял свою футболку, засунул ее на дно коробки, чтобы мышке тепло было. Посадил ее туда и пытаюсь крышку закрыть, а она не закрывается

– слишком мало в коробке места. Пришлось футболку вынимать. А мышка все дрожит. Тогда мне и пришла идея поставить банку на батарею, чтобы мышке стало тепло. Я так и сделал и, довольный, побежал выступать. И вот мы оттанцевали перед гостями. После этого поели, как положено, блинчиков. И я бегом побежал в свою комнату проверять, как там моя мышка. Такое чувство было классное, что меня кто-то ждет! Кто-то маленький, кто пусть ненадолго, но мне принадлежит. Прибегаю, открываю коробку, а мышка в ней спит. Я начал ее теребить.

– Мышка, проснись! – говорю шепотом. – Проснись, не надо спать.

Мышка не шевелится.

– Ээй, – шепчу ей в ушко, – не спиии!

И в этот момент Тимик входит. Спрашивает меня:

– Ну, как там мышка? Все хорошо?

– Нууу, – я испуганно посмотрел на него, – не очень.

– Что такое?!

– Она что-то спит, – мне стало совсем страшно, – не могу ее разбудить.

– Ссссука! – Тимик тогда зверски разозлился. – Я так и знал! Так и знал, Гынжу, что ты с ней что-то сделаешь!

– Но вдруг она просто спит, – у меня уже голос дрожал, слезы собрались в уголках глаз, – просто спит, и все?

– Дебил!!!

Я схватил мышку, побежал с ней в туалет и сунул ее под холодную воду. Мне казалось, что если она на батарее перегрелась, то сейчас остудится и придет в себя. Но нет. Она только намочила, тощая стала и какая-то жалкая из-за воды. А еще почему-то очень мягкая – повисла у меня в руках как тряпочка. Чего я только не делал с этой мышкой, чтобы она ожила! Ничего не помогало. Мне ее так жалко было, она такая миленькая была, хорошая. Настоящая пуся-муся. И я заплакал. Рыдал по-настоящему, как от самого сильного горя. Словно не мышка умерла, а какой-то близкий мне человек. Потом с трудом успокоился и начал разбираться, почему так произошло. Пошел в комнату, взял железную банку с батареи – конечно, она была горячей. Получается, пока мышка сидела в этой коробке, металл на батарее слишком сильно нагрелся. Я осмотрел все внимательно – на банке изнутри остались царапины от ее лапок. Как будто она пыталась ход себе раскопать. Я понял, что она хотела выбраться, но понятно, что ни проделать дыру в дне, ни открыть крышку она бы никак не могла. Мышка просто зажалась в этой красивой нарядной банке из-под конфет.

Мне пацаны до сих пор тот случай припоминают, говорят, что

я – убийца мышей. Они мне рассказали, что в древности даже была такая казнь – человека пытали раскаленным железом, а потом зажаривали до смерти. А сами ржут. А мне не до смеха. Я не знаю, была такая казнь или нет, но мышка моя погибла. И я долго по ней горевал.

Глава 13

Псих

После падения со второго этажа в лагере в Крыму меня перестали отправлять летом на море. По крайней мере, до конца начальной школы я никуда дальше Москвы и Подмосковья не ездил. И вот после четвертого класса, мы тогда еще жили в младшем корпусе, в старший нас только после пятого класса перевели, меня отправили на лето в психоневрологический санаторий. Это все из-за головы было – типа, наблюдали, что там и как после травмы. Ну и просто в качестве летнего отдыха. Все остальные из батора, счастливчики, уехали отдыхать в Крым. Кроме небольшой группы совсем уж блатных товарищей, около 15–20 человек у нас постоянно ездили в Италию, к своим летним семьям. Один я как дурак в психоневрологическом санатории почти все лето провел.

Зато там мы подружились с одним парнишей со смешной фамилией Яйцук. А звали его – трррр, бинго! – тоже Гошей. Я тогда впервые в жизни узнал, что в мире есть и другие мальчики, которых зовут Гоша. До этого ни разу таких не встречал. Среди ста человек баторских Гош больше не было – я там один, неповторимый оказался. Мы с этим Гошей Яйцуком за лето реально стали как братья. Вместе шалили, вместе нас наказывали. К нему приезжали родители, навещали. И он в один прекрасный день рассказал им мою историю, поведал, что я из детского дома – сижу там с самого детства.

– Он такой офигенный! – признался им Гоша. – Я очень хочу такого брата.

И тогда они позвали меня, чтобы мы с ними познакомились, поговорили.

Мама там очень приятная была, она мне сразу понравилась. Про папу точно не помню, из памяти уже стерлось. В тот день родители нам с Гошей на двоих оставили все гостинцы, которые ему привезли, сказали: «Вот, это вам обоим, делитесь». И с того момента они стали приезжать к нам двоим. Не только к своему сыну, но и ко мне. Привозили нам обоим гостинцы – каждому отдельно. Мне свои, а ему свои. Как же это было приятно! Со стороны Гоши, кстати, никакой ревности не было. Он очень хорошо относился к тому, что родители меня признали и, можно сказать, приняли. Мы все друг к другу очень привязались. Договорились, что они приедут ко мне в детский дом после того, как меня выпишут. Я думаю, даже если бы им моя питалка-

зверюга начала рассказывать обо меня всякие гадости, они бы все равно от меня не отвернулись. Потому что уже знали, какой я на самом деле. И я их очень ждал. Больше всего на свете.

Я пробыл все три смены в психоневрологическом санатории, а потом меня привезли в детский дом на «Скорой помощи». Это было в августе. И хоп – в детском доме на первом этаже идет ремонт. Там как раз незадолго до этого мэр приезжал, что-то ему показалось не очень новым или чистым, и он – как нам говорили – из своего кармана оплатил нашему детскому дому ремонт. И вот теперь выяснилось, что из-за этого гребаного ремонта меня не могут в баторе оставить. Типа, некуда деть. Начали думать, что со мной делать. В принципе, могли бы до конца ремонта перевести в дошкольное отделение – всегда раньше так делали, если некуда больше девать. Но для этого нужно было получить разрешение директора – чтобы он дал согласие. А его на месте не было, как назло. И вот мы с врачами «Скорой помощи», с секретаршей директора сидим и ждем у моря погоды.

– Он на совещании в министерстве, – секретарша опять объясняет одно и то же, – я ему позвонить сейчас не могу, и когда вернется, не знаю.

– А нам что делать? – врачи «Скорой» нервничали, и так уже долго со мной сидели. – Куда нам мальчика девать? Ждать больше не можем.

– Ой, я не знаю! Делайте с ним что хотите!

А что они могут сделать? Отвезли меня обратно в этот психоневрологический санаторий, там накормили обедом, и перед тихим часом медсестра мне говорит:

– Гоша, ты понимаешь, что нам некуда тебя разместить? Смены закончились.

– Да, – говорю, – понимаю.

– И скорее всего, – она жметя, – тебя придется отвезти в 6-ю Донскую больницу.

Я тогда уже знал, что это детская психиатрическая клиника. У нас в детском доме были ребята, которые там время от времени лежали. У меня сердце в пятки упало. И ладони покрылись холодным потом.

– Я что, похож на психа?!

– Нет.

– Ну, пожалуйста, – я начал плакать, – не надо в психушку! Есть же другие варианты.

– Да какие другие... Других как раз нет, – я видел, что она мне сочувствует, а сделать ничего не может, – вот попей чайку с медом, успокойсь. Поспишь, и поедем.

– Да не нужен мне ваш чай с медом!

Пришел врач. Они с медсестрой меня все-таки успокоили, уговорили. Я сижу, обжигаюсь, бормочу: «Да не нужен мне ваш чай с медом», а сам прихлебываю кипяток и плачу.

Долго я ревел, никак не хотел мириться с тем, что придется ехать в психушку. Прошел тихий час, я в сонном состоянии вышел на улицу. Там разложили на газоне перед корпусом красные покрывала – сушили их после последней смены, – я на одно из них лег и снова уснул. От горя. Потом подходит ко мне медсестра, которая меня успокаивала, и шепчет на ухо:

– Гоша, за тобой «Скорая» приехала.

– Я не хочу! – я снова давай реветь. – Куда мне бежать, чтобы не ехать?!

– Все-все, Гоша, – она меня подняла, повела к машине, – надо ехать.

В общем, меня запаковали в эту «Скорую», засунули туда мои вещи и привезли в 6-ю Донскую.

Сначала положили в первое отделение. Там вообще заняться было нечем: лежишь в четырех стенах и смотришь в потолок. Ни занятий, ничего. Со мной в одной палате лежал подросток – малолетний преступник, которому грозила детская колония. Он постоянно харкался. Наберет полный рот слюны и что у него там еще и плюет прямо в меня. И днем, и ночью. Меня реально от этого выворачивало.

– Перестань!!! – я орал, уже нервы не выдерживали.

– Блядь, иди на хуй! – это все, что он мне отвечал.

Фууу. До сих пор вспоминать противно. Я постоянно ходил и просил, чтобы меня перевели в другую палату. Ловил врачей в коридоре, умолял.

– Уберите меня хоть куда-нибудь от этого идиота, – я готов был ползать перед ними на коленях, – больше так не могу!

– Нет, лежи. Больше некуда.

Кое-как я это пережил. Лежал с ним меньше двух недель – хотя мне показалось вечность, – и все это время он в меня плевался. Дебил! А я смотрел в потолок и думал, что, если бы у меня была мамка, она бы меня защитила. Хоть к заведующему отделением бы пошла. А еще лучше – забрала бы скорее домой. Ремонт там, не ремонт, разве детей сдают из-за этого в психбольницу?! Но меня защитить было некому. А к этому козлу приходила то ли мамка, то ли бабка, то ли тетка и через окно в палату – у нас были зарешеченные окна, мы лежали на первом этаже – передавала всякие гостинцы. Я смотрел на все это и ничего не понимал. Этого борова обихаживают и не могут ничему научить?! Он же домашний ребенок, блин! А харкается как свинья. В общем, я кое-как выдержал этот период, все эти

унижения, а потом меня перевели во второе отделение, где уже было все нормально. Сначала заселили к младшим. Я там стал, типа, помощником. Привели во второе отделение и не знают, куда меня определить. Положили на тихий час к малышам, потому что у них там была свободная кровать. А потом я помню, как сидели две воспитатки – та, которая у младших, и та, которая у старших – и обсуждали, куда меня определить. Я не спал, подслушивал. Боялся, что меня опять куда-нибудь не туда затолкают.

И, что самое прикольное, воспитатель – мужик. Это, наверное, первый раз в моей жизни. Обычно везде работали тетки: и в баторе, и в лагерях, и в больницах. И вот этот наш воспитатель изобрел свою систему поощрений.

– Таааак, садимся играть в лото, – собирал нас всех за столом, – кто выигрывает, тому утром угощение!

И утром всем, кто хорошо себя вел или во что-нибудь выигрывал, доставались остатки после чаепитий врачей и медсестер. Всякие там бутерброды с колбасой, салаты, перцы фаршированные, сладости. Куча всего. С утра воспитатель устраивал настоящий аукцион. Сначала награждал за хорошее поведение. Кто вечером лег спать нормально, не болтал с соседом, по палате не шатался.

– О! Андрюша вчера первый уснул, – сообщал он, – Андрюша, ты получаешь бутерброд с колбасой.

Андрюша тут же счастливо чавкал.

– А кто вчера выиграл в плейстейшен в гонки? – он обводил нас взглядом. – Точно, Серега! Серега, ты получаешь печенье.

Я не выдерживал, начинал канючить:

– А мне когда-то хоть что-нибудь достанется?

– Нет, Гынжу, ты сиди! Вот научишься себя хорошо вести, тогда будет и тебе угощение.

Ну что тут скажешь? Справедливо. Я не обижался.

Меня, кстати, в психушке поначалу ничем не лечили. Я там просто лежал. Официально в медкарте вроде значилось обследование головы после травмы, потому что должны же они были официальный повод для госпитализации иметь. А так я отдыхал, как в летнем лагере. А заодно снова влюбился. Но на этот раз не в девочку.

У нас там была молодая заведующая отделением. Такая шикарная – умная, симпатичная. Оооо! Я был от нее без ума. И, наверное, у всех пацанов такая фишка: когда влюбляются в теток постарше – начинают сильно баловаться, выводить их из себя, привлекать к себе внимание любыми средствами. Чтобы они подошли, поговорили, дотронулись. Как же я хотел, чтобы она меня потрогала! И поэтому изо всех сил закатывал ей истерики.

– Гоша, Гоша, успокойся, – она подходила ко мне и звала медсестру, – таблеточки дайте мальчику.

И я про себя: «Аааа! Какие еще таблеточки?! Мне надо, чтобы ты подошла ко мне, погладила, потрогала!»

Но иногда она все-таки делала так, как надо – начинала меня успокаивать, гладить по голове. У меня это было с самого детства – не знаю уж почему, наверное, психологи скажут, что это такая травма, типа никто меня не гладил в младенчестве и на руках не

носил. Но я всегда, с малых лет, обожал, когда меня тетки гладят по голове. Лежу, и на седьмом небе от счастья. И вот она тоже так делала. Садилась рядом со мной и долго-долго гладила по голове.

– Гоша, все будет хорошо!

Я лежал, закатив глаза от счастья, и молил ее про себя: «Ооооо, гладь меня, гладь побольше! Я еще не сплю, не уходи, пожалуйста, гладь еще!»

Когда она оставалась дежурной и ночевала на работе, то всегда приходила ко мне перед отбоем, садилась рядом на кровать и меня гладила. До сих пор у меня перед глазами стоит эта картина, просто офигенная! Все лежат сами по себе, кто как может успокаивается, засыпает. И только рядом со мной сидит заведующая отделением. Устроилась на моей кровати и гладит меня по голове. Так я и балдел. Правда, продлилось это счастье не очень долго, всего-то чуть больше недели.

А потом мне сообщили, что если дальше все будет идти так же хорошо, то меня через пять дней выпишут. Я, конечно, обрадовался. И тут меня страшно понесло. До этого я вел себя практически как паинька, только для заведующей персонально немного истерил, чтобы она обращала внимание на меня. А так, во-первых, хотелось получать вознаграждения в виде угощений, а во-вторых, там реально надо было вести себя как паинька, чтобы не залечили всякими таблетками. Но когда я узнал, что меня выписывают, то потерял всякий страх. Сопли пузырем, пальцы веером, всех посылал. И взрослых, и детей.

– Идите на хер, меня скоро выпишут! А вы все лохи.

Дней пять я так ходил, звездил изо всех сил. Забил на правила, на режим. Ночью не спал, разговаривал со своими соседями, им спать не давал. На уроках совсем перестал заниматься – а уже сентябрь наступил, к нам стали учителя приходить, – творил всякую ерунду. Швырялся тетрадками, орал: «Мне это не надо, меня скоро выписывают!» С ребятами тоже вел себя как последний козел – стал драчливым, всех задира, постоянно устраивал драки. Потом еще на аукционе права качал, когда всем что-то давали, а мне нет, орал: «А почему мне, блядь, нет подарка?» Медсестры только головами качали: «Ну и ну...».

И вот, проходят эти пять дней, а меня не выписывают. И я такой пошел на пост к медсестрам:

– Че, блин, за фигня? Меня сегодня выписать должны!

А они мне спокойно так говорят:

– Гоша, ты себя плохо ведешь. Тебе позавтрашней ночью ставили красные кубики. Какая выписка?

А красные кубики – это такой жутко болезненный укол,

который делают в ягодицу, чтобы человек не скакал и не прыгал, а лежал как овощ. И вот я на такой укол нарвался.

Конечно, сопротивлялся, когда понял, к чему все идет, старался не даваться. Но меня заломала медсестра. Обманом затащила в процедурный кабинет.

– Пойдем со мной, я тебе дам таблеточку, чтобы ты заснул.

А там уж как-то уложила на эту их кушетку, я не помню как. Потом позвала на помощь заведующую отделением, ту самую молодую, которую я любил. Они вместе меня держали, и медсестра – пффф! – всадила мне этот укол в задницу. И я моментально обмяк. Вообще не мог пошевелиться. После него очень долго зверски болит задница. Я не мог ни встать, ни шаг сделать, ни что-то еще.

– Я вот так буду сидеть, – бормотал непослушным языком. – Не надо меня дергать!

Час не мог в себя прийти, а потом еще целую неделю ходил как кисель. У меня так ныло тело, так болела каждая мышца, что это просто невозможно передать. И еще мне стали перед сном давать какие-то зеленые таблеточки. Иногда я их пил, иногда втихоря выплевывал. А в остальном шла обычная больничная жизнь. Днем – занятия. После них нас выводили гулять в «решетку». Это такая площадка для прогулок, своя у каждого отделения. Там все было как на обычной детской площадке – качельки, каруселька, песочница, – только обнесено решеткой. Еще в больнице был зоопарк, но вот это вообще непонятно зачем. Животных мы ни разу не видели. Нас строили парами и вели в нашу клетку, никаких вам зверей.

Я просидел в психушке еще месяц. Только в октябре вернулся в свой детский дом. Вместо пары недель «переждать ремонт» провел в психушке целых два месяца. Приезжаю, а воспитатель мне говорит:

– Гоша, к тебе тут приходили.

– Кто? – я замер, меня холодный пот прошиб от плохого предчувствия.

– Женщина такая приятная. Спрашивала про тебя, хотела увидеть.

– А вы что? – я уже понял, кто это был. Сердце упало в пятки.

– Как что? Сказали, чтобы через пару месяцев пришла. Что пока ты лежишь в больнице, в 6-й Донской.

Так она больше и не пришла, мама Гоши...

А на память о той истории у меня осталось заикание. Никогда раньше такого не было, а тут я начал зависать на каждом слове и потом больше года не мог от этой проблемы избавиться. Скорее всего, от Гоши «заразился» – он был заикой. Я его

наслушался, и вот, пожалуйста. Конечно, я делал это не специально и не из-за того, что хотел быть на него похожим. Просто так само получалось. Злился и ничего поделать не мог.

– П-п-подайте с-с-с-с-стакан.

– Оооо, – питалка покачала головой, – что, психушка тебя испортила?

– Н-н-нет, – я давай отнекиваться, – это н-н-не из-за п-п-психушки.

– Гош, ты понимаешь, что тебя к сентябрю должны были выписать?

– Д-д-да, п-п-понимаю.

– А ты – что? Плохо себя вел. И просидел там больше двух месяцев. Вот и заикаешься теперь!

Я все понимал. А главное, понимал, что реально упустил свое счастье, свою семью.

Кстати, из-за того, что я тогда вернулся в батор позже начала учебного года, у меня со школой все как-то окончательно посыпалось. Начало английского я пропустил, по математике, русскому, биологии тоже потерялся и потом не мог ничего понять. По всем предметам у меня начались проблемы. Математика стала адом. Классно отдохнул, называется, летом. Семья Гоши Яйцука меня бросила. Сам я стал зайкой и психом. С учебой полный капец. И зачем тогда вообще стараться? Для кого пытаться быть послушным и хорошим? У меня словно пелена с глаз упала – смысла нет. Все равно больше никто и никогда за мной не придет. Я же псих.

Глава 14

Добрый мальчик

На уроках мне стало окончательно скучно, просто нечего делать. Зато я нашел себе другое развлечение – все чаще и чаще воровал. Как будто тренировался на будущее.

Один раз, в четвертом классе, я своровал у воспитательницы деньги. В тот день, как обычно, после подъема, умывания и уборки мы перед завтраком пошли в учебный корпус. Учительнице, Додоновой Валентине Ивановне, в какой-то момент надоело, что мы либо не делаем домашнее задание, либо делаем его неправильно, плохо. А надо, чтобы мы делали правильно. Валентина Ивановна всегда говорила, что у нас есть мозги, но мы просто ленимся. И вот она нас решила оставлять без завтрака, пока не сделаем все как надо – с самого утра мы садились в классе и переделывали домашнее задание. А после этого она отпускала нас на завтрак. Мы, кстати, даже и не думали на нее обижаться – реально нормальная была училка, на самом деле святая.

И вот однажды я быстрее всех домашнее задание переделал.

– Все, – говорю, – я пошел в столовую.

Она посмотрела в мою тетрадь и кивнула:

– Хорошо. Иди, Гоша.

Спускаюсь я и вдруг вижу – опаньки! – лежит сумочка. Как потом оказалось, это была сумка Галины Ивановы, нашего ночного воспитателя. Я, кстати, к ней никаких чувств не испытывал – ни хороших, ни плохих. А про сумку подумал, что кто-то из гостей оставил. И я, такой: «Ну-ка, ну-ка, интересно!» Заглянул в сумку, нашел кошелек, достал оттуда 3 000 рублей, кажется, а остальные деньги оставил на месте – чтобы незаметно было. Засунул эти три тысячи себе в карман и пошел на завтрак. Сiju в столовке как на гвоздях, деньги мне карман жгут: «Аааа, деньги, деньги! Надо срочно кому-то рассказать, какой я богатый!». В переходе между корпусами по дороге обратно встречаю Некита с Тимиком.

– Пацаны, пацаны, – шепчу им, – давайте в туалет зайдем. Я вам кое-что покажу.

– Окай, окай, Гошан! – они сразу согласились, даже спрашивать ни о чем не стали – видели, какой я перевозбужденный.

Мы поднялись на свой этаж, зашли в туалет, и я такой:

– Пацаны, смотрите! Три тысячи!

– Откуда ты их взял? – Некит нахмурился.

– Не скажу.

– Ну, Гошан, откуда ты их взял? Колись! – Тимик тоже давай давить.

– Свистнул из сумки, – начал им шепотом все рассказывать, – не знаю, чья это была сумка, наверное, какая-то гостья пришла и ушла уже. Да она не спалит, не бойтесь!

– Вот не факт!

– Ладно, давайте, чтоб вы молчали, всем поровну. Тебе тысячу, тебе тысячу и мне тысячу.

Они же мои друзья, а я своих в обиде никогда не оставлял, всегда делился. Пусть тоже будут при деньгах. Заходим мы в класс, типа, такие спокойные. У каждого в кармане по тысяче рублей. Мы самые богатые в классе, да что там в классе – во всем баторе. Можем теперь себе этих жвачек, чупа-чупсов, миринды, кока-колы закупить сколько угодно. Даже не надо будет воровать. Садимся, а еще не начался первый урок, и тут слышим какие-то обсуждения между Галиной Ивановной и другим учителем. Галина Ивановна жалуется, что у нее кто-то что-то свистнул. Валентина Ивановна тоже выходит из нашего класса, присоединяется к ним, они там о чем-то разговаривают. А потом Валентина Ивановна заходит к нам вместе с Галиной Ивановной.

– Итак, мальчики, ни у кого, случайно, в кармане не лежит три тысячи рублей?

Это всегда так начиналось. Я, такой, сию: «С-сука, хоть бы не сдали, хоть бы не сдали». Пацаны сидят молчат, но я вижу, что Некит как рак краснеет. А Тимик качается туды-суды на нервах. Но Тимик-то еще нормально, мы с ним постоянно качались. А вот то, что Некит краснеет, это, конечно, палево. По нему всегда можно было сразу понять, врет он или не врет, прячет что-то или нет.

– Ребята, – тут Валентина Ивановна уже к нам троим обращается, – только вы пошли на завтрак отдельно, а не вместе со всем классом. Может, вы видели, кто взял?

– Нет, – я решил, как обычно, не колоться до последнего, – Валентина Ивановна, мы не видели! Мы как сделали всю домашку, сразу пошли кушать.

– Ребят, ну сейчас просто приедет полиция, – опять они этот свой любимый трюк с полицией разыграли.

И все! Тут не выдержал Некит. Поднялся с места.

– Валентина Ивановна, – протягивает ей тысячу, – нате, это не мое!

Следом за ним встал Тимик.

– Валентина Ивановна, нате, – тоже отдает ей тысячу, – это не

мое, это Гынжу.

Ну, Некит-то хотя бы промолчал, меня не сдал. Просто сказал «это не мое». А Тимик взял и сдал меня! Друг, называется. И я, такой, сижу: «Ах вы, твари!» Но делать-то уже нечего, встаю и говорю:

– Простите меня, пожалуйста, это я случайно украл, – стою за партой, голову свесил на грудь и тоже вытащил из кармана тысячу, протянул ее Валентине Ивановне, – я больше не буду.

Даже не помню, чтобы меня в тот раз наказали. Просто поговорили, и все. У нас Валентина Ивановна, я же говорю, была святой женщиной. Она никаких наказаний не признавала – сама нас пальцем не трогала и старшаков никаких не вызывала. Могла только словами. Профилактические беседы проводила, и все. А я, кстати, в тот раз даже сам не понял, зачем я брал деньги. За территорию нас тогда еще не выпускали. Если наша питалка заметит, что у меня в пакете всяких сладостей на большую сумму, чем мне выдали, все равно будет разборка. В месяц я мог купить себе что-то на 250 рублей – это карманные деньги, которые нам выдавали. И мы их тратили в один день, а потом опять месяц сидели без всего. А купил бы я, скажем, на 500, все равно это никак не прокатило бы. Мы тогда еще вместе с воспитателем в магазин ходили, все было под контролем. Поэтому я до сих пор не могу понять – на фиг я тогда эти деньги взял? Разве что экстрима захотелось, острых ощущений. Больше никаких объяснений придумать не могу. Вот реально случайно, просто сработал какой-то инстинкт.

У воспитателей я больше деньги никогда не воровал. Только таскал у них всякие сыры, колбаски – в общем, еду, которую они для себя покупали и складывали в групповой на подоконнике. Но так я всегда делал.

И еще однажды спер деньги у бедной уборщицы. Она вроде на что-то копила. У нее в тумбочке, в кладовой эти деньги хранились. Приличная очень сумма, кажется, тысяча тридцать. Я не знаю, почему она их на работе держала, а не дома. Может, боялась, что муж-алкоголик найдет и все пропьет или соседи по коммуналке украдут. Но в детском доме, как выяснилось, оказалось совсем ненадежно. Уборщицу эту мы звали тетей Таней – она была у нас еще и банщицей. В будни убиралась, а по пятницам мыла нас в бане, зарабатывала, как могла. Она нормальная такая была, к нам относилась хорошо, никого не обзывала и не обижала. Но для нас она была просто обслуживающим персоналом, никаких чувств мы к ней не испытывали. И вот мы залезли с пацанами в эту кладовую, смотрим, телефон лежит. О, возьмем телефон! Потом еще

порылись – увидели деньги. О, деньги! У меня лично такое чувство было, будто я клад нашел. Вот что тут деньги в кладовой просто так лежат? Значит, понятное дело, ничьи. Надо взять. В общем, забрал все – и телефон, и деньги, пошел довольный. А потом оказалось, что телефон не рабочий. Тогда зачем он мне? И про деньги я тоже посидел-подумал. Если я в прошлый раз тысячу рублей не смог сохранить, куда я с такой-то огромной суммой пойду? Накроют, и только хуже будет. Я походил по батору с этими деньгами в кармане несколько часов, почувствовал себя миллионером, а потом пошел и всю эту огромную для меня сумму на место положил. Все-таки совесть почему-то проснулась.

И все, больше я деньги, пока жил в баторе, никогда не воровал. Ни у своих, ни, кстати, на улице. Один раз только, когда уже стал постарше, хотел для галочки спереть у кого-нибудь в метро мобильный телефон. В те времена была такая хайповая штука. В метро же все едут, втыкаются в свои телефоны. А ты, такой, стоишь возле дверки, и вот когда уже все пассажиры вышли-вошли и двери почти закрываются, ты резко выхватываешь у человека из рук телефон и бежишь. Пока он сообразит, что к чему, вскочит с места, двери уже закрыты. Но я это так и не сделал. Все время думал: «Вот выбегу из вагона, а там, на платформе, по закону подлости менты стоят. Поймают меня, и конец. Зачем мне все это нужно? И что тогда будет дальше?»

Один раз все-таки обворовал своего друга. Это было еще в младшей школе, в третьем или четвертом классе – спер у Димы Полещикова несколько копеек. Дима после первого класса привез из Италии игрушку – геймбой. Я уже говорил, у нас была в детском доме такая программа – некоторых детей, кто хорошо себя вел, возили на лето в Италию, и там их брали к себе семьи. Саша Старцев, например, уехал потом в Италию навсегда. Многих ребят из нашего батора тоже хотели итальянцы забрать, но тут в стране вышел этот закон, который запрещает иностранное усыновление. И наши – Некит и Дима, например, и другие – в итальянские семьи навсегда уехать не смогли, зато так и продолжали общаться. Каждое лето ездили в Италию. Они даже знакомиться ни с какими приемными семьями русскими не соглашались, потому что считали, что у них в Италии своя семья. И сейчас многие, кому исполнилось восемнадцать и девятнадцать, собираются уехать туда навсегда. Теперь-то они совершеннолетние, никакого усыновления не нужно. Могут жить где хотят. Поэтому и готовятся к переезду, собирают документы. Меня, конечно, с моим поведением никто ни в какую Италию не брал. В общем, геймбой у нас был один, а желающих в него поиграть – много. И Дима Полещиков, у него с детства мозги

предпринимателя были, придумал такую штуку: он брал за возможность поиграть с каждого по 50 копеек. Но не себе деньги брал, а складывал их в копилку – чтобы мы собрали деньги на еще одну игру для группы и купили ее. То есть это был такой «общак», священные деньги на новый геймбой. И вот из этой копилки я деньги и спер. Мы тогда вместе с воспитателями выходили в город, заходили иногда в «Фикс прайс» и что-то там могли купить, если карманные остались. Там тогда было «все по 36», и можно было разгуляться. И пепси-кола, и жвачки, и чипсы, и всякая другая ерунда. В общем, я спер из копилки монеты для этих целей. Но меня опять разоблачили. Питалки выяснили, кто взял. И вот тогда я первый раз в жизни получил кулаком по лицу. Димон сильно меня приложил, хотя мы были друзьями. С тех пор я хорошо понял, что у своих братья нельзя. Правда, потом это понимание еще несколько раз «давало сбой», но все же в основном усвоил.

Глава 15

Мой Бог

Как меня крестили, не помню. Нас всех в детском доме крестят. Это, правда, странно, потому что ребенок может быть из семьи атеистов, или, например, мусульман, или еще что-то. Но не суть. Есть традиция такая, и она соблюдается. Правда, не до конца, потому что крестных отца и матери у нас нет – ни у кого из моих друзей, крещенных в баторе. В свидетельствах стоят прочерки. Поэтому все как-то формально.

Самым святым человеком в моем окружении была наша хореографичка. Мы у нее занимались танцами – с первого класса и до конца начальной школы. Я очень любил эти занятия, потому что там можно было попрыгать, поскакать, понажимать клавиши на фортепиано. В конце каждого урока хореографичка давала нам сосательные конфетки. Поэтому мы еще больше старались и любили ее больше всех, просто обожали! Доводили, конечно, без этого никак. Мы же шалуны, озорники и так далее. Над концертмейстером нашим издевались – залезали в инструмент и зажимали ей педали на фортепиано, чтобы громче было. А она бесилась:

– Вылезли все быстро из фортепиано!

А мы ржали.

Перед началом каждого занятия мы приходили, делали реверанс, а потом вместе с хореографичкой молились. У нас была какая-то своя молитва, мы ее повторяли постоянно. Я не помню слова, но что-то самое простое – мы обращались к Божией Матери. И только после этого занимались. А в конце занятия хореографичка усаживала нас на сцене, где мы до этого танцевали, и пересказывала нам истории из Библии. Для меня это все было как пересказ фрагментов из фильмов. Интересно, даже очень, но сути я не улавливал. Потому что в бога тогда не верил. Хореографичка нам рассказывала про какого-то Елисея – я потом вырос и понял, что на самом деле про Моисея. Про Ноя, который построил ковчег. Про Иисуса. Слушать ее было здорово, я сидел всегда, раскрыв рот. И потом в тихий час после ее рассказов листал детскую Библию. Но не потому, что хотел еще больше узнать, а просто спать не хотелось, а делать больше было нечего. Геймбой был занят, еще одна электронная игра – тоже. И я такой: «Ну, okay, Библию почитаю». Картинки там были прикольные. Текст тоже нормальный. Буквы большие и слов совсем мало, по два предложения на странице.

Но вот как я в церковь ходил и ходил ли вообще, я что-то не запомнил. К нам в детский дом кто-то из священников приходил, правда, в памяти никто из них не остался. Наверное, разговоров никаких у нас с ними не было, потому что и про Иисуса, и про Библию я знал только от хореографички. Зато мы причащались – ели просфору. Нам давали ее по маленькому кусочку. Я не то, чтобы к духовности хотел приобщиться. Просто видел, что что-то вкусное дают, вот и шел. Думал: «О, похавать! Встану в очередь».

Священник каждого старался перекрестить, чмокнуть в лоб и в итоге выдавал эту просфору: «На, съешь». В общем, я только за компанию с остальными стоял и ради угощения. А так, лично сам со священником никогда не разговаривал. О боге не рассуждал. Хотя были у нас дети, которые умничали и говорили про бога. Задавали вопросы. Делали вид, что они такие умные. Но таких, кто бы регулярно исповедовался и с удовольствием со священником общался, таких у нас практически не было. Одну девочку только помню, ее звали, кажется, Оксаной, и вот она часто ходила на исповедь. А однажды рассказала нам, что ей приснился сон – как она видела бога, и он звал ее к себе. Даже показал свой дом на небесах. Тогда хореографичка очень радовалась, говорила нам: «Вот видите, Оксана все делает правильно, поэтому ей приснился такой сон. Она попадет в рай».

Не знаю. Наверное, что-то во всем этом и было. Оксану забрали в приемную семью, она быстро уехала домой. Кстати, ее священник и забрал со своей матушкой. Не тот, который приезжал к нам, а другой.

И еще вопрос о боге возникал у нас по вечерам, когда мы ложились спать, а уснуть долго не могли. Мы лежали, рассуждали о том, как там будет в раю. Мы мечтали, что в раю у всех у нас будет своя семья, дети. Дом обязательно, сад и, конечно, машина. Короче, все как в Америке. И мы все хотели в этот рай, конечно. Уж точно не в ад. Нам про ад рассказывали, там совсем плохо. Заправляет всем сатана и кругом одни грешники, которые варятся в котлах и им всегда жарко, душно. Все ходят в цепях и работают, работают, работают. А где мы, сироты, и где работа – это же две разные вещи! Поэтому я тоже мечтал про рай. Конечно, понимал, что я грешник – воровал, часто не слушался. Но всегда надеялся, что все-таки бог меня простит. Я же сирота. Хотя бы поэтому. Ну, или если за это не простит, то я, когда вырасту, обязательно исправлюсь. И вот тогда попаду к нему, бог посмотрит на меня строго, а я голову такой опущу перед ним и скажу:

– Господи, прости меня, грешника.

– Ну, что с тобой делать, – ответит он, – ты был маленький, не понимал. Надо простить Гошку.

И я тогда закиваю изо всех сил, скажу:

– Спасибо, Господи!

И, довольный, пойду в рай.

Или еще у меня вариант был в запасе. Даже если я вырасту и не смогу исправиться, все равно надежда на рай есть. Наша хореографичка рассказывала, что все грехи можно искупить спасением человека – например, если закроешь кого-то собой, бросишься под пулю. И я за это как раз сразу зацепился, подумал: «Ну вот это подходит, когда вырасту, так и сделаю!» Поэтому, хоть я в Бога и не верил, надежда на него все-таки была.

Глава 16

Только не плачь

Мы росли. И уже заранее знали, что скоро нам предстоит снова переезжать. На этот раз в старший корпус детского дома. Честно говоря, очень этого момента боялись. Переезд должен был произойти после пятого класса, перед шестым. И вот всей компашкой тряслись, как осиновыe листья. Постоянно об этом только и говорили:

- И что с нами будет?
- Фиг знает.
- Там же эти долбанные старшаки!
- Во-во! Это конец.
- Они нас будут все время избивать...

Мы жутко боялись переезда, но делать-то нечего. Этот день, конечно, настал.

Мы переехали в старший корпус на второй этаж. Рядом с нами на одном этаже жил восьмой класс. Мы с ними почти не контактили. Только изредка приходилось заводить какие-то разговоры, да иногда в войнушку вместе зимой играли на своем этаже, если на улице холодно. Ребята вроде, слава богу, оказались нормальные. И мы, два класса, занимали весь второй этаж. Наших комнат было четыре. Одна комната для девочек и три комнаты для мальчиков. В шестом классе у нас сложился такой состав: я, Некит, Тимик, Саша, Дима, а еще Миша, Сережа и Иван. Миша к нам пришел как раз только в шестом. И мы его сразу невзлюбили почему-то. Ну, я, понятно, почему – во-первых, он рыжий, а во-вторых, у него были дурные, как будто обкуренные, глаза и огромные мешки под ними. И еще он ходил весь такой на понтах, носил постоянно свой спортивный костюм – черный такой, с салатовыми полосками на рукавах и на штанинах. Он попал из кровной семьи сначала в приют, а потом к нам. Типичная история. И вот Миша пришел и с первого дня попытался, такой, «на пафосе» ходить. Мы ему: «Эй, ты, иди сюда! На пафосе ты не здесь будешь ходить, а у себя дома. А тут ты у нас дома». Объяснили ему свои правила, он их, кстати, сразу принял, и все получилось нормально. Стал таким тихоней, хвостиком бегал за нашей компашкой, у которой сложился такой костяк – я, Тимур, Некит и Димон. Но все равно он был противный какой-то, так и остался белой вороной. Я его называл «Фатя-Котяяя» из-за фамилии Фатеев, а он меня в ответ дразнил «Гынжу-Гууус! Га-га-га!» Так мы и «переговаривались», но

никогда, к счастью, не дрались. Он картавил, поэтому я его «Котей» и прозвал, а благодаря мне эта кличка за ним уже закрепилась. Все его в баторе так называли – «Фатя-Котя».

Сережа пришел к нам еще в пятом классе. У него была сестра Катя, они вместе прибыли. Поначалу Сережа был тихоней. Он пришел перед обедом, и его посадили за мой стол. Сидел, такой, не знал, куда ему спрятаться. А Софья Николаевна – вот умела она утешить, ничего не скажешь – успокаивала его:

– Сереж, не бойся, тебя тут бить не будут!

Он еще больше испугался, сжался в комок. А она продолжает:

– Смотри, какие мальчишки рядом с тобой хорошие!

Я сижу, все это слушаю и давлюсь от смеха. Но сам поддакиваю:

– Да, Сереж, тут никто никого не бьет. Все нормально!

А он сидит, мнется и сказать ничего не может.

Мы его сразу не приняли, потому что он фуууу какой-то был. И первый его день в баторе мы до сих пор вспоминаем, постоянно ржем над этим. После обеда мы все пошли в групповую, и наша питалка спрашивает:

– Сереж, ты умеешь рисовать?

– Как бы да, но вообще нет, – он стоит, резину тянет, а ответить нормально не может.

– Сереж, я тебя спросила прямо, ты умеешь рисовать?

– Ну, могу попробовать, – он кивнул.

– Тогда... – питалка оживилась, – скоро день рождения детского дома, надо открытку нарисовать. Можешь набросок сделать?

– Давайте попробую.

Взял он лист А4, сел в углу, что-то там пыхтел, пыхтел, потом подходит к воспитателю.

– Софья Николаевна, закройте глаза!

– Сереж, давай вот без этого.

– Ну, Софья Николаевна, ну закройте глаза!

– Ладно.

Она закрыла глаза, открывает, и он показывает ей свой листок, на котором красуются самые настоящие каракули – какой-то детский рисунок, избушка на курьих ножках. В детсаду и то круче рисуют. Написан номер нашего батора, и вокруг какие-то человечки кривые прыгают. Софья Николаевна как начала закатываться.

– Сереж, – еле выговорила сквозь смех, – иди уже отсюда!

Показывает этот листок нам, и мы начинаем всей группой ржать как подорванные. Там такое извращение! Художник нашелся.

– Вот зачем ты говорил, что умеешь рисовать? – Софья Николаевна все еще задыхалась от смеха. – Ой! Всех уморил. Сережа, все, иди отдыхай!

И потом она еще долго не могла успокоиться, смеялась и смеялась. А он стоял красный как рак и понимал, что ему здесь капец.

Сережа у нас белой вороной так и остался. Несмотря на то что пытался влиться, шуточки какие-то дешевые все время вставлял. Но с ним нельзя было долго разговаривать – ужасно занудная речь. Говорил медленно, полухныкающим таким капризным голосом. Фу, ненавижу! В общем, мы его невзлюбили, и все. Но он на наши провокации не поддавался, как-то держался, поэтому драк с ним и не было. Он все верил, что его кровная мама домой заберет, из года в год ее ждал. А она так и не забрала. Сейчас он уже выпустился, заканчивает колледж, учится на машиниста. Давно об этом мечтал. У него даже есть девушка – кто бы мне сказал тогда, что у Сереги может быть девушка! – и он играет ей на гитаре. Выкарабкался.

Иван попал в детский дом из кровной семьи, он, как и все, кто к нам приходил, прошел через приют. Там такая была история – я не очень в нее верю, но он сам мне ее рассказывал – у них сначала была нормальная семья. Никто не пил, не сидел на наркотиках. Они жили впятером – мама, папа, он с сестрой и еще одна девочка, кажется, дочь отца от предыдущего брака. Я, честно говоря, толком так и не понял – он им был родной отец или отчим. Возможно, что отчим. Заботился он только о другой девочке, своей дочери – покупал ей игрушки, сладости. А Ване и его сестре – ничего. К тому же начал их бить, постоянно, каждый день. В итоге сестра, она была старше, не выдержала такой жизни и пошла в полицию. Пожаловалась там на то, что их избивают, ей сказали: «Пиши заявление». А потом к ним в дом приехала опека, и детей забрали в приют, распределили по разным детским домам. Так защитили от отчима, который их лупил. Вот Иван и попал к нам. Его сестру отправили куда-то в другое место. А эту девочку, которая была родной дочерью отчима, тоже куда-то еще, в третье место. Я не знаю, почему так получилось. Почему всех детей разделили. Иван этого тоже не мог объяснить. И по какой причине мать за них не боролась, тоже неизвестно. Но вот вышло, как вышло. И до середины одиннадцатого класса Ваня так и жил с нами в детском доме. А потом сел в тюрьму.

Он на улице тетку ограбил, отобрал у нее сумку. При этом угрожал ей пневматическим пистолетом: «Отдай, иначе выстрелю!» Сумку она ему отдала, и на камере видеонаблюдения домофона, который висел у подъезда, осталась запись. Менты

записи посмотрели, пробили по базе. Оказалось – Иван. Так его и посадили. С ним в тот момент был его друг, Толя, который попытался взять всю вину на себя. Строил из себя героя: «Посадите меня, друга моего не трогайте». Хотя отнимал сумку и угрожал пистолетом Иван. Но Толе за то, что много выпендривался, дали несколько лет условно. А Ваню посадили как положено. Уже два года прошло, а он до сих пор сидит.

Ваня всегда был буйным. Армянская кровь. Мы с ним в баторе не на жизнь, а на смерть дрались. У него словно шоры падали, находила волна безумия, и он начинал всех, кто рядом, зверски мочить. Я из-за него то и дело ходил с жуткими фингалами или с расквашенным носом. Постоянно орал на него: «Ты вообще понимаешь, что ты творишь?!» Однажды я тоже вышел из себя и замахнулся на него железным шариком. Вот тогда впервые он пришел в себя моментально, а я увидел в его глазах страх.

– Пожалуйста, не надо! – заскулил он. – Не бросай!

– Иди на хуй, с-с-сука, – я пришел в себя и отпустил руку, – я такого не буду делать. Потому что я не такой монстр, как ты.

И тут он опять впал в свое бешеное состояние, а я в очередной раз дал ему себя побить. Но тогда я подумал, что он в ту минуту запустил бумеранг, который к нему обязательно когда-то вернется. Так и получилось – он вернулся. Иван за решеткой.

Когда мне сообщили, что он сел, я, честно говоря, только выдохнул с облегчением. Все-таки бумеранг существует: зло возвращается к тому, кто его запустил. Мне Ивана не было жалко. Он с самого начала был для нас чужим. Да, мы разговаривали, иногда были даже трогательные беседы, он рассказывал о своей семье, но по-настоящему наша компашка к себе его не подпускала. Он пришел из другого мира и не был одним из нас.

Но все-таки иногда мы с ним вместе чудили. Был такой смешной эпизод – мы с ним ходили на фабрику тортов «У Палыча», хотели торты там своровать. Это была идея Ивана.

– У нас недалеко от дома есть фабрика тортов, – рассказал он. – Сгоняем за тортиком? Заодно к моей бабушке в гости зайдем.

– Го!

Я, конечно, не стал отказываться. В то время мы уже втихаря удирали из детского дома – потом расскажу, как это происходило – и свободно перемещались по городу.

И вот мы пошли к его бабушке, попили там чайку, шмырыпыры. Потом отправились на эту фабрику – перелезли через забор. Зима тогда была, снега навалило по колено. Еле-еле пробрались. А там во дворе как раз разгружали фургон. И вот пока рабочие что-то заносили, мы быстренько заскочили в этот

фургон, достали оттуда каждый по коробке торта, прыгнули и опять побежали к забору. Торопились – и проваливались в эти сугробы по пояс. Такой адреналин был у нас – ух! Быстрее добежать, чтобы нас не спалили. Добежали. Перелезли за забор, ушли подальше в лес и стали эти коробки открывать. Сначала никак не могли их открыть. Потом нашли какой-то ржавый лом, которым дворники кололи лед. И с его помощью кое-как расковыряли. Открываем коробку, а там пластиковые поддоны для тортов! Полная коробка гребаных белых поддонов. Шикаперно! Я так и не понял, на фига мы это сделали. Сами не знали, то ли ржать, то ли плакать. До того бестолково облажались. Но зато получили офигенный адреналинчик.

Ну и еще со временем у нас в классе появилась девочка Люся. Все то же самое у нее – из кровной семьи отправили в приют, а потом определили к нам. Она вроде в пятом пришла, а может, и в шестом, я не помню. Но ее у нас сразу же, с первых дней прозвали «шлюхой». Приехала такая вся на понтах, всех посылает, чуть что.

– Эй, Люська, – кричу ей.

А она мне отвечает какую-то пургу:

– Отсос Петрович!

Мы тогда не понимали, что это такое и что значит.

– Чего?!

– Отсос Петрович! – вместо того, чтобы объяснить, гнусавым своим голоском повторяла одно и то же.

Потом мы догадались, что это типа «отвали». Идиотский молодежный сленг. Откуда она такого набралась? Наверное, в приюте были свои какие-то заморочки. Мы же не были никогда в приюте, не знали, как там у них устроено. И, в общем, все быстро поняли, что эта Люся просто девочка легкого поведения. Когда она пришла к нам в батор, мы сразу увидели, что она с дурными наклонностями. Короче, озабоченная. Сначала нас от нее тошнило. Невозможно было слышать этот «Отсос Петрович» и смотреть на то, как она всем видом показывала: «Я тут самая крутая из вас!» Даже Саша нас просила, чтобы мы с ней поговорили, объяснили, что так себя вести нельзя. Мы говорили, но ничего не менялось.

А через какое-то время мы вдруг сами начали проявлять к ней интерес. Димон с ней лизался. Я обжимался. В один вечер она лежала на диване в игровой комнате, а я об нее терся. Она делала вид, что смотрит телевизор и ничего такого не замечает. Ну, я и не упускал возможность. Потом к нам пришел Некит и тоже присоединился – чего я от него никак не ожидал. Он всегда был таким тихоней, до сих пор никто не в курсе его интимной жизни и вообще личных вопросов. Но тогда мы все втроем

разместились на этом диване. Люсина голова у Некита на ногах, а ее ноги – на мне. Я ее ласкаю через штанишки, Некит – через рубашку. До сих пор помню, что рубашка была такая розовая, клетчатая. И вот мы все это делаем, а ей пофиг. Она продолжает лежать и, типа, смотреть телевизор. Потом такая: «Мальчики, мальчики, остановитесь!» Сходила в туалет, вернулась и дальше телевизор смотрит, а мы ее опять. Если девочка позволяет, почему нет? Ей хорошо, и нам тоже хорошо.

И потом мы с ней уже очень хорошо общались. Я даже был у нее дома – в гости с ней вместе ходили к ее семье. Ее родители жили совсем близко, буквально по соседству от детского дома. У них была двухкомнатная квартира, и там толпилась какая-то огромная туча народу. В одной комнате жили ее мать, тетя, бабушка, еще какая-то родственница и два маленьких ребенка. Они родились у Люсиной мамы уже после того, как Люсю в детский дом забрали. То есть в одной комнате было шесть человек. А вторую комнату они сдавали – у них там парочка жила какая-то, в этом дурдоме. Я пришел и офигел, подумал: «Пипец!» У бабушки все зубы были черные, рожа пропитая насквозь. Мать точно такая же, и тетя недалеко ушла. Фильм ужасов настоящий. Я реально не понимал, как там можно было жить и как там бедная Люська среди всех этих попоек и грязи до пятого класса жила. Но при этом оба маленьких ребенка выглядели нормально, было видно, что за ними ухаживают. Что меня, конечно, сильно удивило. Бухать бухают, но о малышах заботятся. Я так и не понял, как они там все умещаются. Не продохнуть.

Последние годы, класса с девятого, Люся постоянно сбегала из детского дома. Возвращалась к своим, в семью. А ее оттуда всегда прогоняли и говорили: «Возвращайся в детдом». Она ни за что не хотела идти в батор и просто жила у своих парней – сначала у одного, потом у другого. Где могла, там и пыталась перекантоваться. Лишь бы не в детский дом. Был один момент, ее тетя с дядей приходили ко мне, искали Люсю. Просили ей написать, потому что им она ни на сообщения, ни на звонки не отвечала. Я их отправил в социальный отдел, чтобы они выясняли сами, что и как.

Кончилось тем, что она в семнадцать лет забеременела. Сначала было непонятно, что с этим делать, весь детский дом стоял на ушах. А Люся хотела оставить ребенка и поэтому скрывалась, почти не появлялась в баторе: боялась, что, если она там родит, ребенка у нее заберут и объявят сиротой. Отдадут кому-нибудь на усыновление. При этом сама она не знала, где и на что будет вместе с ребенком жить. Просила о помощи всех, кого могла, ей тогда даже приют «Мать и дитя» подыскивали. А

потом, к счастью, один из ее парней на ней женился. Он домашний, не баторский. Его родители были против, сопротивлялись, но сделать ничего не смогли. Влюбился. Вроде они до сих пор вместе живут. И родители уже смирились, нянчат внучку. Слава богу, если так. Я за нее только рад.

Глава 17

Сами с усами

В старшем корпусе, когда нам еще не разрешали выходить за территорию детского дома, мы зимой перелезали через ворота и шли гулять. У нас там было дерево, которое росло за забором, а потом к нам упало. Сначала мы под ним просто играли, строили базу. А потом стали постарше и сообразили, что это дерево – прямой выход на свободу. Мы начали то и дело сбегать.

И вот в один из дней мы перелезли, пошли к проезжей части дороги и стали думать, чем бы заняться. Решили, что будем кидать в машины снежки, палки и прочие подходящие для этого дела «снаряды». Ну и заодно преграждать им путь всем, что под руку попадется. Так мы и стали делать. Сначала посидели в засаде, дождались, пока проедет поток машин. Потом выбежали в просвет между автомобилями и выставили прямо на дорогу мусорные баки. Надеялись создать пробочку, аварию, еще что-то такое. Уже предвкушали веселье. Потом нам надоело смотреть, как машины толкаются и все это объезжают. А один самый умный водитель остановился, вышел из машины и убрал баки с дороги. Тогда мы стали из своей засады кидать в автомобили снежки, камни и палки. Потом видим – едет машина инкассации. Мы притихли, залегли на дно и стали ждать, когда она проедет. А придурок Миша, мы только рты успели раскрыть от ужаса, кинул в нее палку и попал прямо в лобовое стекло. Машина остановилась, все приготовились бежать, а я, такой, тихо командую:

– Лежим, не дергаемся.

Открывается дверь машины. Я все равно продолжаю шептать:

– Лежим, пока что лежим.

Из машины выходит мужик в бронежилете и с автоматом. Оглядывается. Следом за ним вылезает второй такой же. Как под копирку. И тут я уже бормочу бледными губами:

– Бежиинииим!

Мы со всех ног бежим в лес. А через несколько секунд слышим, как у нас за спиной начинают раздаваться выстрелы. Скорее всего, из пневматического оружия, но нам стало так страшно! Не помню, кто заорал: «Ложиинииис!» – но мы рухнули в снег кто где был. И я услышал, как один из мужиков бежит через лес – кусты ломаются, снег под сапогами скрипит. Я лежу, дышу как собака с высунутым языком, сердце в горле колотится. До тошноты. И вот я думаю: «Все, пипец! Если в меня выстрелят, это

конец, и если в ментуру заберут, то же самое!» Лежу, вдавливаясь в сугроб, потею и чувствую, как он оседает подо мной. Я никогда за всю свою жизнь так не боялся, даже когда после падения в больницу загремел. Мужики топтались по лесу, стреляли. А потом сели в машину и поехали дальше. Я не знаю, сколько еще мы после этого пролежали. Скорее всего, долго. И я такой:

– Ребяят! Есть кто живой?

Тимик был рядом со мной, он отозвался:

– Гошан, я здесь!

Я не узнал его – то ли он охрип с перепугу, то ли у меня со слухом начались проблемы. Я спрашиваю:

– Кто ты?

– Я Тимик, – отвечает он.

– Все, понял, хорошо! – прохрипел я в ответ. – Где остальные?

– Не знаю.

– Как думаешь, встать можно?

– Наверное, да.

Встали мы аккуратно. Проверили друг друга – вроде дышим, не ранены, все нормально. И, не договариваясь, побежали. Уже непонятно от кого, но все равно бежим.

– Пацаны, пацаны, кто где? – орем на бегу.

– Тут я, – отзывается Димон.

– Здесь, – хрипит рядом Иван.

И мы все собрались, а потом набросились на этого дебила:

– Фааатяяя!

Он тогда еще был у нас новенький, и вот мы его под этот случай прессанули как следует. Все поняли наконец, что я был прав – надо было сразу ему, на опережение, накостылять. А то приехал к нам, весь крутой с этими своими опухшими глазами и рыжими волосами. Меня тогда не послушали. И вот этот домашний «Фатя-Котя» нам такое устроил.

Кстати, что самое смешное – в детском доме нас в тот вечер даже не хватились. Мы обратно залезли через дерево и как будто никуда не уходили. Гуляли детки, как приличные, на территории детского дома, и все. Возились что-то там в кустах. Хотя питалка-то с нами гуляла. И охранники кругом. И куча всяких других сотрудников туды-сюды ходят. Но откуда им знать, что нас чуть не перестреляли, как куропаток? Она думала, мы сидим в своих зарослях, в базу играем, и все. А у нас там такое было!

Потом, когда чуть отпустило, мы словили настоящий кайф! Вот это был реально адреналин. Что надо!

И еще в ту же самую сумасшедшую зиму было одно приключение. Мы купили новогодние петарды, корсары. Это такие бомбочки. Они разные бывают по размерам: какие-то

совсем маленькие, какие-то побольше. Первый, второй номер – маленькие, их почти и не слышно. А вот есть пятый корсар, он взрывается дай бог – «Тыдыффф!». То есть если его засунуть в железную банку, то банку изнутри просто разорвет. И вот мы купили такие корсары. Сначала просто взрывали, потом кому-то в голову пришла идея.

– А пойдете в «Фикс прайс»! Туда закидаем бомбочки.

– О, круто! Го!

Так мы и решили пойти в магазин, закидать его корсарами. Надели на себя тупые шапки, которые нам в детдоме выдали – они как кондомы, все сразу закрывают – и голову, и шею, и лицо. Мы их натянули на себя так, что пол-лица оказалось закрыто, только глаза видны. Идем, такие, все вместе, в шеренге. Как в американском фильме. Бросаем корсар в магазин, он взрывается – «Пфффф!», – и мы тут же прячемся. Смотрим, выбегает запыхавшийся охранник, глаза квадратные, задыхается от ярости и смотрит по сторонам: кто??? Заметил нашу компанию и побежал за нами, а мы – врассыпную. Так он никого и не догнал. А мы отбежали на безопасное расстояние, сделали перекличку.

– Пацаны! Пацаны!

– Мы здесь!

– Ну все, выходите!

И у нас таких вылазок миллион было. Несмотря на забор, охрану и кучу питалок. Вечно сбегали и придумывали какую-нибудь ерунду. А без этого нам жить скучно было.

Глава 18

Счастливое детство

Летом после шестого класса мы поехали в летний лагерь в Анапу. Лагерь назывался «Глобус». Мне тогда было лет двенадцать. И вот мы вместе с пацанами – был я, Ян и еще один – стали думать, чем занять себя в тихий час. Решили потихоньку сбежать из своего корпуса и пойти на море. Так и сделали. Поплескались, поплескались, смотрим на время и понимаем, что уже все. Надо прямо сломя голову бежать, иначе к концу тихого часа опоздаем. А расстояние там было приличное – около трех километров. И вот мы прибегаем, мокрые все, дышим, высунув языки, и нас встречает питалка. Там была такая маленькая, ростом с ребенка. Настоящая карличка. И к тому же страшная лицемерка.

– Ну, и где вы были?

– Эээ, – мы понимаем, что от нас пахнет морем и видно сразу, что мы купались, – на море бегали.

– Как поплескались, ребята? Хорошо? – а сама криво улыбается.

– Да, – мы ничего не понимаем, стоим, – тепленькая водичка.

– Вот и прекрасно, – и еще сильнее скалится, – теперь идите к старшим мальчишкам. Они сейчас с вами поговорят.

В тот раз с нами поговорили хорошо. Там было пять старшаков: два Никиты, Роберт, Васек и еще один пацан. Мы реально думали, что обойдется, потому что ничего такого страшного мы не сделали. Не напились, не покалечили друг друга. Все же нормально. И вот мы к ним заходим в комнату.

– Здравсьте, – проблеяли, – питалка сказала, с вами надо поговорить.

– Оооо, – они лежат, такие, на кроватях, ноги кверху, – косяки?!

– Ну да, пацаны, – мы жмемся к выходу, – накосячили немного, бывает.

– И чья это идея? – Никита, главный, подошел, встал около нас и смотрит в упор.

Мы начали выгораживать друг друга, говорили, что не можем сказать. Но в итоге Ян все-таки сдал – сказал, что это моя идея. И Никита, ни слова не говоря – тфффф! – дал ему со всего размаху оплеуху.

– Это тебе за то, что предал, – сказал он поучительным тоном, – Ян, нельзя сдавать своих!

Ян стоял ошалевший, с абсолютно растерянным взглядом.

– За что?! Я же признался!

Но его ответом не удостоили. Никита посмотрел на своих, они тоже слезли с кроватей и начали нас бить. От души молотили, пока сами не устали. Потом в качестве отдыха командуют:

– Встать! Руки вперед! – и – тфффф! – башмаком по рукам. – Куда, с-сука, убрал? На тебе еще!

Развлекались, пока им самим не надоело. Тогда Васек мне говорит:

– Давай, Гынжу, поборемся. Если ты победишь, все, можешь уходить. Если я, будешь драить наш домик и потом еще вдогонку получишь люлей.

– Васек, ну давай не надо, – я принялся ныть. Уже понял, что выигрывать точно нельзя, это только ухудшит ситуацию. Он меня сам жестоко побьет, и еще все остальные как следует приложатся.

– Ты че, не пацан?!

И он начинает на меня нападать, хватает, чтобы на пол швырнуть. Я, чтобы реально не было видно, что поддаюсь, пытаюсь выкручиваться из его заломов. Но все-таки взбесился, перестал себя контролировать. Выворачиваюсь и сам заламываю его. Он стоит, согнувшись, пыхтит как паровоз.

– Ох, ох, ох!

– Васек, – говорю, – прости! Не рассчитал!

– Э, э, пацаны, – он озверел, – видели, что Гынжу делает?!

И Никита тогда меня с разворота ударил ногой. У нас в баторе такой удар почему-то назывался «спартой». А дальше Роберт включится – поднимал меня и кидал из стороны в сторону. В угол, на пол. Тогда я первый раз побывал игрушечкой. Тут уже и раскис, заревел в голос. И только тогда они остановились.

– Так, все, слезы вытер, – Никита поднял меня на ноги, – в столовку ща пойдем.

Ну и куда деваться. Встали и все вместе пошли жрать. Мне, конечно, кусок в горло не лез. Я про себя проклинал и старшаков, и питалку, и всю эту жизнь, от которой я никуда не мог деться.

У нас, кстати, именно в тот период начались такие жестокие драки. После начальной школы. И примерно тогда же мы начали бухать.

Первый раз я как следует набухался в двенадцать лет. Тоже дело было в летнем лагере в Анапе, только в другом. Лагерь назывался «Счастливое детство». Такой ублюдочный лагерь, слов нет. Название нас с самой первой секунды смутило – ворота открываются, наш автобус заезжает, и мы видим: «Счастливое детство». Заезжаем. А это – клетка. Просто тупо клетка, и все.

Маленькая территория и вокруг огромный двойной забор-решетка. То есть по периметру шли один за другим два ограждения: сначала решетка, за ним забор. Реально как в тюрьме! И делать нечего, никуда не выпускали. Но я все равно научился перелезть – сбегал за территорию лагеря и в ближайшем продуктовом магазине воровал спиртное. Тогда я уже достаточно спокойно таскал из ларьков и супермаркетов все, что хотел. В том магазине брал бальзам – он очень вкусный был, до сих пор хочу его найти и купить. Еще коньяк брал маленький. И делился со всеми – я же добрый.

И вот в один вечер мы в этом лагере со старшими пацанами бухали, причем я с ними делился натыренным бухлом.

– Гошка, заебок! – они меня по плечу хлопали, хвалили.

Я такой довольный сидел. Гордился собой.

– Носи нам побольше выпить!

– Лан, пацаны.

Ну и, короче говоря, наступил вечер. У нас «свечка» – так называлась вечерняя линейка. Подведение итогов в конце дня. И эти старшие пацаны куда-то отшлись, а я как послушный дурак приперся к питалке и отпрашиваюсь:

– Можно, пожалуйста, я не останусь на линейку? Что-то живот болит.

Причем опять была та же питалка, что и в прошлом году. Карличка. Она посмотрела на меня понимающим взглядом, и говорит:

– Гынжу! Иди быстрее в комнату! Чтобы я тебя больше не видела.

– Окаай! Спасибо.

Мне казалось, она все поняла и, типа, с доброй душой. Просто не хотела, чтобы кто-то спалил, что я бухой. И я, такой, думаю: «Слава богу, не злая сегодня, все норм». Зашел в свою комнату, лег, вокруг самолетики, вертолетики, звездочки. Комната вокруг меня крутится. И, кажется, через несколько часов забегает огромная толпа пацанов, кто-то выключает свет, и все бросаются к моей кровати. Но я-то умный, давно эту хрень знаю. Поэтому быстренько – рrrrrраз! – сжался и сделал блок. А они там уже дальше избивают друг друга. В темноте же не видно, кто кого бьет, тем более все они были пьяные. До меня несколько тычков долетело, а так они друг друга больше мочили. Была такая куча-мала, что ничего не разберешь. Я даже не знаю точно, сколько ввалилось человек. Но они все меня одного бить пришли. Потом один как заорет:

– Э, э, пацаны, стойте! Мне уже несколько раз кто-то в глаз ёбнул!

Успокоились наконец. И главный их говорит, уставившись невидящим взглядом в мою кровать:

– Так, Гынжу, больше не бухай! Понял?!

А я лежу, укутавшись в одеяло, не отвечаю и про себя, такой, думаю: «Нет, вы больные?! Мы бухали вместе. Еще даже хуже – вы бухали за мой счет, и после этого вы пришли меня пиздить?!» Там были все те, кто со мной вместе пил, кто пару часов назад говорил: «Гоша, заебок! Носи нам побольше выпить». А эта питалка, тварь, их на меня натравила. Опять как всегда – «Мальчики, поговорите!». Хотя сама прекрасно знала, как они «разговаривают». Пацаны ушли, а мне так обидно стало! До слез. И не столько от боли я плакал – мне почти не досталось – сколько от злости на них. Как я мог кому-то после этого верить? Зная, что подставят все и предадут. Просто как шавки бросятся выполнять приказ.

Кстати, никто из питалок не боялся, что мы после таких «воспитательных бесед» будем ходить в синяках, кровоподтеках и вообще в непотребном виде. Мы же, сироты, знали, куда бить. Только в те места, которые прикрыты одеждой. Лиц никто никому не разбивал, максимум – оплеуху можно было словить, или если случайно в темноте заедут.

Забегая вперед, скажу, что мы смогли эту идиотскую традицию прекратить. Я лично младших не бил. Хотя мелкие в баторе стали такие хамы! Мы себе близко ничего подобного не позволяли. Но вот с моим поколением почти прекратились эти «воспитательные беседы», как минимум пошли на спад. Зато у нас стало больше воровства: кто-то, как я, из магазинов воровал, кто-то мопеды угонял, кто-то тащил сумки и телефоны. То есть мы занимались не воспитанием младших, а другими делами. И поэтому в самом баторе ходили тише воды ниже травы. Чтобы внимание лишний раз к себе не привлекать.

Глава 19

На волоске

Честно говоря, я не помню, когда в первый раз что-то стырил из магазина. Это происходило как будто всегда, буднично и привычно. Начал с мелочей классе в третьем-четвертом – жвачка, чупа-чупс, сникерс в «Фикс прайс». Конечно, я слышал, что воровать нехорошо, нам об этом всегда говорили. Но я хотел жвачку, значит, подай мне жвачку! А денег у меня не было. Родителей, которые могли бы хоть что-то по моему желанию купить, тоже. Но жвачка же это мелочь, за нее в тюрьму не посадят, поскольку стоит она всего 30–40 рублей, а в «Фикс прайс» и того меньше. Там давали два товара по цене одного. Я так и воровал – по акции. И уж точно за такие копейки никто бы не стал ментуру вызывать, даже если бы меня и поймали. Это я знал.

В магазинах воровал вообще без угрызений совести. Мне казалось, что если там всего полно, а у меня ничего нет, то взять что-то – это просто восстановить справедливость. Тем более я всегда со всеми делился – говорю же, Робин Гуд. Забирал у богатых и отдавал бедным, своим друзьям – сиротам. Сам бог велел сиротам помогать. Начал со жвачек. Потом что-то более крупное пошло, в основном еда, конечно. А однажды – боже, даже вспоминать смешно – спер банку малосольных огурцов. Мы тогда пошли с пацанами в магазин, стали там набивать рюкзаки всякими вкусностями и спиртным. Затарились, проходим спокойно через кассы, пробиваем там какую-то дешевую ерунду – шоколадку, попить, еще что-то. И тут меня останавливает тетенька-контролер:

– Открывай рюкзачок.

И я, такой, стою перед ней, чуть ли не в первый раз в жизни краснею. Причем стыдно мне было не потому, что я своровал, а потому, что спер именно банку малосольных огурцов. Я представил, как буду сейчас перед всеми своими пацанами эту банку доставать и как они ржать надо мной начнут.

– Только не вызывайте ментов, пожааалуйста! – попросил я жалобно.

Причем опять-таки не потому, что боялся их, знал ведь, что, если сумма небольшая, никто не заведет уголовное дело. А у меня в рюкзаке товара даже на тысячу рублей не набиралось. Какие-то сухарики там были, рыбка сушеная и вот огурцы эти дурацкие. Я даже бухло в тот раз не брал: бутылка в рюкзак не

влезла из-за этих огурцов. Ну, вот не смог устоять – так мне огурчиков захотелось! Так что ментов я просил не вызывать тоже, потому что понимал – они будут надо мной ржать. Ну и она никого не вызвала, просто забрала все, что я спер, и отпустила меня.

В общем, из магазинов я практически всю свою жизнь воровал. Но алкоголь начал брать где-то классе в шестом. Заранее пришел в магазин, просмотрел, где какие камеры висят. Нашел «слепые зоны» – там, где камеры не видят, и понял, что в этих местах можно рассовывать бутылки под одежду или в рюкзак, никто не заметит. Обычно я заходил, брал тележку, складывал в нее какие-то продукты, которые якобы собирался купить, добавлял несколько бутылок спиртного и шел в то место, которое камерами не просматривается. А потом засовывал одну бутылочку себе в рюкзак, другую. Закрываю рюкзак, закидываю его на плечи, делаю умный вид и иду на кассу. И по дороге начинаю выкидывать из тележки одно за другим, смотрю: «Нет, булочка какая-то не та», выкладываю, иду дальше. Потом оставляю себе только какие-нибудь сухарики или чипсы, потому что так и так нужно будет пройти через кассу, оплачиваю их и выхожу. Тогда еще не было на алкоголе таких магнитных защит, которые сам не снимешь. Были только полоски – они должны были пищать на рамках, но я их заранее отрывал. Так что все проходило без палева, чисто. И вот я прихожу в батор с добычей, и все мне говорят: «Гошан, молодец!» Я гордился – такой первый спец по тому, чтобы что-то из магазина стырить. И как бухать – мы тогда нечасто это делали, раза два-три в месяц, – всегда просили именно меня стырить из магазина алкоголь.

И еще, конечно, я по-прежнему воровал бухло для старшаков. Прозвездился, что умею это делать, и они приставали ко мне постоянно:

– Ну, Гошан, ну спизди, пожалуйста, ну что тебе стоит! Будь человеком.

– Окай, сделаю, – с ними спорить было себе дороже.

Деньги они мне никакие, конечно, не давали. Я делал это просто так. Выхода не было. И даже несмотря на то что они меня били, все равно соглашался для них воровать. Одно другому не мешало – я им алкоголь поставлял, а они, если питалки им велели «поговорить», все равно меня избивали.

Дальше, кроме продуктов и алкоголя, я стал красть еще и одежду. Но это я уже был классе в восьмом, и мне, кажется, исполнилось пятнадцать лет. Я теперь мог официально выходить из детского дома: нас с этого возраста без сопровождения воспитателей выпускали. Мне тогда Димон рассказал, как это

делать, и я быстро научился.

Заходишь в магазин, присматриваешь себе вещи. Берешь примерить, например, три шмотки, а в одну из них засовываешь то, что собрался украсть. В рукав куртки хотя бы. Или даже еще проще – вешаешь на вешалку под одежду, которую несешь в примерочную. Если футболочка нужна была, я брал куртку, кофту и шортики. В куртку совал футболку. Шел в примерочную, доставал футболочку и спокойно мерил. Смотрел на себя, крутился перед зеркалом – норм, не норм. Если не норм, пробовал кофточку или шортики. Курточку даже не мерил, знал, что такую крупную вещь точно тырить не буду – она палевная, ее на входе в примерочную точно заметили и запомнили. В общем, мерил что-то небольшое, смотрел, прикольно или не прикольно. И выбирал, например, кофточку. Дальше срезал с нее маникюрными ножницами все, что может на рамках звенеть – всякие разные магнитные штуки – и засовывал их поглубже под лавочку в примерочной. Хотя, конечно, это был не самый умный вариант: после меня могли какие-нибудь сотрудники случайно зайти, и это было бы палево. Потом уже понял, что лучше эти отрезанные магниты из примерочной забирать и засовывать в карманы одежды, которую не планируешь покупать. Конечно, после того как магнитные шапочки с помощью маникюрных ножниц вытащишь, там в ткани небольшие дырочки остаются. Но в баторе я их просто аккуратненько зашивал, совсем незаметно было. Дальше все, что выбрал, складывал в рюкзак. Выходил из примерочной, отдавал, как порядочный покупатель, три вещи вместе с номерком «3». Еще так виновато говорил: «Спасибо, не подошло, к сожалению». А сам спокойно выходил из магазина. Обновка лежала в рюкзаке.

Одежду я выбирал только самую классную и всегда сам ее носил. Ни с кем не делился. Когда начал нормально одеваться благодаря своему умению, тогда только и понял, что я реально очень красивый. Внешность от родителей офигенная досталась. А теперь еще и одет всегда был стильно, со вкусом – все вокруг удивлялись. Я наконец-то нашел свой стиль и перестал носить ту дрянь, которую нам в детдоме давали. Всем одинаковые рубашки, одинаковые штаны – только размеры разные. Конечно, воспитатели спрашивали, откуда у меня берутся новые модные вещи. Я говорил, что домашний друг дал поносить – то один, то другой. Поймать они меня за руку на воровстве не могли. Даже если прекрасно понимали, как все обстоит на самом деле.

Глава 20

Сладких снов

Меня довольно рано, лет с двенадцати, заботила тема секса. Может, темперамент такой. А может, в баторе слишком скучно было. Банально нечем заняться. Все началось с увлечения двумя девушками, с которыми мы жили на одном этаже в старшем корпусе. Это случилось после очередных перестановок. Год, пока учились в шестом классе, мы жили на втором этаже вместе с восьмиклассниками. А потом они переехали на четвертый этаж. Мы через пару лет, в девятом классе, тоже туда перебрались. Я реально не понимаю, зачем это все, но нас постоянно с места на место таскали. А к нам вместо восьмиклашек подселили младших – шестиклашек. И мне там сразу понравились две девочки. Одну звали Настя, вторую Юля. Они обе мне нравились так, что я просто не мог кого-то выбрать. Я мучился и страдал – влюбился сразу в двоих. Причем они были подружками с самого детства. Кончилось тем, что я подошел сначала к одной, признался ей в любви, а потом к другой. Честно обоим сказал, что не знаю, что делать. Что самое удивительное – они меня не послали. Могли бы сказать: «Иди ты на фиг, мальчик, если не можешь разобраться в себе». Но нет. Они оказались совсем не против такого расклада.

И начались наши ночные приключения, которые «запустила» игра в полицию. Вообще-то это великая тайна, я никому не должен об этом рассказывать. Но, надеюсь, девчата меня простят. Однажды вчетвером – я, еще один пацан, Настя и Юля – придумали игру в полицию. Получилось это спонтанно. Мы сидели в групповой, как обычно, скучали. Не уроки же делать. И тут Юля забрала у меня игрушку, которую я от безделья крутил в руках.

– Эу, воровка! – я неожиданно для себя начал изображать потерпевшего. – Остановите воровку! Она меня обокрала!

Юля вскочила и со смехом побежала. Тоже включилась.

– Ловите воровку! – мой товарищ бросился за ней, чтобы остановить. А я как заложницу схватил в охапку Настю. Мы заигрались – как будто девчонки преступницы, а мы полицейские и ловим их.

– В комнату их! Быстро в комнату, пока не сбежали!

Мы поволокли девчонок в их спальню, а по дороге велели другой девочке, Полине, стоять на шухере, пока мы будем разбираться с «воровками». В общем, дотащили девчонок и кинули их на кровать – у них кровати были соединены,

получалась как бы одна двуспальная.

– Наказать их!

– Воровки должны быть наказаны! – я совсем разошелся. – Вы обязаны подчиниться закону.

Я велел им снять джинсы и переодеться в подходящую для наших целей одежду. Юля полезла в шкаф, нашла там какую-то розовую ночнушку. Но я велел ей убрать куда подальше эту порнографию. Тогда она снова полезла в шкаф и переоделась в пижамку. Просто офигенную! Белые штанишки из тонкой ткани, немного прозрачной, и такое прикольное поло без рукавов, тоже белое, в голубую полоску. Я с тех пор ее обожал, эту пижамку, особенно после того как обнаружил, что через нее девочку очень удобно ласкать. В общем, как первый раз увидел Юлю во всем этом, так чуть не выскочил из штанов. Она блондинка с густыми волосами, очень прикольными, и у нее красивые голубые глаза. В общем, они обе переоделись, мы снова уложили их на кровать, а сами легли сверху – конечно, прямо в одежде. И так лежали, гладили их, трогали грудь и все остальное, до чего могли дотянуться. Целовались. Короче, «наказывали». Я просто задышался от счастья и вседозволенности. Две красивые девчонки, прямо в баторе посреди бела дня!

– Все, меняемся, – прохрипел я, – хочу допросить теперь другую!

И мы менялись партнершами. Это было очень круто!

Вот после того случая с «полицией» все у нас понеслось. Я практически перестал ночевать у себя в комнате по выходным, дожидался, когда все уснут, и осторожно перебирался в спальню к девчатам. Из-за этого меня ненавидели все ночные питалки, особенно одна из них. Мы ее звали Наталкой и обращались на «ты». Почему-то сразу завязались такие панибратские отношения. Она вечно приходила проверять пацанов – не спалось ей – и каждый раз видела одну и ту же картину: меня нет.

– Гынжу опять в женской комнате? – бушевала она.

– Да, – Иван тут же с удовольствием меня сдавал.

– Понятно!

И Наталка шла вытаскивать меня от девчат. Откуда она меня только не доставала – из-под кровати, из шкафа, с подоконника, с карниза...

– Как ты находишь места, Наташ? – восхищался я.

– Вот так, жизнь научила, – она брала меня за шкуру и выводила вон, к себе в комнату.

А я шел за ней, кривляясь и горланя на весь коридор:

– Ну, че ты меня бьешь, Наташк?! Ну не надо, все, хватит, отстань!

Она только вздыхала в ответ на мои актерские выходки. Ничего не говорила и даже пальцем меня не трогала. А я корчился и вскрикивал, как от ударов, устраивал всем ночное веселье.

Наталка, кстати, появилась у нас внезапно, пришла на замену сумасшедшей «библиотекарше». Была у нас такая питалка выходного дня, которая подрабатывала еще и библиотекарем в баторе. Это была, наверное, единственная воспитательница, от которой мы тащились, когда она на нас орала. Она старалась изо всех сил, воспитывала нас, а мы ржали так, что просто по полу катались. Это было реально очень смешно! Мы всегда приходили к ней в библиотеку в пятницу после учебы за очередной порцией маразма. Причем обязательно нужно было сесть на диванчик – это было самое крутое место, а кто не умещался там, тот страшно переживал. Хотя и на полу было весело. И вот мы рассаживались, а она начинала свое выступление. Каждый раз шаблонно, строго одно и то же.

– Вот ты, Гынжу! – она смотрела на меня. – Скоро выйдешь из детского дома и кем ты будешь?

– Не знаю, – я заранее улыбался.

– Никем!

Я начинал ржать. А она, как ни в чем не бывало, продолжала:

– Ты, Никита! – она переводила взгляд на моего друга и сбавляла обороты. – Ну, ты-то ладно, Никитка. Из тебя, может, еще что и выйдет.

– А вот ты, – она оборачивалась к Димону, – выйдешь отсюда и кем ты будешь?

– Никем? – Дима вовсю развлекался.

– Правильно! Тоже никем!

И так она всех нас перебирала, не забывала никого. Вещала, не обращая внимания на гогот.

– А Сашка, – говорила она, – а Сашка не растет! Не развивается! Так и останешься маленькой среди всех.

Унижала нас, как только могла. Но мы не обижались, а реально угорали, потому что она такую ерунду несла! Всем приписывала хреновое будущее. Тоже мне, Ванга.

Однажды я случайно спалил, как она отчитывала Люську – ту самую, которая «Отсос Петрович». Люська опоздала на два часа – пришла в десять вечера, хотя должна была вернуться в восемь. А я в это время спрятался в игровой у девчат – хотел подглядеть за ней, как она переодеваться будет. Сижу, значит, за креслом, Люська заходит, к ней подбегает другая девочка, Даша, и говорит:

– Люся, Люся, тебя там библиотекарша ищет! Сейчас тебе вообще будет капец.

– Нормально, – говорит Люська спокойно, – я ей все объясню.

Но тут в комнату залетает наша библиотечарша и орет дурным голосом:

– Явиииилаааась, – и бросает Даше: – А ты немедленно выйди из комнаты!

И начинает отчитывать Люську. Она вечно нам в пример приводила свою собаку, кобеля, которого звали Дарий. Говорила, что он гораздо умнее нас.

– Даже мой Дарий знает слово «нельзя!» – орала она как подорванная. – У него есть понимание, несмотря на инстинкт.

– При чем тут это? – Люська стояла вся красная.

– При том! Я ему говорю: «Нельзя эту сучку!» – и он понимает. Сразу отходит. А у тебя даже этого нет! Ты к любому кобелю бежишь!

– Хватит уже.

– Не хватит! – библиотечарша повышала децибелы. – Ты шлюха! Тебя надо в исправительную колонию. Я все сделаю для того, чтобы ты отбыла свое наказание!

– Не надо, пожалуйста, – Люська почти ревела.

– Надо-надо! – библиотечарша двинулась к выходу. – Прямо сейчас заявление напишу!

– Не надо! – Люся подскочила к двери и закрыла выход собой. – Я вас не пущу!

– Пустишь! Давай отходи!

– Нееееет!

– Да пошла ты! – она просто отбросила Люську и вышла.

Мне, с одной стороны, жалко Люську было, а с другой – я сидел за креслом и угорал от Дария и исправительной колонии. Вечный спектакль. Боялся только, что у меня наружу все вырвется, и я начну хохотать в голос как полоумный. Кое-как сдержался, досидел до того момента, когда все ушли, и потом незаметно вышел.

И еще была одна история, связанная с библиотечаршей. Я сидел у девчонок в комнате перед отбоем – у Даши, Саши и Люси. Мы там ржали, болтали, ничего плохого вообще не делали. Потом вдруг слышу, идет библиотечарша. А деваться мне некуда. Я от греха подальше вылез в окно и повис на водосточной трубе.

– А чего это у вас окна на ночь глядя открыты?! – библиотечарша заходит, и сразу к окну.

Я замираю. Думаю: «Все, капец». А она и правда выглядывает:

– О, Гынжу!

– Ага, – говорю, – это я.

– Ну, вы, шалавы! – она как набросилась на девчат. – У вас тут Гынжу, оказывается, еще и стриптиз на шесте танцует!

Обнимается с водосточной трубой.

Я ржу – не могу. Сидели же просто, болтали, а этой дуре чего только не мерещится.

– А ну быстро вылезай оттуда!

Я влез обратно в комнату, просто давился от смеха, не мог остановиться. Девчата тоже уже в открытую над этой библиотекаршей ржали, а она – как будто так и надо. Понятно, что она ничего с нами сделать не может, только унижать и орать. Мы же не малыши, так просто не дадимся в руки.

Еще она меня наказывала ряженкой. Тупое наказание, ну кому в двенадцать лет на фиг сдалась эта ряженка? Мы ржали и, наоборот, любили, когда библиотекарша нас так наказывала.

– Мальчики, девочки! Второй ужин! Быстрее! Сейчас столовая закрывается.

Потом поворачивается ко мне:

– А ты, Гынжу, не получишь ряженку, – еще таким голосом загробным, как будто сообщает, что я к казни приговорен, – иди к себе!

В общем, ржали мы над ней бесконечно. Наказание ряженкой это уже вообще было днище, просто полная фигня. От бессилия. От того, что она не могла ничего с нами сделать – ни к порядку призвать, ни по-человечески попросить. Для этого нужен авторитет, а у нее, как и у большинства питалок, ничего подобного не было. Может, она и сама это в конце концов поняла. И в один прекрасный день уволилась.

И вместо библиотекарши пришла Наталка. Вот с ней мы как-то сразу нашли общий язык. Несмотря на то что она постоянно угорала надо мной, позорила меня. Она думала, что это у нее такие удачные шуточки. Но на самом деле мне это было неприятно, даже обидно.

– Застала Гынжу обнаженным у Юльки, – докладывала она моим друзьям, – что ты там делал? Домогался до нее?

– Да, – говорю, – домогался.

– А, ну успехов!

Такая она пофигистка была. В общем, я ее сразу стал звать «Натахой», потом вслед за мной и остальные тоже. Или «Натулей» еще.

– Натуль, а Натуль, иди сюда! Я навел порядок! Я убрался!

Она меня всегда палила в женской комнате. Наступал отбой. Я сначала слушал радио или копался в инете – брал у Некита телефон, своего у меня тогда не было – потом прислушивался. Вроде никто уже не шастает, время около полуночи. И я, такой, вылезал из кровати, шел к девчатам. Сначала в одну комнату заходил, потом – во вторую. В одной спала Маха, она просто была

моей лучшей подружкой. Мы с ней просто общались, безо всякого там. Только два раза за все время мы с ней поцеловались, и то по пьяни. Причем она сама полезла ко мне. А я такой: «О, неожиданный поворот! Ну ладно, че, иди сюда». Но первый поцелуй у нас с ней был фууу, не получился. Эта Маха, кстати, однажды так напилась на свой день рождения, что попала в реанимацию. Алкоголь им тогда поставлял Иван, а у директора в кабинете одна дура говорила, что это я им выпивку принес и всех споил. Стояла и истерила:

– Это все из-за Гынжу! Если бы не ты, Гынжу, этого бы не случилось!

И я сначала слушал, терпел – привык уже, что на меня такие ситуации сваливают. Думаю, есть же бумеранг, вернется к ней. Но потом просто не выдержал. Это такая ложь была! Наглая. Я психанул, начал на нее матом орать при директоре. Он, бедный, аж покраснел до корней волос.

– Гоша, Гоша, успокойся!

Я продолжаю, не могу остановиться.

– Георгий! Придите в чувство!

– А я не могу прийти в чувство! – орал я. – Вот на фигу она так нагло врет?! Я только купил один маленький коньяк! Все остальное они сами организовали.

Она еще пуще зарыдала. И я тоже стою и плачу, потому что ненавижу несправедливость. Устроили мы там концерт. Я перед директором нашим реально преклоняюсь – как он всех нас терпел? И ведь с каждым уважительно, вежливо. Всех воспитанников знал, постоянно нас защищал, а мы только и делали, что косячили. Один раз, по слухам, его какой-то старшак чуть в окно не выбросил. И то он его потом защищал. Ну а питалки – да, разные у нас были, всем голову свою не приставишь. И потом – детей сто человек, борзые подростки в основном, сотрудников не меньше, и каждый со своими тараканами.

Но это я отвлекся. В общем, когда я приходил в комнату к Насте и Юле, то сначала к одной в кровать ложился, а потом переходил ко второй, и с ней тоже развлекался. Всегда по очереди. Конечно, никакого секса там не было – так, поцелуйчики невинные, шмыры-пыры. Но с Настей у меня было больше и чаще, чем с Юлей. С Юлей мы только несколько раз петтингом занимались, а в основном просто лежали и обнимались. Но один раз у нас с ней был очень яркий, я его до сих пор помню. В ту ночь Настя спала. Я к ним, такой, прихожу и спрашиваю:

– Девчат, вы спите?

Никто не отвечает. Я опять:

- Девчат, вы спите?
- И тут Юля голос подает:
- Настя да, а я нет.
- Окай! Привет!

Я залез к ней в кровать, полежал немного, начал потихоньку гладить ее, щупать повсюду. Потом предложил ей спуститься, прошептал на ушко:

- Давай под кроватью продолжим.
- Давай.

И мы перебрались под кровать. Постелили на пол одеяло и сначала просто лежали молча, а потом снова начали трогать друг друга. Я ее гладил, забирался рукой в пижамные штанишки. Она в ответ тоже ко мне тянулась. Залезла своей ладошкой мне под пижаму. Но почему-то я был не уверен в себе, так и не решился в тот раз ее поцеловать. Ступил. Лежал и думал: «Вот сейчас подходящий момент, можно будет ее засосать», а сам целовал только в лоб, глаза, щеки.

– Спасибо, облизал! – она на меня за это обиделась. Наверное, ждала, когда я ее нормально поцелую. А на меня какой-то ступор нашел.

Потом было так стыдно, что я не решился ее в губы поцеловать! Но несколько лет спустя мы с ней, кстати, навестали. Какое-то время даже мутили.

А с Настей у нас было больше всего. И в кровати, и под кроватью, и в туалете, и к стенке я ее прижимал. И даже – сам не могу поверить – за сценой перед концертом. Она была такая миленькая, в русском народном платице, в своем дурацком кокошнике. И я тоже в сценическом костюме – вот прямо так, перед выступлением мы и умудрились заняться петтингом. Но, несмотря на бурные ласки везде, где можно и где нельзя, сексом мы с ней так и не занялись. А жаль. Я бы очень хотел. Конечно, когда мы встречаемся в общих компаниях, можем пообниматься, пососаться, но дальше этого дело никогда не идет. Настя, кстати, как и Некит, оформляет документы в Италию – планирует навсегда переезжать. Она тоже ездила туда каждое лето, все время в одну и ту же семью. Но как же я в нее был влюблен! Добивался эту девочку, просто пипец как. Но она параллельно мутила с одним парнем – он ей нравился – а со мной только петтингом занималась, и все. Даже в поцелуях мне постоянно отказывала. Я – раз – к ее губам, а она ускользает. Позволяла мне целовать ее только в шею. Я, конечно, страшно обижался и очень злился.

– Ты нормальная вообще?! – вскипал как чайник после очередных ее уверток. – Я хочу целовать тебя в губы! А ты мне

отказываешь.

– Прости, не могу.

Конечно, я потом уже понял, что она любила другого – того, с кем встречалась. А я для нее был так, ночное привидение, правда, надеюсь все-таки, приятное. Но в итоге однажды я добился того, что мы с ней начали встречаться. Жаль, что это продлилось совсем недолго. Мы были уже в восьмом классе, как раз только вернулись после лета – я из лагеря в Подмосковье, она из Италии. А все, кто ездил в лагерь на море, тогда еще не вернулись. Приехали только наши «итальянцы» и мы. Вот тогда она подошла ко мне и спросила:

– Ты что, Гынжу, все-таки меня любишь?

– Конечно, да! Ты давно могла бы заметить.

– Ну ладно.

И мы начали с ней как-то незаметно мутить. Но встречались всего три дня и поняли, что мы все-таки друг другу не предназначены. Есть такое выражение «половая жизнь», а у нас получалась только «петтинговая жизнь» – причем она оказалась намного лучше, чем отношения. От того, что мы, типа, начали встречаться, мало что изменилось. Мы с ней чем до этого занимались, тем и продолжали заниматься. Как она сама в итоге сказала: «Мы друг друга ничем не удивили».

Один раз я решил зайти чуть дальше, но она сразу заявила: «Не надо, больно», хотя я с ней обращался как с хрустальной вазой. Понятно, что она просто не хотела никакого развития отношений. И мы с ней продолжали только обжиматься. Закончилось все внезапно и очень «весело». Мы, как всегда, лежали у нее в комнате под кроватью, и я ее ласкал. Потом она говорит:

– Подожди, Гош, я сейчас приду.

И ушла. Три минуты прошло. Пять минут прошло. Десять минут. Я лежу как дурак под этой долбаной кроватью, уже закипаю. Что и где можно так долго делать? Выхожу из комнаты, иду ее искать, нахожу.

– И что это было?!

– Ой, прости, – она отвела взгляд, – я о тебе забыла.

– Ну, и на фига так делать?!

Конечно, она ничего не ответила. И без того все стало понятно: пока ей было скучно и не с кем общаться, я ей понадобился. А потом народ вернулся из летних лагерей, и все. Я опять стал не нужен. Так и расстались. Но зато в памяти остались приятные моменты.

Несмотря на всех этих ночных воспитателей, дневных воспитателей, охранников, администрацию и прочих людей,

которые работают в детском доме – персонала всякого-разного у нас было больше, чем воспитанников, – мы оттягивались в баторе как хотели. На самом деле в детском доме можно делать все, что угодно. Заниматься не только петтингом, но и сексом. Прятать спиртное и напиваться. Про сигареты я вообще молчу. Кому надо было, те и наркотиками баловались, правда, у нас таких ребят было мало. Главное, просто знать правильные места и находить правильное время.

Но еще больше свободы, несмотря на «неусыпный» контроль, у нас было летом, в лагерях. Да и в зимних, куда нас всех свозили на Новый год, в принципе тоже.

Глава 21

Уходящее детство

В летнем лагере у меня случился первый секс. Причем еще до всех этих невинных приключений с Настей и Юлей. Мне тогда только-только исполнилось двенадцать лет. Шла вторая лагерная смена. Это вроде было в том самом лагере в Анапе, «Счастливое детство». Да, суперсчастливое детство – в клетке. Повеситься там можно было от скуки. Поэтому мы и бухали там постоянно, а заодно выискивали другие способы себя развлечь.

Первая смена в том лагере прошла ужасно. Я еще не разобрался, что к чему, и просто привыкал. У меня так всегда было, каждое лето. В первую смену я ко всему привыкаю. Во вторую смену раскачиваюсь. В третьей я на полной раскачке и в четвертой на полную катушку отрываюсь. Вот как раз в третью смену мы и встретились с той девчонкой, с которой у меня случился первый в жизни секс. Сейчас я не помню, как ее звали, но пусть будет Лена. Она оказалась немного младше меня, ей было одиннадцать. Детдомовская она была или домашняя, этого я не помню. Мы с ней тоже познакомились на медляке, и, как всегда, сработал мой любимый приемчик.

На первом медленном танце на дискотеке я обычно просто сидел и смотрел, кого не приглашают. Если не приглашают ту, на которую я запал, и она весь танец сидит в сторонке с подружками, то на второй медляк я иду к ней и приглашаю ее. Девушка не отказывается, потому что у нее все равно никого нет. Мы с ней танцуем. А я за это время изучаю ситуацию: здесь поглажу, тут стисну, там прижму. К тому времени я уже знал более-менее, где у девушек эрогенные зоны – и, конечно, знаниями охотно пользовался. Если девушка мне все это позволяла, даже вот такой минимум, значит, она ко мне расположена. Можно дальше стараться. И я продолжаю ее приглашать еще и еще, мы танцуем всю дискотеку вместе. Где-то на третий или на четвертый медляк я говорю свою коронную фразу:

– Слушай, я не умею целоваться. Научишь?

Понятно, что девушка соглашается – у нее инстинкт такой, помогать.

– Конечно, научу!

Все. Дело в шляпе.

В тот раз после этих слов мы ушли с танцпола и направились к воротам, через которые приехали в лагерь. Около них была

такая красивая площадка с мостиками и детскими домиками. Туда ночью никто не ходил – только если приспичит покурить так, чтобы вожатые не спалили. А в эти домики можно было залезть. И там еще стояло дерево из гирлянд, оно по ночам светилось. Это было так романтично. Там, на этой площадке в одном из домиков, мы с ней пососались, пообнимались, и с этого вечера я начал с ней мутить. Мы гуляли, держась за ручки, смотрели вместе фильмы, на всех дискотеках вместе танцевали, на пляже тоже сидели рядом – даже сосались там, дразнили всех своей страстью. Конечно, вожатые нам запрещали целоваться. Мне двенадцать, ей одиннадцать – переживали за нас. Постоянно подсакивали.

– Гынжу, отойди от нее!

– Нет, – я даже с места не двигался.

– Отойди быстро!

– Нет, – я спокойно продолжал ее обнимать, – не отойду.

– Отойди, кому сказали!

– Нет.

– Черт с тобой, – они уставали без толку орать и махали на нас рукой.

К середине смены все – от начальника лагеря до вожатых – уже смирились и просто на нас забили.

– Где Гынжу?

– Вон там.

– Ясно. Значит, и Лена там.

А под конец смены у нас все случилось. В тот вечер показывали фильм – кажется, «Я и Мармадюк», если память меня не подводит. Этот фильм я уже смотрел, поэтому мне было неинтересно, а Лена полностью зависела от моего мнения – куда мы пойдем, что будем делать. Все решения принимал я, полностью распоряжался и командовал ею. Оттуда, наверное, у меня и пошло это желание командовать девушками, доминировать и управлять.

В общем, вместо того чтобы идти на фильм, как все остальные, мы пошли к ней в комнату. Сначала просто обнимались и целовались, а потом я бросил ее на кровать, раздел, а она помогла раздеться мне. И все, мы уже не могли остановиться. Надо сказать, она не лежала как бревно, и было похоже, что у нее есть опыт. Хотя я до сих пор точно не знаю – первый это был раз у нее, не первый. Для меня точно да. Я тогда пережил массу эмоций и оказался чересчур чувствительным. И еще все время боялся, что не выдержу и кончу прямо в нее. Но в итоге все нормально прошло, я вовремя успел. О презервативах я, конечно, знал, но денег на них у нас все равно не было. Поэтому

единственный способ, который я практиковал – тогда и потом, – это вовремя остановиться. Слава богу, этим полезным навыком я уже тогда овладел. Кстати, в тот первый раз мы даже не закрывали в комнату дверь. Это было немного стремно, зато добавляло адреналина.

А потом у нас с ней было еще раза три. И после лагеря как отрезало. Мы вышли из автобуса, и нас как будто что-то откинуло друг от друга. Оба понимали, что это просто лагерные мутки, ничего больше. Но все равно большое ей спасибо за первый опыт! Я ей благодарен.

После этого – дай бог памяти – у меня вроде была Анфиса. Она жила в другом детском доме. С ней у нас тоже в лагере все случилось, только в зимнем. Мы отдыхали в Ясной Поляне – неподалеку от имения, где жил Лев Толстой. Нас отвезли туда на новогодние каникулы. А с Анфисой мы начали после дискотеки на Новый год. Она продолжалась до шести утра – лагерь в честь праздника позволил. Мы тогда сильно нафигачились – все были бухие, и дети, и питалки наши напились до усрачки. Сначала пошли корсарами взрывать изолятор. Потом в концертном зале устроили беспредел – взрывали корсары, курили. И все – охрана, администрация – оказались настолько бухие, что им было пофиг, что там творится. И мы, такие, с Анфисой: «Ну если всем пофиг, и мы бухие, то надо действовать». Как-то незаметно, само собой все это прошло. Но это была одноразовая история. Больше у нас с ней не повторялось.

Между двумя этими лагерями, возможно, тоже что-то с кем-то было, но я забыл. Дальше появилась какая-то Оля, я ее смутно помню. Она не из батора, просто дворовая девчонка. И я к ней сбегал из детского дома – в шестом классе нас одних еще за ворота не отпускали, но я как всегда находил способ слинять. Мы тогда собирались компашками во дворах – там были и домашние дети, и баторские, – вместе гуляли, веселились, бухали. И эта Оля как-то сразу на меня запала. Мне она, наоборот, не очень понравилась, но я решил, что все равно нечего теряться – пока молод, надо гулять.

У нас напротив детского дома стояла спортивная школа Олимпийского резерва. И вот во дворах между нашим батором и этой школой была детская площадка. Там мы весной, когда стало уже более-менее тепло, и порадовали друг друга. Залезли в ракету, которая стояла на этой площадке, и сделали свое дело. Но это тоже было случайно, один раз – просто пересеклись.

Наверное, были еще девчонки, я всех не помню. Я не думал о чувствах, да их и не было. Не хотел никаких отношений. Скорее, стремился заполнить пустоту, которая все время была внутри.

Сам тогда не знал, откуда она там взялась. Но вот старался всюду успеть, и в общем-то недостатка в девушках не было. И баторские попадались, и домашние. И младше меня были, и старше. Мне все подходили.

А потом у меня неожиданно случилась большая любовь. И я пропал.

Глава 22

Запах клубники

Мне было тринадцать, когда я встретил ее. Ту, которая изменила меня и как будто перетряхнула изнутри. Ее звали Варя, ей было уже четырнадцать. Курносенькая. С большими, словно вселенная, восточными карими глазами, обрамленными черными стрелками. Мягкие, словно лепестки роз, губы. Милые щечки, которые я полюбил целовать. Круглое мягкое лицо и неожиданно твердый подбородок. Это странно, но даже сейчас, спустя много лет, я помню черты ее лица и то, как она была одета, когда мы впервые встретились. Нежно-розовый топик с полустертыми цифрами «39» и голубые шорты, плотно облегающие попку. На ногах у нее были поношенные рибоки.

Колесики наших баторских чемоданов стучали по асфальту. Мы заезжали на первую смену лагеря «Глобус». Множество вновь прибывших детей маячили тут и там, носились по территории с вытаращенными глазами в поисках чуда. И только она с достоинством, не суетясь, легко ступала рядом со своими подругами. Они о чем-то разговаривали, смеялись, некоторые девочки уже кадрились к пацанам. Но не она. Она шла с отрешенным лицом, никого не высматривала и только едва заметно улыбалась одними глазами. Я никогда раньше не встречал такого взгляда – направленного внутрь себя – и... пропал. Нас распределили по отрядам, я почему-то оказался в первом, с самыми старшими ребятами в лагере. Она была во втором. Что-то происходило вокруг, мы обживались, готовились к мероприятиям, но я мог думать только о ней. Мы еще не были знакомы, я даже не знал в тот момент, как ее зовут, а уже представлял себе, как мы будем отмечать нашу свадьбу на каком-нибудь острове в океане и какие у нас будут дети. В таком состоянии я ходил недели две. За это время я не раз пытался заговорить с ней, подкатить, но она не воспринимала меня всерьез. Просто не замечала.

А потом был концерт. По номеру от каждого отряда. Когда выступал ее отряд, я смотрел только на нее. Пластика рук, тембр голоса, слегка вьющиеся волосы – все сводило меня с ума. Она танцевала на сцене, и я влюблялся в нее еще больше с каждым новым движением. Потом танцевали мы, первый отряд – я сам ставил танец. Он был для нее. Но она даже не увидела моих стараний: после своего выступления ушла.

Дошло до того, что я приходил к ней в отряд на «свечку» –

вечернюю линейку – и устраивал там целое представление: перечил вожатым, всех задирали – лишь бы она меня заметила. Ноль реакции. Потом упал еще ниже. Подговорил пацанов из своего отряда устроить в столовке войнушку пюрешкой. Выглядит это так – кладешь пюре на край вилки, натягиваешь ее словно рогатку и выпускаешь как снаряд. Я ни в коем случае не целился в нее – хотел попасть только в ее тарелку: она все равно не ела, брезгливо возила в своем пюре вилкой. А попал ей на грудь. Боже! Как я тогда покраснел от стыда! Даже когда доставал в магазине сворованную банку огурцов из рюкзака, мне не было так стыдно. И тогда я увидел ее разъяренный взгляд, направленный прямо на меня. Мне стало страшно и в то же время хорошо. Она меня заметила!

– Кто это сделал, придурки? – она поднялась со своего места.

В тот момент я реально чувствовал себя как полный идиот. Мы с пацанами быстренько уткнулись в тарелки и, делая вид, что мы тут ни при чем, стали ковырять остывшее пюре. Я словно прирос ягодичками к стулу, боялся пошевелиться, а тем более посмотреть на нее и сознаться во всем. Тогда я еще не понимал, что это начало нашего с ней романа. К Варе подошел вожатый.

– Что случилось?

– Ничего, все нормально, – она нас не сдала.

Но взглядом дала понять, что она мне этого не забудет.

Каждый вечер у нас проводилась дискотека. Мы с пацанами тусили, как в последний раз, отрывались по полной. Как будто компенсировали месяцы тупого сидения в баторе. Музыка, казалось, проникает в вены, заставляя сердце биться быстрее. Оно барабанило как сумасшедшее. Мы прыгали до самого звездного неба вслед за ритмом колонок, за звуками музыки.

– Итааааак, – раздался голос диджея, – а сейчаааас белыыый таааанец!

Я уселся на лавочку и стал наблюдать, что происходит. Некоторых пацанов из моего отряда пригласили сразу. Через пару минут я уже сидел на лавочке один. Начал выискивать взглядом Варю среди пар, которые маячили на танцполе. Но ее там не было. Оказывается, все это время она сидела прямо напротив меня! Наши взгляды встретились в полумраке. И опять меня накрыло жутким чувством стыда. Идиот! Надо было так облажаться перед ней. Я не знал что делать. Но потом вдохнул, выдохнул и решил: «Будь, что будет». Встал со своей лавочки и направился к Варе. Никогда раньше мое сердце так не фигашило, руки были мокрыми от пота, меня покачивало от волнения. Но я старался идти прямо и настырно никуда не сворачивал, контролируя свои ноги, чтобы они не подкашивались от страха. И

вот ее глаза оказались напротив моих.

– Ммможно ппппригласссить тттебя на танец? – как полуобморочный психопат, втягивая слюни, проговорил я.

– Да, конечно!

Я чуть не присел. Чего угодно, но такого ответа я от нее точно не ожидал. Я готов был к отказу, насмешке, даже пощечине, но точно не к согласию танцевать со мной. Едва удержавшись, чтобы не подпрыгнуть до неба от радости, я протянул ей руку и повел на танцпол. Там, стараясь действовать осторожно, я едва ощутимо положил руки на ее бедра и прижал легонько к себе. Она не возражала – в ответ обхватила ладошками мою шею и доверчиво положила голову мне на плечо. Я не знал что и делать. От страха чувствовал себя как мешок с картошкой, поэтому даже не заметил, что в танце ведет меня она, а не я ее. Я поддался на это, решил подчиниться ей – такое у меня с девушкой было впервые. От ее волос пахло клубникой и чем-то еще – неповторимым. Ни от одной другой девочки так не пахло. Я сходил с ума от этого аромата и готов был вдыхать его вечно. Так мы и провели все следующие медляки, кроме последнего. На нем я наконец очнулся и на этот раз сам вел ее в танце. Она легко доверилась мне. Мы двигались хаотично, но все равно нам было с ней хорошо. Хотя со стороны это, наверное, смотрелось ужасно. Так мы и кружились, прижавшись друг к другу, на протяжении всего танца. Только она и я. Ее подбородок согревал мое плечо, мои ладони сжимали ее бедра. Но увы, тот танец был не вечным. Музыка смолкла, и нас всех позвали в свои корпуса. Нужно было готовиться к отбою.

– Ты куришь? – вдруг спросила она.

– Да, – ответил я, наслаждаясь запахом клубники и чего-то индивидуального, только ее...

– Пойдем покурим!

– Пошли, – все еще находясь в блаженстве, ответил я.

Не помню, как мы оказались в курилке, как вытащили из моей пачки по сигарете. Закурив, она уткнулась милым носиком в свой телефон и начала копаться в Интернете. Просматривала свои соцсети, листала ленту новостей. Меня это моментально взбесило. Если человек пригласил меня уединиться, пусть побудет со мной.

– Если ты сейчас же не выключишь свой телефон, я тебя поцелую, – пошел я ва-банк.

Она как будто назло мне даже не пошевелилась. Я подумал: «Ну, okay. Сама напросилась», – и поцеловал ее в губы. Она тут же ответила, но совсем не так, как я ожидал, и наш первый поцелуй получился дебилно неудачным. Пару секунд мы были

похожи на собачек, которые лижут друг друга, потом отстранились.

– Предлагаю это исправить, – сказала она.

Не раздумывая, я прижал ее к себе и снова поцеловал. Уже как положено. Наша страстная сцена длилась секунд пятнадцать. Мы могли еще долго так стоять, но нас прервал ублюдочный гогот ребят, которые тоже решили перед сном покурить.

Но тот самый первый поцелуй с ней я буду помнить вечно. Пусть он хреново вышел – мой мир в тот миг перевернулся. Я словно почувствовал, как земля движется подо мной. Летал как космонавт в звездном пространстве, только без скафандра.

Мы разошлись по своим корпусам с сияющими лицами. Мы оба поняли – вот оно, то самое, зачем мы сюда приехали. А дальше мы не расставались ни на секунду, проходили всю лагерную смену, держась за руки. Только она и я – это все, что нам было нужно. Помню, как мы сбежали ночью на пляж. Все мои соседи по комнате давным-давно сладко спали, укутавшись в теплые одеяла. А мы переписывались с ней ВКонтакте после просмотра фильма «Спешите любить». Мы смотрели его каждый в своей комнате и все равно вместе. А потом писали и писали друг другу о любви. О том, какая она на самом деле. До пяти часов утра не могли остановиться.

– Я хочу к тебе, – вдруг написала она.

– Не вопрос! У тебя вожатые спят?

– Вроде да! Щас посмотрю.

Я лежал в своей комнате и молил судьбу, чтобы они реально так же дрыхли, как и мои.

– Спят! – написала она спустя минуту.

– Жди! Скоро буду!

Поблагодарив судьбу, я направился в ее корпус. Пробрался быстро и без проблем...

– Какой у тебя номер комнаты?

– Девятая.

– Ок.

Пока искал ее комнату, чувствовал себя настоящим шпионом. И вот ее номер – девять. Вдох-выдох, я захожу. У нее была такая миленькая пижамка, с бабочкой на левой груди. Она меня умилила так, что я начал улыбаться как дурак: такая вся из себя чикуля, крутая миссис, а на самом деле – маленькая девочка.

– Чего лыбишься? – нахмутив накрашенные брови, спросила она.

– У тебя миленькая пижама! – все с той же улыбкой ответил я. – Го на пляж?

– А че, го!

Я офигел – как бы не планировал такого ее ответа. Но пока прикидывал, что и как, она уже была переодета из пижамки в шорты и топик, и мы направились на пляж. Когда перелезали через забор, она зацепилась топом за торчащий металлический крюк и повисла на нем, как кукла Карабаса-Барабаса. Я смеялся как сумасшедший. Она меня затыкала и говорила, чтобы я немедленно ей помог. Перебравшись, мы мигом, сверкая пятками, побежали к морю. Море было спокойным, так и манило окунуться. Но мы только вошли и тут же выбежали на берег – оно оказалось жутко холодным. Легли на песок и стали слушать мой плей-лист. Смотрели, как падают звезды и загадывали желания: как маленькие дети, которые верят в чудо. Она реально излучала тепло, рядом с ней мне было хорошо и уютно, как никогда в жизни, словно я раньше был странником, а теперь нашел свой дом. Мы лежали, прижавшись друг к другу, пока не начало подниматься солнце. Но мы все еще не могли оторваться друг от друга. Постепенно на берегу начали появляться спортсмены, у которых была утренняя тренировка. Они пробегали мимо нас. Один из них, молодой парень, вдруг остановился и пару секунд любовался нами. Варя его не видела – лежала, уткнувшись носиком в мое плечо. А я сразу его заметил и улыбнулся. Он улыбнулся в ответ.

– Ни за что не отпускай ее! – крикнул он мне и побежал дальше.

– Это он нам? – пробубнила Варя мне в плечо.

– Да, – ответил я и прижал ее еще крепче.

– Осторожно, я хрупкая! – неожиданно низким голосом сказала она.

– Я знаю.

Так мы пролежали на пляже еще пару минут, а потом усилием воли заставили себя подняться и побежали в лагерь. Около ее корпуса мы поцеловались на прощание и расстались на несколько долгих часов. А на утренней зарядке уже дразнили всех своими взглядами друг на друга – от нас словно летели искры.

Мы жили каждый день того лета так, словно завтра наступит конец света. Были безбашенными и бесстрашными.

Один раз мы сбежали в город, чтобы купить сигарет. После шумного обеда в насквозь пропахшей рыбой столовке у нас по расписанию был сон-час. Ну, и конечно, все тихие часы с той ночи я начал проводить у нее в комнате. Втихаря забирался через окно или проскальзывал в ее корпус вместе с толпой после обеда и умолял вожатых, чтобы они не выгоняли меня. Обещал вести себя тише воды ниже травы. У них в комнатах были двухъярусные кровати, Варя спала на верхнем ярусе, поэтому нас не было

видно. И вот мы вместе забирались к ней в кровать и спали в обнимку.

Но один раз почему-то никак не могли уснуть.

– Пойдем покурим? – спросила она.

– А ты уверена, что нас отпустят?

– Нет, не уверена. Но мы же все равно через окно выйдем, да?

Я не мог ей отказать – сходил с ума, когда она так улыбалась. Ее острые зубки, ямочки на пухлых щечках вводили меня в транс. Я ее всю обожал!

– Да, пошли через окно. – Мы сделали кукол из чьих-то шмоток, накрыли их своим одеялом и вышли через окно. На всей территории лагеря стояла тишина, был слышен только стрекот сверчков и шелест листьев. Мы зашли за первый поворот и докурили последние две сигареты.

– Блин, сиг не осталось, – пробубнил я.

– Че делать будем? – спросила она, пуская дым кольцом.

– У меня только 80 рублей... У тебя есть еще 20?..

– Да, – она порылась в своих кармашках и достала ровно 20 рублей, – на, держи!

– Спасибо, теперь нам хватит на пачку!

– А как мы их купим, если выход в город у нас только послезавтра?

– Что, реально?

– Ага...

– Блин, у нашего отряда тоже не скоро... – и тут меня осенила гениальная мысль, – короче, иди сейчас обратно в корпус, а я сгоняю до магазина. Надеюсь, он где-то рядом. Надо за тихий час успеть.

– Я с тобой хочу! – капризно изогнув губки, сказала она.

– Нет. Ты че? Тебя спялят – и все, пипец нам обоим.

– Нееет, не спялят. Пожалуйста...

– Ну ты и больная! – я не мог ей возразить. – Окс. Идем!

Выражение детского азарта появилось на ее лице: она улыбалась до ушей, щечки ее порозовели. Обхватив меня за шею, она с силой притянула меня к себе, вниз – она была маленького росточка – обняла и поцеловала в губы. Мы побежали к тому же забору, через который перелезали ночью, чтобы сбежать на море. Через пляж вышли на проезжую часть дороги и пошли по ней. До города топали примерно сорок минут. Проходили мимо других лагерей, которые раскинулись вдоль моря, там тоже был тихий час – повсюду стояла гробовая тишина. Легкий прохладный ветерок охлаждал лицо, хотя на улице стояла невыносимая жара. Толпа людей шла вдоль пляжа: кто-то шел на море, кто-то возвращался с него. На лавочках сидели старушки в потертых

халатах и продавали всякую ерунду: арбузы, грибы, креветки, крабов, какие-то сувениры. Парни в костюмах пиратов с обезьянками на плечах предлагали сфотографироваться с ними за деньги. В общем, все, как и должно быть в курортном городке. На улицах пахло Анапой. Мы подошли к одному из ларьков и спросили, как дойти до ближайшего продуктового универсама. Нам показали дорогу, и мы пошли дальше.

– Так, – я остановился около входа в магазин, – стой здесь, за мной не ходи. Если меня не будет через 20 минут, возвращайся в лагерь одна.

– Почему?

– Потому что. Я попробую спереть алкашку.

– Ты идиот?! – ее глаза округлились. – А вдруг тебя спалят?

– Не, не бойся. А если и спалят, то отпустят! Я же Гынжу Гошка! Найду выход из ситуации.

– Ты дебил! – в ее глазах стоял страх, и мне это было приятно. – Ладно. Но только попробуй, блин, через пятнадцать минут не выйти. Ты знаешь, у меня рука тяжелая...

Я пообещал вернуться через десять минут. Если, конечно, не будет большой очереди на кассе. Зашел в магазин, взял тележку и закинул в нее рюкзак, карманом к себе. Делая вид, что выбираю продукты, я разъезжал по магазину и искал нормальный алкоголь. Взял 0,5 бутылки коньяка «Пять звезд» и еще положил в тележку две красивые матовые бутылочки кофейного и клубничного ликера. Не знаю, что за жадность на меня напала тогда, но я взял еще и три банки пива. А потом пошел искать место в магазине, которое не просматривается камерами. Нашел его в мясном отделе. Там был нормальный уголок, чтобы незаметно переложить добычу в рюкзак. Что я и сделал – побыстрому перевалил все туда. Рюкзак на плечо, тележку оставил около прилавка и пошел на кассу. Там в небольшой очереди стоял помятый мужчина, я попросил его купить мне сиги.

– Простите, пожалуйста, купите пачку сигарет, – с милой улыбкой попросил я, – вот деньги. Если сдача останется, она ваша.

– Давай! – он не отказался.

И хотя сдачи там не осталось, он отдал мне сигареты. И я такой, счастливый герой, иду к дверям. В руке пачка сигарет, за спиной алкашка, какая душе угодно. Что может быть прекраснее для влюбленного подростка? Двери автоматически открылись. Вот он – морской воздух, солнце и ее улыбка. Ура, у меня получилось!

– Эй, малой? – мужской голос раздается у меня за спиной. Сердце заколотилось так сильно, словно собиралось выпрыгнуть

наружу, ломая ребра. – Так у тебя есть мелочь на пивасик или как?

Я выругался про себя: «Черт! Это все еще тот мужик не может от меня отстать».

– Простите, но больше ничего нет.

– Ай, бог с тобой, – он махнул на меня рукой и пошел своей дорогой.

Все тот же воздух, все те же лучи солнца, и она стоит на прежнем месте. Я спустился по лестнице и скомандовал:

– Марш в лагерь! Миссия выполнена.

Мы шли легкой походкой к нашему лагерю, курили, держась за руки, и неторопливо потягивали холодное пиво. Я был на седьмом небе от счастья. За спиной в рюкзаке приятно позвякивали стеклянные бутылки, вселяя надежды на продолжение. Оттого что на улице было жарко, мы быстро опьянели.

– Давай где-то присядем? – погладив меня по шее, попросила она.

– Окай! А то я уже немного пьяненький.

Мы нашли детскую площадку и, не добравшись до скамейки, улеглись на резиновое покрытие. Я включил свой плей-лист, мы засунули в уши по наушнику и, держась за руки, смотрели на облака. Песня «В мире, где ты и я» Мариин Чайковской играла у меня тогда на репите. Я и сейчас иногда включаю ее, и меня накрывает атмосферой нежности и тепла того дня. Мамы, которые гуляли на площадке с детьми, отгоняли от нас своих малышей, а мы смеялись и обнимали друг друга.

– Блин, даже уходить никуда не хочется... но уже пора, – прошептал я, взглянув на дисплей телефона.

– Мммм, не хотуюю, – уткнувшись мне в шею, пропищала она.

– Все-все. Пойдем, а то реально потом схлопочем.

Мы в который раз за день нарушили закон, покурив на детской площадке – в том же месте, где лежали. А потом вскочили и побежали в лагерь. Перемахнув через забор, оказались на территории. Промчались сквозь кусты и остановились под окном Вариной комнаты.

– Девчата! – шепотом позвал я. – Девчааат! Палево есть?

– Нет, – подруга Вари ответила, – залезайте быстренько. Че так долго?

Я помог Варе забраться, поддерживая ее под попку, а потом залез сам: вскарабкался, ухватившись за подоконник.

– Гошка бухла натырил! – радостно сообщила Варя подружкам. – Сегодня вечером на дискотеке бухнем.

– Оооо, прикольно!

Все обрадовались этой новости. Рюкзак мы засунули под кровать. Развернули наших кукол и легли досыпать тихий час. Потом был полдник, после него мы ходили на море, дальше нам устроили эстафеты. А после ужина снова был концерт, и мы опять выступали. Я смотрел на Варю, которая кружилась на сцене, и обожал нежную пластику ее рук, развевающиеся длинные волосы, взлетающие к бровям ресницы. Я представлял себе ее запах – с нотками клубники, – смотрел на ее губы, похожие на лепестки роз, и сходил с ума от желания. Я любил ее всю. Она казалась мне похожей на цветущую поляну, покрытую, как ковром, цветами – большими и маленькими, разными, непохожими друг на друга. Я видел это в ее внешности. И в ее внутреннем мире. Она казалась мне волшебством.

Ее номер закончился, и на сцену вышел другой отряд, после которого должны были выступать мы. А я сидел на лавке, словно зачарованный, не мог пошевелиться. Она загипнотизировала меня. Постепенно стал отходить – сначала смог пошевелить пальцами ног, потом сумел согнуть руку в локте, в конце концов вскочил и в последнюю минуту убежал за сцену. Я уже слышал крики фонатеющей публики, уже видел своих пацанов, которые переживали за кулисами так, как будто их собирались снимать все телеканалы мира. Наконец, пришло время и мне со своим коллективом выходить на сцену.

– Да успокойтесь вы, наконец, – шипел я на своих танцоров, – все будет хорошо!!!

– А вдруг...

– Никаких вдруг! Вы же не дебилы?! Вроде бы нет!

– Ну а теперь на сцену приглашается...

Барабанная дробь...

– ПЕРВЫЙ ОТРЯД!

Весь зрительный зал грянул овацией, нас приветствовали так, будто на сцену собрался выйти Джастин Бибер.

– Ээуу, – орал я своим под гул оваций, – вдох-выдох, и вперед, отжигать на сцену!!!

Моей команде вопли зрителей понравились. Они послужили мотивацией, чтобы ребята выложились на полную катушку. И вот зазвучала музыка. Я стою в первой линии как главный танцор и хореограф. Мы синхронно движемся вперед, назад, вверх, вниз, я чувствую себя так, будто вокруг меня зеркала. Ребята классно повторяют движения. А из всей толпы вижу только ее и только для нее танцую. Она улыбается мне и смотрит влюбленным сияющим взглядом...

Глава 23

Малиновый закат

После концерта мы лежали на чьей-то кровати в комнате девчонок, ждали ее подруг и моих друзей, чтобы начать разливать по стаканчикам алкоголь.

– Знаешь, чем ты меня больше всего зацепил?

– Нет. И чем же?

– Своими танцами. Когда ты танцуешь, ты настоящий. Я просто с ума от тебя схожу!

Как мне тогда захотелось, чтобы никто не пришел! Но, конечно, через минуту все заявили. Две минуты, и пиво закончилось. Дальше в ход пошел коньяк «Пять звезд». Мы выпили по паре глотков и пошли на дискотеку. В тот вечер мы танцевали как ненормальные. Смеялись, толкали друг друга, собирались в тесный круг, чтобы нас не было видно, закуривали одну сигарету и пускали ее по кругу. А для того, чтобы вожатые ничего не заподозрили, мы высоко прыгали и кричали что есть мочи. Земля уходила из-под ног. Мир стал ласковым и беззаботным – как волшебство. Мы мечтали о том, чтобы этот день никогда не кончился. Мои пацаны кадрились к ее подругам, и у них получалось – когда мы с ней шли в корпус, видели их целующимися на лавочках. Я тогда подумал, что со стороны это, оказывается, выглядит ужасно. Но им было хорошо.

Мы поднялись в ее комнату, она была пустой. Кругом валялись пустые стаканчики, и пахло алкоголем. Мы убрались и открыли окна. За тумбочкой у двери нашли недопитый кофейный ликер. Я закрыл дверь на замок, и мы выпили на двоих, до дна. А потом прикурили сигареты прямо в комнате – стояли напротив открытого окна и затягивались. Она затушила свою сигу и, вопросительно посмотрев на меня, поцеловала, прикусив мою нижнюю губу. Варя уже знала, что меня это дико возбуждает. Продолжая смотреть мне прямо в глаза, она погладила меня по груди, спустилась к животу и скользнула рукой в шорты. Более внятного разрешения действовать мне было не нужно – после недолгой ласки я посадил её на подоконник и начал стягивать с дрожащего тела полосатую хлопковую рубашку. Она тоже, как могла, помогала мне раздеться. Посадив ее себе на бедра, я перенес Варю в постель, быстро снял с нее лифчик и связал им ее запястья.

– Обещай мне, что не шелохнешься, – прошептал я ей на ушко.

– Дааа, – она была согласна с моими условиями.

– Если ты хотя бы пошевелишься, я тебя накажу.

Я целовал и пил ее, оставляя следы засосов на шее, груди. Спускался губами к аккуратному пупку, проколотому штангой, и ниже. Долго ласкал ее, пока хватало сил сдерживаться, а после – получив дозволение – проник. Пара минут, и моя сперма фонтаном брызнула в стену. А потом мы лежали в постели и смеялись. Воздуха не хватало, смеяться было тяжело, но мы не могли остановиться. После отдыха она встала и как была, совершенно голая, подошла к окну, чтобы прикурить сигарету. Я продолжал лежать, глядя на нее, и было чувство, словно смотрю кино – прекрасные кадры, которые существовали для меня одного. Ее ласкал лунный свет, и я понял, что не хочу делить ее ни с кем. Даже с луной. Встал, подошел к ней и прижался грудью к ее спине.

– Дай затянусь-ка, – поцеловав за ушком, попросил я.

– На, – подняв руки вверх и согнув их в локтях за головой, словно она снова хотела поиграть, оказаться с завязанными руками, отдала мне свою сигарету.

Я забрал сигарету и, затянувшись, зарылся носом в ее волосы. Обожаю этот запах! Запах клубники, теперь еще и смешанный с ароматом секса. Я водил носом по ее телу и вдыхал каждый миллиметр. Я хотел надолго запомнить этот аромат, впитать его в себя. Конечно, не обошлось без «побочного эффекта» – у меня снова была эрекция. Я закрыл глаза и попытался остановить этот процесс, но она меня уже спалила.

– Че, опять встал? – Варя хохотнула.

– Нет, блин, просто ветром его поддувает снизу!

Мы опять смеялись, курили и обнимались. Потом я снова начал ее ласкать. Она постанывала от возбуждения, схватив меня за взъерошенные длинные волосы. Но пришлось остановить ее поцелуем в лоб.

– Надо одеваться, – громко вздыхая и едва справляясь с возбуждением, прошептал я, – дискотека заканчивается.

– Блин, ну почему время так быстро летит?! Меня это бесит! – она оторвалась от меня, чтобы помочь надеть мне кофту.

– Меня тоже бесит. Но все же время – это жизнь. Без него не было бы ничего, что сейчас вокруг нас...

Мы оделись, открыли дверь, ведущую в коридор. Яркий свет ослепил, словно зимним утром в баторе резко включили свет и начали будить на зарядку. Мы как раз успели на последний белый танец. Я чуть не заплакал от трогательности этого момента – играла песня, с которой все началось. Одной рукой я обхватил Варю за талию и сильно прижал к себе, а другой, которая

оказалась между нами, гладил ее. Ее ноги прятали от посторонних глаз мое возбуждение и неугомонную руку. Она вцепилась ногтями мне в шею, стараясь не застонать вслух.

– Зачем ты это делаешь? – сквозь зубы прошептала она.

– Меня это возбуждает, – ответил я.

Она улыбнулась.

– Мне казалось, я вообще не позволю тебе к себе приблизиться. Но, блин. Это пипец просто, что ты со мной делаешь!

– Что не так?

– Да нет, все норм. Просто мой первый секс произошел с парнишкой, который, как и ты, был детдомовским.

Она рассказала мне обо всем позже – когда мы в очередной раз лежали после секса расслабленные и курили. Оказалось, они с этим пацаном провели вместе почти год, и за это время произошло слишком много нехороших событий. Их встреча была случайной. Познакомились в социальной сети через знакомых, он кинул ей заявку в друзья. Она ее приняла.

– Зачем приняла? Ты же его не знала.

– Дура потому что. Сама уже жалею об этом, – она вздохнула, – к тому же долбанные проблемы в семье. Мне хотелось от них отвлечься.

– И что дальше?

– Мы стали переписываться каждый день. Но его отношение ко мне не было как к женщине. Хотя мне было всего одиннадцать лет, какая я на фиг гребаная женщина? Короче, сама виновата. Я никогда ничего не требовала, не просила и при этом понимала, что от меня ему просто нужен был секс и решение денежных проблем.

– А что твои родаки?

– Родаки хотели, чтобы я познакомила их с ним. Потому что они все время удивлялись, куда я пропадаю с ночевками. И он долго не находил для этого времени, типа, такой весь деловой. Каждый раз договаривались, а потом, такой: «Ой, солнышко, прости, у меня очень важная встреча, я в этот раз не могу». У родителей уже складывалось плохое мнение о нем – уже какой раз динамит.

– Так и не приехал?

– Приехал. В какой-то момент он, такой: «Все, зай, я сегодня свободен». Он реально приехал, как обещал. Мы пообщались все вместе. Потом они поговорили наедине с папкой. Главное, родители одобрили эту мразь, типа, все норм.

– Они что, слепые?! Я бы на месте твоих родоков с лестницы его спустил!

– Ну, круто, да. А я бы убежала следом за ним. И они бы больше меня не увидели. Я же говорю тебе, дура была. Короче, через несколько дней или через неделю, точно уже не помню, он звонит мне и говорит: «Варь, можешь дать денег?» – я спрашиваю: «На что?» Он отвечает: «Ну, типа, на учебку. Надо курсы оплатить, а мамки с папкой у меня нет». Я говорю: «У меня нет таких денег». Но он и тут не успокоился: «А можно я у твоего папки в долг попрошу?» Я ему ответила что-то, типа: «Ну, okay, попробуй». И он позвонил отцу, наплел ему то же самое, что и мне. А папочка добрый такой у меня, пожалел как дурак сиротку: «Ну, если на учебу, то это хорошо!»

– И че, дал? Ясно же, что этот мудила пиздит! И как бы он вам деньги вернул?

– Дал. Перевел ему деньги на карту. Тот поблагодарил и пообещал через неделю вернуть. Но проходит неделя, две, три. Тишина. Потом в один из дней он пригласил меня, чтобы, типа, отдать мне папины деньги. Я такая: «О'кей, без Бэ». Приехала, куда он сказал, и ждала эту морозмоту часа три, наверное. А он просто вырубил телефон. Потом появился в Сети, я ему тут же набрала: «Ну, и где ты?» И эта мразь опять за свое: «Прости, котик, у меня были дела». Опять гарнир с лапшой и вечное бла-бла-бла.

– А что отец?

– Ну, он в итоге позвонил мне, такой: «Все, Варь, давай дуй домой! Я уже не жду, что мне эти деньги вернут. Мне плевать на них, главное, чтобы с тобой все было нормально. Просто забей на этого чувака, и тогда все будет хорошо».

– Забила?

– Если бы! Потом этот debil вообще оформил кредит на мое имя. А дальше еще где-то шесть месяцев угрожал мне, что мое тело родители не найдут. И только после этого я послала его на все четыре стороны. Хотя давно надо было это сделать. Он как только меня перед своими друзьями не унижал. Вертел мной, как хотел, как будто я гребаный подшиппник. Я бы многое тебе рассказала про него, но не хочу вспоминать. А после того как я от него избавилась, жизнь потихоньку стала налаживаться. Отношения в семье тоже нормализовались.

Я лежал рядом с ней и не знал, как ее утешить: слишком далеко она ушла от меня в свое прошлое. Даже для взрослой женщины это было бы слишком, а уж для девчонки одиннадцати лет... Слеза покатила по ее щеке.

– Это было и прошло, – я обнял ее и прижал к себе, – оно показало тебе, что происходит с людьми, которые добровольно лезут в дерьмо. Сейчас же все по-другому?

– Конечно, по-другому! – она засмеялась сквозь боль и смахнула со щеки слезу.

– Боже, ты не представляешь, как кайфово я чувствую себя рядом с тобой!

В ответ она забралась на меня как наездница и тесно прижалась. Варя больше не плакала, она смотрела на меня влюбленными глазами и улыбалась.

Мы искали в лагере любую возможность уединиться. Иногда, по ночам, когда не получалось быть рядом, я шутливо предлагал ей воспользоваться услугой «секс по телефону» и начинал изображать сотрудника этой службы. Она смеялась, пока я лез вон из кожи и старался возбудить ее своими вздохами. Но я был рад, что она улыбается. Потому что мое маленькое счастье всегда должно улыбаться. В столовке, вместо того чтобы накрывать столы, мы прятались в углу и смотрели сериал. И, если вынуждены были расстаться хотя бы на короткое время, бешено друг друга ревновали. Она меня – к девочкам, когда я ставил с ними танцы. Я ее – ко всему вокруг, к каждому столбу. У нас были ссоры, но они тут же рассевались.

– Я почему-то не могу на тебя долго обижаться. Хотя стоило бы, – говорила она, целуя меня в губы.

– А я даже не долго не могу, – бубнил я и целовал ее в ответ.

Последний вечер в лагере был трогательным и грустным. Мы совсем не спали, а наутро, в восемь тридцать утра, был наш отъезд на вокзал.

После лагеря мы с ней еще несколько месяцев встречались в Москве. А потом она ушла к своему бывшему. Не к тому, детдомовскому, а кому-то другому, с кем была после него. Я тогда чуть умом не тронулся, так мне было плохо. И я искренне не мог понять: вот на фига?! Он ее не любил. Зато любил я! Но она меня бросила...

После нее я четыре месяца вообще ни с кем не встречался, даже случайных поцелуев не было, ничего. Ходил в абсолютно потерянном состоянии. Через полгода я уже более-менее пришел в себя и снова стал мутить с девушками. Если девушка была мне интересна, мы какое-то время встречались. Если она меня не привлекала, но была не против отдаться, мы просто трахались. Но отношений, вот такой вот любви, у меня за время жизни в баторе больше не было. Я слышал, что те, кому не везет в любви, становятся философами. Похоже на то! И это все Варя, блин. С ее запахом клубники.

Глава 24

Мое отражение

Подруг среди девчат у меня всегда было много. Да и сейчас. Я мог просто дружить, мог увлекаться, а там уж как пойдет – с сексом или без. Но, кстати, самые яркие встречи всегда случались со мной в лагере. А где еще? В детском доме, в этом котле, нас уже всех тошнило друг от друга.

В очередном летнем лагере я встретил девочку, в которой живет моя душевная красота и мой внутренний мир. Мне в то лето было четырнадцать. Соня оказалась моей ровесницей. Мы жили в разных детских домах, но в летних и зимних лагерях несколько раз пересекались. Я видел ее, а она не замечала. И я просто издали смотрел на нее и вздыхал. Большие голубые мерцающие глаза, маленький носик с еле заметным шрамом с правой стороны, красные некрупные губы. Когда она стеснялась либо врала, на пухленьких щечках появлялся легкий розовый румянец. Несмотря на свой опыт, я был идиотом, дураком и слабаком, который не решался подойти. Хотя раздавал всем советы о том, как начать мутить с девчатами. И сам тупо не пользовался ими: я не мог промолвить даже слова, когда удача была близко – я видел Соню. Но мои руки покрывались потом, в горле пересыхало, а по телу неслись встревоженные мурашки, которые добежали аж до кончиков пальцев. В общем, идиотизм, который не лечится. Я встречал ее и в зимнем, и в летнем лагерях. И вздыхал – то ли влюбился, то ли видел в ней что-то такое, необыкновенное, – сам не мог разобраться. После Вари я изменился. Со стороны казался тем же веселым и жизнерадостным раздолбаем и не давал печали брать надо мной шефство, но внутри обзывал себя последними словами и страшно злился. Варю потерял навсегда. Соня мелькала перед глазами, но была для меня загадочной книгой, которая лежит на самой высокой полке, а достать ее я не в силах. Своих друзей в баторе я знал, как свои пять пальцев. Я их уважал и даже любил, но они надоели мне до смерти, потому что я давно изучил все их плюсы и минусы. А Соня была не такая, как все. Все, что было у нее снаружи, лишь прикрывало ее внутреннее состояние, мысли и чувства. Так же, как у меня.

Не знаю, была это еще одна влюбленность, а может, просто возраст такой, но мне хотелось и душевной, и интимной близости, хотелось казаться Соне самым авторитетным и лучшим. А вместо этого я был похож на придурка.

Тем летом я жил только в своем мире, где принадлежал лишь самому себе. Я полюбил быть один и искал укромные уголки. Иногда, сидя с пивком и сигаретой на углу около забора, где никто не шляется, я начинал задумываться, почему мне выпала именно эта чертова судьба. Для чего Бог это сделал? С какой целью он лишил меня родителей и швырнул в клетку? Я не понимал. Может, для того, чтобы я научился воспринимать ценности? Так я ни фига их не замечаю. А может, для того, чтобы, побывав в шкуре сироты, я мог дальше помогать таким детям, которые остались одни, как и я? Но ведь сначала мне самому надо найти свое счастье, как-то встать на ноги. А я не могу. Я все больше и больше хотел сдохнуть. Для меня вся моя жизнь стала загадкой, которую я не в силах был разгадать.

Первую и вторую смену в лагере в тот год я не сдружился ни с кем. Ходил-бродил сам по себе. Началась третья смена. Новый заезд детей. Напротив моей комнаты должны были заселить девочек, и я чувствовал какое-то предвкушение. Радовался, сам не зная чему. Я сразу же пошел знакомиться с девчатами, пока в мою комнату заезжали пацаны. Просто постучал в дверь – от волнения меня окатило жаром. В голове что-то начало колотиться в такт сердцу. Мне было стремно. И тут дверь открылась. Я замер, даже забыл, зачем я к ним стучался. На пороге стояла Соня.

– Это... Привет! А где вожатый? – как полный дебил, сказал я. Соня рассмеялась:

– Привет! Значит, вот так ты собрался ко мне подкатывать?

– Вообще-то это не подкат, – я глупо упирался. – Меня зовут Гоша. Видимо, вы будете нашими соседками!

– А меня зовут Соня. Это хорошо, Гоша, что мы соседи. Будет, с кем побухать ночью! А вожатые все в автобусах, если они тебе реально нужны. Собирают остальных из нашего отряда.

Я вышел на улицу с дурацкой улыбкой на губах. Дул теплый июльский ветерок, мне вдруг стало хорошо. Все мысли были заполнены образом, который я встретил на пороге: светло-желтые волосы, овальное лицо, большие голубые глаза, немного припухшие, накрашенные красной помадой губы. На ногах ее были кеды, как будто только что купленные. Светло-синие джинсы подчеркивали тонкую талию и клевую задницу. Легкая хлопковая рубашка была расстегнута на три пуговицы, и виднелась маленькая, такая трогательная грудь. Мысли заскакали вперед – туда, где я, она, звездное небо и безумный секс на крыше нашего корпуса. Я пошел к своему месту у забора и закурил, все больше и больше распаяя свое воображение. Но оно мигом спряталось, когда подошла она.

– Гош, у тебя не найдется сигаретки? – передо мной стояла

Соня.

– На, – я достал из пачки последнюю сигарету и с радостью протянул ей.

Иногда мне казалось, что мы курим только для того, чтобы было легче общаться. Просто подходить друг к другу и начинать разговор с вопроса о сигаретах. Ну и привычка, конечно. Она присела рядом со мной, прикурила и с наслаждением втянула в себя смертельный дым.

– Ты тут в первый раз или уже был здесь?

– Я здесь с первой смены, – я ей улыбнулся.

– Здорово! Значит, ты здесь, типа, все знаешь?

– Ну, получается, что так.

Мне захотелось приблизиться к ней и прикоснуться губами к ее бархатистой коже. Но я подумал, что это будет полным дебилизмом – облизывать ее, не спросив разрешения. Докурив сигареты, продолжали сидеть, как в немом кино. Она смотрела в небо, наблюдала, как плывут облака, и ее взгляд был пуст. А я сидел рядом и боялся признаться в том, что она мне нравится. Это было похоже на пытку. А пыток мне в жизни и так хватило. Я от них смертельно устал. Потом она вдруг взглянула на меня и тихо, но внятно проговорила:

– Знаешь, рядом с тобой мне настолько хорошо, как будто я знаю тебя много лет, – она удивленно посмотрела мне в глаза, – это так странно. У меня чувство, что тебе можно доверить все секреты и говорить искренне, не ожидая никакого подвоха. И ты все поймешь.

Я сидел, практически не двигаясь. Боялся ее спугнуть. Меня обрадовало то, что она произнесла, и я ждал продолжения. Она помолчала немного и снова заговорила:

– Понимаешь, не всем можно доверить свою жизнь, а тем более ее истоки. Но тебе почему-то хочется. Может, я полная идиотка или сошла с ума. Я тебя знаю всего несколько минут.

Выдержав небольшую паузу, она спросила:

– Ты, случайно, не из детского дома? – После этого вопроса мне стало не по себе. Я не знал, что ей ответить; то ли правду, то ли наврать. Но она могла вспомнить меня, кто-то в конце концов мог ей сказать. Лгать смысла не было. Успокоив себя, я произнес:

– Да. Я оттуда.

И назвал номер нашего детского дома.

– Ааа, знаю! – она обрадовалась. – Это вы отмутузили наших парней в зимнем лагере из-за того, что они сперли бухло из вашего чемодана?

– Именно! – гордо сказал я. И порадовался, что сказал правду.

– Слушай, а почему у тебя там не замечала?

– Не знаю, – я не стал рассказывать, что сам давно наблюдал за ней, почти влюбился, – наверное, потому что там я встречался с Кристиной из вашего батора и был занят только ею.

– Фууу! Божее, – она сморщила носик, – она такая шалава!

А потом вдруг спохватилась и сказала уже совсем другим тоном:

– Хотя кого я осуждаю? Сама такой же была.

– Почему ты о себе такого мнения?

– Потому что это правда.

И она стала рассказывать. Все началось с того, как Соня появилась на свет. Она была, как и почти все остальные баторские, нежеланным ребенком в семье. Мать родила ее в двадцать семь, вроде хороший возраст для детей, но ей было не до них: она была еще той «похотливой сучкой», как выразилась Соня. Гуляла налево и направо, изменяя Сониному отцу-алкоголику. После, поняв, что малышка мешает ей, болтается под ногами со своими вечными ссаками в трусах, тратами на памперсы и детскую жрачку, она избавилась от Сони. Просто выкинула ее за дверь, кинула на подстилку рядом с местными бомжами. Дальше Соню обнаружила полиция, тетки из опеки стали искать ее родителей и попытались ребенка вернуть. Но сразу же поменяли свое решение, как только зашли в дом.

– Мать была зверски пьяна, – Соня снова смотрела в небо, – и обкурена какой-то травкой. Она начала истерически орать: «Заберите эту паршивку! Она сломала мне жизнь! Из-за этой идиотки меня бросил муж, и теперь я превратилась в настоящее дерьмо. От меня ушли даже мои ухажеры. Уберите ее с глаз моих долой, пока я ей не начистила морду». Я, маленькая, рядом с чужими тетками, стояла в дверях и заливалась горькими слезами. Я еще не понимала, что происходит, я плакала от того, что была напугана, увидев свою мамочку в таком состоянии. И потому, что она ругала меня.

– Охренеть, как тебе не повезло в детстве, – про себя я порадовался, что со мной такого не было, – слава богу, мне не пришлось этого увидеть от своей матери: она сразу же после родов от меня отказалась. Но зато ты хоть знаешь ее, помнишь, как она выглядит. А я нет.

– Не мешай, – Соня меня перебила, – дай рассказать. Потом меня определили в детский дом. Первое время я была серой мышью. Старалась отдалиться от реальности и жила в своем разрушенном мире, где только одна я и никого больше. Иногда, по ночам, в те годы мне снился один и тот же сон: я иду по серому асфальту, а впереди – пустота. И я все равно иду, шаг за шагом, в никуда. А позади меня рушится дорога, и нет никакого

пути назад. Мне приходится двигаться, не останавливаясь, потому что если я надумаю вернуться в прошлое, то провалюсь в черный мрак. Только к седьмому классу я вышвырнула всю эту гадость на хер из головы. И начала потихоньку выползать из тени в мир красок. Мне понравилось находиться в толпе людей, это был офигенный кайф.

Соня начала водиться с плохими дворовыми ребятами и повторять подвиги своей идиотки-матери: пить разный алкоголь, курить травку, которая давала возможность оторваться по-настоящему. Ну, и потом стала фанаткой секса. Начала зависать во дворах, в подъездах или у кого-то на хате. В детский дом приходила поздно, из-за чего ее хорошенько мутузили. Воспитательницы подговаривали старших девчонок, чтобы они ее хорошенько проучили. Соню закрывали в комнате со старшими, и они измывались над ней, как могли.

– Меня били изо всей силы по тем местам, где не будут видны ссадины и синяки, – я слушал и сам чуть не плакал, вспоминая собственную боль: всегда держался, ржал над всем на свете, а под рассказ Сони раскис, – все тело скрипело как будто у старушки. Боль сигналила во всех частях тела. Нередко на руках были следы от бычков. На перекурах девочки дымили прямо в этой комнате пыток, все равно им за это ничего не было.

– Им разрешали?

– Ну да, они же были правой рукой воспитателя, – Соня усмехнулась, – иногда они мне предлагали покурить после выматывающей пиздилки. Я тянулась с надеждой, что это все, что ничего плохого больше не будет, но они обманывали меня. Изо всех сил ударяли ладонью по моим протянутым пальцам и при этом говорили, как будто только узнали: «Да ты еще и куришь! На тебе за это!» И все начиналось по второму кругу. Через пару лет у меня как будто отмерли все нервные клетки, в которых пульсировала боль. Меня начал возбуждать весь этот садизм-мазохизм. Когда меня били, я начинала возбуждаться, и толку от этого воспитания уже никакого не было. Ну, кроме того, как доставлять мне удовольствие.

Я сидел с открытым ртом. Множество вопросов заполняли мою голову. Я думал о себе. О собственных травмах и несчетных синяках. О своих странных отношениях с девушками. И о том, что в последнее время постоянно мечтаю о смерти – хочу испытать все, что только можно до восемнадцати лет, и потом сдохнуть. Почему? Я пока и сам не понимал. Но я не хотел возвращать Соню в прошлое. Мы оба могли не выдержать.

– Ладно, все, пошли, – я резко поднялся.

– Да, – она задумчиво встала следом, – нас уже вожатые,

наверное, заждались.

Пока мы шли по дороге, которая вела к нашему корпусу, на ней не было лица. Как будто все то, что она мне рассказала, произошло сейчас, пока мы разговаривали. Мне хотелось ее понять и посочувствовать ей, но я не мог. Я рухнул в свою собственную боль, в лицо которой раньше всегда смеялся. Но меня ведь тоже жестоко били, швыряли, как ненужную игрушку, по углам. Я сам теперь удивлялся, как все это выдержал, словно был замороженным ребенком, с отключенными чувствами. Возможно, что так и было. И вот теперь откуда-то из глубины полезли мои собственные эмоции. Я хотел как можно скорее справиться с ними, затолкать обратно. Если я буду чувствовать, если не заставлю отмереть свои нервные клетки, то просто не смогу жить. Не сумею вытерпеть боль. И свою боль, и боль Сони, и боль многих других детей, которые постоянно, круглосуточно вокруг меня.

Пока шли к корпусу, мы с Соней старались как-то себя утешить. Но воспоминания тут же губили усилия, и опять выступали слезы.

Так и прошел весь день с момента окончания нашего разговора. Наступила ночь. Птицы прекратили петь песни и, обхватив теплыми крыльями птенцов, спали в своих гнездышках. Морской бриз играл с зелеными листочками на деревьях. В небе сияла бледная луна, придавая звездному небу особый свет. На улицах стояли фонари, они ярко освещали дорожки. Все мы уже лежали в своих постелях – кто-то играл в гаджеты, кто-то тихо переговаривался между собой, а кто-то спал. Вдруг раздался стук в дверь. Все мигом спрятали свои телефоны, легли на бочок и притворились, что спят.

– К вам можно? – прошептал чей-то силуэт.

– Ты кто? – спросил сосед, лежащий надо мной, на втором ярусе кровати.

– Я к Гоше!

Я засмутился. Неужели кому-то я был настолько нужен, чтобы переться ко мне из другого конца коридора?

– Это ты, Сонь? – сказал я, пробуя угадать.

– Да, это я. Пойдем курить?

– Блин, у меня нету. Мы с тобой сегодня днем последнюю выкурили.

– Зато у меня есть, – она не сдавалась, – давай одевайся, вожатые все спят.

Приказала, словно старшая сестра, а мне нечем было возразить. Я послушался.

– Давай, выхожу!

Натянув штаны и шерстяную кофту – по ночам было прохладно, – я поспешил за ней. Мы сели под кусты, которые росли недалеко от футбольной площадки. Протягивая мне сигарету из новой, только что открытой пачки, она почему-то улыбалась. Мне нравилась ее улыбка – она сразу становилась беззащитной и такой милой. Мы закурили сигареты и стали любоваться ночной красотой. Она осторожно, не спросив моего согласия, положила голову мне на плечо, ну а я прикоснулся щекой к ее мягкой макушке.

– Меня бесит, когда меня судят те, кто вообще понятия не имеет, кто я такая и что из себя представляю, – она сразу и взволнованно вернулась к нашему разговору. – Что они знают обо мне? Ничего!

– Согласен!

– Видят какую-то шелуху, – она нервничала все больше, – но я такая, какая есть. И под других подстраиваться ни хрена не собираюсь. Я никогда никому не буду доказывать, что я хорошая. Пусть лучше они мне попробуют доказать, что я плохая! Живу для тех, кому нужна. Дружу с теми, в ком уверена. Общаюсь с теми, кто мне приятен.

Я слушал, кивал и думал про себя: «Откуда у этой девчонки в голове мои собственные мысли?»

– И мне плевать на критику тех, кто чужой, – она резко откинула со лба волосы, – нужно тупо меньше думать о таких. И больше отрываться по полной, радоваться тому, что сейчас. Ведь завтра может наступить конец света!

– Да, – и снова мои мысли, с которыми мне вдруг захотелось поспорить, – меня тоже иногда бесит критика других людей. Но ведь критик может быть как зеркало, в которое ты смотришься и видишь свои минусы и плюсы. Если честно, я благодарен каждому, с кем столкнула меня жизнь. Одним за помощь, другим за пример, третьим за урок. А некоторым за то, что они до сих пор со мной. Неважно, тонул я в дерьме или стонал по пустякам. Вот таких нужно искать людей! Которые всегда будут рядом. Которые подадут тебе руку, чтобы ты вылез из дерьма, поддержат и в крупном, и в пустяках. И попробуют сделать так, чтобы на твоём кислом лице засияла улыбка.

Она обняла меня так сильно, как будто я был мягкой игрушкой, и проговорила:

– Иногда бывает очень сложно объяснить все то, что я сейчас чувствую.

– И мне тоже, – я прижал ее к себе, – иногда мне кажется, что еще недавно у меня вообще не было чувств. А сейчас они просыпаются. И я их боюсь.

Я сидел и сам не мог понять, что сейчас происходит. Почему я в первую же ночь сижу в кустах и в обнимку с девушкой, которая еще не знает меня, не знает моих минусов и плюсов. Она просто сразу доверилась мне. И воспринимает меня так, как видит своими глазами. Вот бы все люди, с которыми сталкивает меня судьба, умели так!

– О боже! – я шуточно закричал, чтобы разрядить обстановку. – Как так могло случиться? Красивая девушка сидит рядом со мной, греется у меня на груди, а мы еще даже не целовались.

– Что-то не так? – игриво усмехнулась она.

– Все так. Лежи, как лежала, – засмеявшись, ответил я, – просто имей в виду на всякий случай, я тот человек, который может за секунду психануть, возненавидеть весь мир и через пару минут как ни в чем не бывало заулыбаться и говорить, как прекрасна эта жизнь.

Она тоже засмеялась, и мы замолчали. Сидели в тишине, обняв друг друга. Блин, это было так прикольно! Просто тепло родных душ. Ни мыслей о сексе, ничего. Кстати, забегаю вперед, мы с Соней так и остались как брат и сестра, никаких приключений. Но время поджимало, и нам надо было идти в свой корпус, чтобы лечь спать. А нам было настолько комфортно друг с другом, что хотелось в такой вот позе, обнявшись, пролежать до утра. Но меня клонило в сон, да и ее тоже. Она легла на мои колени и, прикрыв глаза, лежала неподвижно. Я начал щекотать ее по животу.

– Блин. Хватит щекотать, – вскрикнула она, – если что, то я не несу ответственности за нанесенные травмы! Могу случайно сделать тебе очень больно!

Мы неохотно поднялись с холодной земли, снова выкурили по сигарете и отправились в корпус по своим комнатам, пожелав друг другу спокойной ночи. Я, не раздеваясь, упал на кровать и сразу же отрубился. Мне стало так хорошо и спокойно! Я понял, что в мире есть люди, которым неинтересно ругать меня и осуждать. Они видят во мне что-то большее, чем мои поступки, – то, что я ощущаю в себе, но никак не могу понять.

Глава 25

Каторга

До конца четвертого класса я еще старался учиться. А вот в пятом классе, с подростковым возрастом, все резко изменилось. Мы перешли в учебный корпус, и там все снова в который раз оказалось другим. Новые преподаватели, новые предметы. Сложно было во всем этом разобраться. Тем более меня занимали совершенно другие мысли. И связаны они были совсем не с учебой. И это несмотря на то что у нас в баторе собрались в общем-то хорошие учителя.

По физике был очень старый учитель – он потом умер. Когда преподавал у нас, уже реально был очень древним, ему было не меньше восьмидесяти лет. Каждое утро, до начала уроков, он выходил на нашу спортивную площадку. Специально приезжал в детский дом пораньше – где-то в семь утра уже был на месте. И мы, поеживаясь от холода после теплой постельки, наблюдали за ним из окна. День он начинал с упражнений – подтягивался, приседал, отжимался. Прикольно было! Мы вечно удивлялись, как у него хватает энергии. А он, думаю, делал это специально для нас, чтобы мы, глядя на него, тоже увлеклись спортом. Но куда там! Нам было лень.

Биологичка у нас тоже запоминающаяся была – с необычной прической. Мы сидели на ее уроках и гадали, парик это у нее или настоящие волосы. Даже поспорили однажды. Оказалось, настоящие.

Математику у нас вела Ольга Сергеевна, тоже бодрая такая старушечка. Она все время вокруг меня прыгала:

- Гоша, Гоша, заниматься, заниматься, давай, давай!
- Не хочу.
- Гоша, Гоша, надо! Давай, давай!

Она беспокоилась за меня. Но у меня уже совсем не было сил на учебу. Все они уходило на чувства и на мысли о жизни, в которых я теперь постоянно пропадал.

Нашим классным руководителем был историк, Евгений Константинович. Молодой такой, огромный, широкий. Всегда, когда у нас были каникулы, выгонял нас на улицу.

– Так, все, на площадку, на площадку! – зычным голосом кричал он.

Мы смотрели на него молча, несчастными коровьими глазами.

- Все, выходим-выходим! – историк не отставал. – На

площадку, заниматься спортом!

– Нееееет, – мы ворчали и упирались, – у нас каникулы.

– Спортом надо заниматься! – упертый был, жуть. – Есть свободное время – значит, спорт!

– Неее, неохота.

– Давайте! Подтягиваться, отжиматься. Будете такими, как я.

– Не надо нам, как вы, – мы вяло отмахивались. – Мы хотим отдыхать.

– Да хватит вам, – он нас опять теребил, – пойдете, хотя бы погоняем мяч! Поиграем во что-то.

Мы ныли, сопротивлялись, но все-таки шли за ним. Хороший он был мужик. И гонял, и массаж нам делал, плечи мял. Но до его энергии мне, например, было далеко. Я в то время чувствовал себя как воздушный шар, из которого выкачали весь воздух.

Была еще русичка Елена Анатольевна, которая больше всех заставляла меня учиться. Вот ей я благодарен за то, что она так упорно возилась со мной. Хотя толку было – ноль.

– Гоша, занимайся русским языком. Учи правила! Гоша!

Она от меня не отставала. Если какое-то сочинение я вовремя не сдавал, все. Целый год мне о нем напоминала.

– Гоша, сочинение! Гоша, сочинение! Сдай сочинение! Получи оценку!

Она не забывала обо мне, и ей не надоедало меня подгонять. Надоедало все это мне.

– Ну, Елена Анатольевна, – я упирался, не хотел ничего писать, – ну давайте попозже.

– Нет-нет, тянуть уже некуда, – она опять за свое, – давай!

Но у меня никакого хотения на все это не было. Я не понимал, зачем нужно заниматься русским языком. Книг тогда не читал, просто ненавидел это делать. Еще в младшем корпусе все желание к ним отбили – нас там каждый раз в субботу или воскресенье сажали всех и заставляли вслух по очереди читать хрестоматию или какие-нибудь другие зверски скучные книги. Меня от такого времяпровождения просто тошнило. И еще мне совали постоянно какую-то книжку, которая вообще была написана для взрослых. Автора я не помню, но на обложке красовалась фотография какой-то бабы с собакой. Ее образ так и остался у меня перед глазами, до сих пор раздражает. Я кое-как читал, мучился. Иногда возбужал.

– Вот на фига?! Это вообще для взрослых!

Но меня не слушали. Раз за разом подсовывали ее. Там ни картинок не было, ничего. Только черно-белые страницы с мелкими буквами, и все. А единственная книга, которую я по собственному желанию иногда читал, была про Флинстоунов.

Мне эту книжку – огромную такую, красочную – подарили, когда я в психоневрологическом санатории лежал. Потом я узнал, что, оказывается, еще и мультик такой есть, про первобытных людей. Но ту книгу я читал, потому что там были огромные картинки на каждой странице и, условно говоря, к ним по три слова. Что-то типа комиксов. А других книг, кроме детской Библии, где тоже одни картинки, я не помню.

Еще у нас был физрук. Сначала Сергей Юрьевич – такой молодой, мы всегда с ним играли. А потом вместо него пришел старичок харизматичный, не помню, как его звали, но он всегда побеждал в тяжелой атлетике. Ездил по каким-то своим соревнованиям и брал призы. Побеждал, наверное, потому, что только один там и остался из всех, кто в его возрасте занимался. Отчество у него было Яковлевич. И мы постоянно его дразнили.

– Эээ, Яка, ты где? – крутились вокруг в спортзале, как будто его не видим. – Яка, Яка, ты где?!

Он был очень маленького роста – меньше многих из нас. И такие выходки приводили его в ярость.

– Так, быстро встали, – шипел он, – встали, встали в шеренгу!

– Аааа, Яка, вот ты гдееее! – мы тогда поворачивались к нему. – Не ори, не ори! Встаем.

И еще в нашей школе работал трудовик, которого мы звали Саньчем. На одной руке у него было только три пальца, и он все время легенды рассказывал про отрезанные два пальца. Он, кстати, был мужем заместителя директора, Раисы Ивановны. Тоже нормальный мужик.

А вот по английскому у нас с самого начала ничего не получалось – пришли преподаватели, которые в принципе не хотели преподавать. Сначала уроки вела какая-то молодая англичанка. У нее мы с осени, вместо того, чтобы заниматься, рисовали открытки на Новый год. Потом пришла другая, не лучше. Мне уже тогда вся эта бесполезная фигня надоела, и я тупо срывал ей уроки, постоянно устраивал какой-нибудь кипиш. Поначалу, правда, она еще пыталась чему-то нас учить, но потом поняла, что это все бесполезно. И тогда она просто стала показывать нам фильмы на английском языке. Поставит кино, а сама уйдет. Мы ничего не обсуждали после просмотра. Просто сидели и тупо смотрели картинки. Большинство из нас ни слова не понимали. Было всего несколько человек, которые еще что-то вдупляли – они сами для себя решили, что им это надо, и как-то там занимались. А такие, как я – ни в зуб ногой, – просто смотрели на экран, сидели в телефонах или играли в пи-эс-пи. В общем, занимались своими делами.

И математика у меня, кстати, несмотря на старания Ольги

Васильевны, хуже некуда шла. Потому что к тому времени я ее совсем уже не понимал. Хотя мне по-настоящему вдалбливали правила, по сто раз объясняли задачи, звали на индивидуальные занятия, чтобы «закрыть пробелы» и позаниматься один на один. Но я каждый раз забивал, думал, что мне это все не надо. Если я и так не понимаю, зачем мне туда ходить? В итоге я просто списывал все время. Слава богу, рядом со мной Некит сидел, который понимал эту гребаную математику. Спасибо ему за это!

– Некит, дай списать!

– На! – он двигал ко мне свою тетрадь.

– Спасибо!

Я переписывал у него все контрольные, все задачи. По-другому вообще ничего бы никогда не сдал. Конечно, нас в классе было немного, всего восемь человек, и учительница прекрасно видела, что я не работаю сам, а все списываю у Некита. Она делала замечания постоянно, но это ничего не меняло. В итоге она просто устала со мной бороться.

– Делай, что хочешь, – говорила она, – это твоя жизнь.

– Да, – я соглашался, – знаю.

– Но все-таки надо заниматься! Понимать хотя бы азы математики.

– Да-да, – я что-то мямлил ей в ответ и продолжал в прежнем духе. Бесила меня эта учеба.

О будущем я тогда не думал. Просто оставлял все «на потом» и надеялся, что когда-нибудь, когда будет нужно, я запросто нагоню. А может, и нет. Если завтра, например, конец света. Или я просто возьму и умру. Смысла мучиться нет. Короче, это «когда-то» так и не наступило. По крайней мере, во время моей жизни в детском доме.

Хотя у нас были ребята, которые хорошо учились в школе. Некит, например, Саша, Даша. Даша, кстати, к нам позже пришла, я о ней еще не рассказывал. Их было две сестры – Даша и Диана. Даша была в моем классе, а Диана – на два года младше. Они попали к нам из кровной семьи, пришли после приюта. Дашу я сначала плохо принял. Мы с ней практически всегда дрались, потому что с первого дня я начал ее дразнить. И у нее, понятно, сразу сложилось обо мне плохое мнение. Как только она к нам пришла, мы пошли всем классом в столовку. И я, думая, что «новенькая» меня не видит, начал ее изображать. Она тогда была пухленькая, и я, такой, в дверях столовой раскорячился.

– Пф, пф, я толстая Даша, никак не могу пройти!

А при этом оказалось, что она стоит прямо за моей спиной и за всем этим цирком наблюдает.

– О боже, – увидев ее, я немного смутился, – прости!

– Ну, все понятно.

Она не стала долго разбираться. И – тфффф – сразу дала мне по морде. Точнее, сначала толкнула в плечо со всей дури, мощно так получилось, с ее-то весом. А потом заехала по морде и начала молотить, куда попало. Мы с ней тогда мощно подрались и с тех пор дрались постоянно. У нее была тяжелая рука. Я как джентльмен старался особо сильно не отвечать, но иногда она реально доставала. Вынуждала меня тоже драться по-настоящему. И тогда уже нас разнимала Татьяна Владимировна. Очень крутая воспиталка, это как раз та самая, которая пришла к нам из другого детского дома и про родоков каждому из нас рассказывала, что знала. Она вообще говорила с нами и на эту «скользкую» тему, которой никто из взрослых не касался, и на многие другие. Прикольная такая была. И вот, когда я впадал в истерику и начинал эту Дашу чокнутую по-настоящему мочить, так что мы уже по полу катались, Татьяна Владимировна сама ложилась на меня сверху, чтобы как-то остановить. И старалась обернуть все это в шутку, рассмешить меня, чтобы я расслабился и успокоился.

– Ну что, нравится? – спрашивала она задорным таким голосом. – Смотрите, Гоша истерит! Эй, эй, истеричка!

А она такая была довольно мощная, тяжеленькая, я начинал под ней задыхаться, хватал ртом воздух. И, конечно, хотелось ржать.

– Аа, – трепыхался я, – Татьяна Владимировна, пустите! Нечем дышать!

– Гоша, Гоша, – она продолжала, – Гоша истерит!

В общем, офигенная была баба. Мы ее слушались, делали так, как она скажет, потому что она крутая была и всем нравилась. Татьяна Владимировна сменила нашу нелюбимую питалку, которая была у нас в начальных классах, Софью Николаевну.

А с Дашей мы потом подружились. И дружим до сих пор.

Честно говоря, про учебу мне рассказывать, в принципе, нечего. Мне не было это важно, я жил другими вещами. Вот с девушками отношения – да, помню много. Как воровал, с кем бухали, дрались, как наркоту пробовал, это в памяти очень хорошо отложилось. До сих пор живые картины. И мысли свои помню, и даже чувства. А вот образование было мимо. Я жил сегодняшним днем, это был мой принцип – жить здесь и сейчас. А завтра мы все равно умрем.

Больше того. Я часто молился, чтобы завтра мы умерли – я и мои друзья. Чтобы не дожили до выхода из батора, потому что не хотел насилия над собой после детского дома. Конечно, я о косвенном насилии: вот это вот всякая там работаааа, быыыит,

заполнение каких-то бумаг, хождение по долбаным неясным инстанциям. Я вообще не понимал, что с этим делать. Слишком страшно. Нас в детском доме этому не обучали и ни к чему такому не готовили. Как там люди живут по ту сторону забора? Хрен пойми! Здесь-то шесть раз в день кормят, сухо, тепло, платить ни за что не надо. Поэтому я реально думал, что лучше завтра умереть. Мне сейчас самому странно это говорить, но вот были такие мысли, на полном серьезе. Поэтому и старался как следует повеселиться, прямо сегодня взять от жизни все, что можно, и ни в чем себе не отказывать. Подурачиться, побеситься, как следует посмеяться. Я всегда, все свое детство смеялся. Как debil. Софья Николаевна постоянно мне об этом говорила:

– Ты debil, Гынжу, – а сама смеется, – де-бил!

– Почему? – а сам еще больше хохочу.

– Ты рыдаешь-рыдаешь, а потом резко начинаешь ржать. Точно debil! Смех без причины признак дурачины.

– Софья Николаевна, я не виноват, что я такой жизнерадостный ребенок!

– Да ты просто даун, Гынжу!

– Софья Николаевна!

И мы вместе ржали.

Я всегда смеялся – и с причиной, и без. До сих пор улыбка не сходит с моего лица. Потому что смех сильнее боли. Уж это-то я, не в пример школьным предметам, четко усвоил.

Глава 26

Светская жизнь

Это было перед началом лета, перед девятым классом. Нам вдруг сообщили, что всех баторских переводят теперь в общеобразовательную школу. И мы с этого момента сидели как на иглах. Как так? Какую еще школу?! Это же новые учителя, новый коллектив, а у нас девятый класс, после которого надо государственные экзамены сдавать. И несколько месяцев уйдет только на то, чтобы адаптироваться к коллективу, чтобы понять, чего от нас хотят в новой школе, а чего нет. Как они нас воспримут?!

Все лето прошло с этим страхом. И в новую школу первого сентября мы шли как на казнь. Но в итоге как-то так незаметно – бамс! – и реально, наш класс нас принял. Мы их приняли тоже. С детьми все сложилось шикапно. Мы даже сами удивлялись, что так быстро вклинились. И сама школа тоже оказалась крутой. Когда у меня появится сын или дочка, если еще не закроют эту школу, я своего ребенка с удовольствием туда отдам. Они там реально дают саморазвитие – не случайно называется «школа самоопределения». Дети делают всевозможные проекты, есть богатые школьные традиции. Праздники, тематические недели, игровые занятия проходят. Короче, реально можно с удовольствием заниматься и многому научиться. Выпускники этой школы становятся вполне нормальными людьми. Но только не я. У меня до ОГЭ оставался всего один год, и я напоминал себе рыбу, которую вытащили из воды – хватал ртом воздух: «Вау, прикольно, прикольно!» – но ничего не понимал и никуда не мог успеть.

К тому же некоторые учителя меня не приняли. Многие из них просто банально не знали, что делать со мной – я был на уровне третьего-четвертого класса общеобразовательной школы. Не могу сказать, что нас в детском доме плохо учили или совсем ничего не требовали. Заставляли, пытались, но в то же время понимали, что если человек не хочет, то ничего с ним не сделаешь. Хотя руки-то все равно не опускали. И Елена Анатольевна, и Ольга Васильевна, они бились за меня до последнего, реально заставляли учиться.

– Ну, Гош, ну сядь! Иди-иди сюда. Я тебе еще раз все объясню.

– Ну, Елена Анатольевна, ну бесполезно!

– Нет! Вот смотри, – в сотый раз она объясняла одно и то же, – так что такое сказуемое, а что такое подлежащее?

Я отвечал.

– Вот же, все тебе понятно!

– Ага.

Опять я за один урок все понимал, все мне становилось ясно, а потом я уходил из класса и снова – бамс! – из головы в сотый раз все вылетало. Как будто никогда в жизни я не слышал ни о каких сказуемых и подлежащих. Стоило отвлечься, и все, опять чистый лист. Как ни пытался, знания не получалось удержать в голове. Не могу сказать, что я сильно по этому поводу переживал, я же тогда не знал, что у других людей это не так. Просто думал: «Если не получается, ну на фига себя мучить?».

А тут, в школе за пределами батора, все стало по-другому. Никто не понимал, что у меня такая, особенная, память в плане учебы. Да и в классе уже не семь человек, а тридцать, откуда у учителя время по сто раз мне одному все разжевывать и объяснять?

С первого дня начались жесткие проблемы с математикой, а следом за ней поплыло уже и все остальное. И я думал: «Если я не понимаю математику, эту «царицу наук», как они говорят, значит, не понимаю все предметы». Ну и все, я окончательно забил на учебу. Просто начал сливаться каждый день.

Хотя у нас там была, например, офигенная училка – Марина Александровна. Она преподавала русский язык и литературу. Просто гениальная женщина! У нее была какая-то своя методика, и я сидел на ее уроках, открыв рот. Как же интересно она рассказывала! Как никто умела заинтересовать. А ее мать вела у нас МХК и музыку. На этих уроках мы, правда, засыпали, но сейчас не об этом. Марина Александровна была очень крутая! Жаль, что я так поздно ее встретил, думаю, если бы классе в шестом, мог бы хотя бы книги начать читать. Увлечься. А в девятом классе уже не начал, с русским тоже особого прогресса не произошло – как делал в каждом слове по три ошибки, так и продолжал. Если раньше я думал: «Рано, потом нагоню», то теперь размышлял так: «Все, уже поздно. За один год невозможно выучить все и нагнать». Поэтому плыл себе и плыл по течению – будет то, что будет. Не допускают к ОГЭ, ну и хорошо, все равно не сдам, чего зря позориться. А если бы серьезно об учебе переживал, точно бы тронулся умом. Меня больше волновало мое место в жизни – есть ли оно? Или я так и буду вечным странником, который не знает, где его дом?

Я тогда решил, что останусь на второй год, и вот его уже реально кину на то, чтобы учиться. А пока – бесполезно. Я не понимал, как преподает математичка, не мог сообразить, что она вообще говорит. Ладно, старые темы – через раз худо-бедно что-

то там еще вспоминал. Но новая информация в голову совершенно не заходила. Материал она давала на непонятном мне языке – было такое чувство, что сижу и слушаю урок на китайском. Куча терминов, специальных слов. Я только глаза таращил: «Что, блин?! Ладно, посижу пока, учебник полистаю». Она считала, что математика у меня на уровне третьего класса. А тут сразу девятый! Это просто взлом мозга.

По английскому я тоже не мог с места сдвинуться – точно такая же абракадабра. Мы с англичанкой договорились о том, что буду просто тихо сидеть на ее уроках и за это получать свои тройки. То есть «удовлетворительно» она мне ставила просто за то, что я не «взрываю» класс. Поначалу она еще что-то пыталась сделать – давала мне простые тексты переводить, для первого года обучения буквально, еще что-то предпринимала. Но потом поняла, что совсем никак. Максимум, чего от меня можно добиться, это чтобы я не мешал заниматься другим. Потому что до нашей договоренности я просто срывал уроки. Хихикал, ржал как больной, перебивал ее, включал музыку на всю громкость, разговаривал с соседом по парте. Ее, конечно, бесило. А я и сам не знаю, зачем так себя вел. Наверное, от отчаяния.

– Гынжу! – она краснела от ярости. – Завтра родителей в школу!

– У меня родителей нет, – я смотрел на нее с вызовом.

– Приводи директора детского дома, воспитателя. Кто у вас есть?

– Окай, – я не спорил, соглашался. И никого, конечно, не приводил.

Но один раз директор детского дома вместе с заместителем все-таки пришли по моему поводу в школу – их официально вызвали. Сам Виктор Яковлевич и еще Светлана Борисовна. Это было в конце учебного года, когда меня готовили на отчисление. Большие начальники вместе с директором школы закрылись в его кабинете, а меня посадили в коридоре ждать конца этого совещания. Правда, я так и не узнал, о чем они говорили и чем все закончилось: сначала сидел в коридоре, ждал их, ждал, потом оказалось, что все это занимает слишком много времени, поэтому я просто встал и пошел гулять. Надоело сидеть в коридоре.

Но это было уже в финале. А вначале, в сентябре, я еще ходил на все занятия. Потом постепенно стал все больше и больше пропускать – все равно ничего не понимал. И где-то перед Новым годом окончательно забил на школу – на уроках фактически не появлялся. Если поначалу сидел, писал на уроках, старался что-то запомнить и, когда надо, ответить на вопросы, то потом, если и писал что-то, то чуть ли не левой ногой. Надоест – поставлю

точку и сижу, смотрю в потолок, ничего не делаю. Сижу, листаю ленту ВКонтакте, потом выйду в туалет, потом – покурить. Вернусь, все, урок уже закончился.

– Гоша, где ты был?

– В туалете, – отвечал я вежливо, – простите, живот заболел.

С весны я окончательно перестал появляться на уроках – целыми днями гулял. Выходил утром из детского дома вместе со всеми, шел в школу – надо же было сказать одноклассникам «привет!», руки пацанам пожать, покурить с ними, постоять, поразговаривать. А потом – бзззззз, звонок!

– О, пацаны, у вас урок! Давайте, дуйте. А я пошел.

И гулял. Ехал в центр, шатался по Москве, изучал город. Открывал для себя новые места. Думал о жизни. Я везде ходил один, никого за собой не тянул и прогуливать друзей не подбивал. Если им надо – пусть учатся. Конечно, мне все говорили одно и то же:

– Гоша, ты проебываешь школу!

И друзья говорили, и одноклассники; и учителя, и сам директор детского дома – только другими словами.

– Я знаю, – отвечал я, и на этом наш разговор и заканчивался.

Что будет дальше, я не понимал. Просто надеялся, что меня оставят на второй год. Не знал, что школа наотрез отказалась это делать, и думал, что уж в следующем-то году я реально начну заниматься. К нам в детдом в конце учебного года как раз начали приходить всякие студенты-волонтеры, которые бесплатно занимались репетиторством. Еще у нас появилась новая воспитательница Елена Васильевна – она раньше математичкой работала, когда еще школа была у нас в детском доме. И она тоже с нами занималась бесплатно. Я сам себя успокаивал тем, что теперь-то возможности есть, со следующего года реально буду учиться.

Елена Васильевна в тот же год попробовала позаниматься со мной, чтобы время не терять.

– Гоша, давай, – настаивала она, – несколько месяцев осталось, подготовлю тебя к ОГЭ. На тройку сдашь!

– Елена Васильевна, простите, – отвечал я, – вообще в голову ничего не лезет. Сейчас я реально не хочу вникать.

– А чего хочешь-то? Времени уже практически нет!

– Сейчас я хочу погулять хорошенько, – отвечал я, – а в следующем году мы с вами встретимся.

– Ну, ты дурной! – не выдерживала она.

А я и не спорил. Сам так считал, только вслух не говорил. И мысленно отложил все на следующий год. Хотя школа тем временем уже оформила документы на мое отчисление. И

никакая учеба мне, грубо говоря, в принципе не грозила.

Глава 27

Я – никто

К пятнадцати годам я уже, естественно, не надеялся найти семью и давно перестал ждать маму. Какая мне мама? Три года, и исполнится восемнадцать. Я пью, курю, живу половой жизнью, ворую. Прекрасно понимал, что приемные родители, если они каким-то чудом ко мне и забредут, будут всего этого пугаться. Тем более я уже прошел к тому времени через множество знакомств, благодаря которым окончательно понял, что взрослые боятся подростков-сирот.

От меня всегда отказывались. Приходили, знакомились и отворачивались. Я прекрасно знал, что ничего хорошего в баторе приемным родителям обо мне не расскажут. Понимал, что очередные люди придут, послушают, какой я «хороший», и уберутся восвояси. Точнее, даже убегут, сверкая пятками. Ко мне за время жизни в баторе приходили то ли восемь, то ли девять семей. Но так меня никто и не забрал.

Сначала была та самая тетя Ира, которая забирала в гости по выходным. Я об этом в начале рассказывал. Потом был дядя Жора, это уже в младшей школе. Он оформил какие-то документы, чтобы тоже забирать меня из батора, и один раз сводил на футбол. Мы с ним поболели, как следует поорали, покричали. Когда возвращались со стадиона и проходили мимо сладкой ваты, я попросил:

– Дядя Жора, а можете, пожалуйста, купить сладкую вату?

– Нет, в следующий раз.

Следующего раза не было. И, как оказалось, слава богу. Только через несколько лет – то ли в шестом, то ли в седьмом классе – мне сообщили, что это был извращенец. Педофил. На него было заведено уголовное дело, и как раз, когда он за мной пришел, все это каким-то образом вскрылось. Поэтому в детский дом его больше не допустили. Но я-то не знал об этом, ждал, как дурак, и опять страдал. Потом была та молодая женщина, которая увидела меня по телевизору. Я тоже рассказывал. Дальше ко мне приезжала семейка – какие-то там все из себя заслуженные спортсмены – из Питера. Они, кажется, видео обо мне увидели в Интернете. Меня к тому времени еще раз снимали, приезжали от какого-то благотворительного фонда, делали видео и выкладывали в Сети. С ними наши воспитатели тоже «успешно» поговорили.

– А вам вообще-то кто нужен? – первый вопрос с порога. Как

будто мы на рынке или в магазине. И это при том, что их мама четко сказала, что они приехали ко мне.

– Нууу, – отец семейства задумался, – мальчик, который спортом занимается.

– Оооо, – питалка, сволочь, обрадовалась, – тогда это точно не Гоша! У Гоши танцы, он занимается хореографией и еще увлекается плетением на коклюшках. Спорт совсем ни при чем.

– Ээээ, понятно.

И после этого они просто ушли, больше не появлялись. А, кстати, я ведь реально на коклюшках плел. Умора! Ну вот тут они мне и сослужили злую службу, эти коклюшки.

Потом были еще какие-то люди. Еще. И уже в самом конце, в девятом классе, когда мне было пятнадцать с половиной лет, приходила знакомиться семейка бизнесменов. Они мне очень понравились! Я бы ради такой семьи расшибся в лепешку. У папы был свой бизнес, у мамы тоже. У них в семье было трое детей, и все кровные. Старший, тринадцатилетний Сережа, уже тоже деньги зарабатывал – какие-то прирожденные предприниматели все как один. Сережа в какой-то там передаче на телике снимался, кажется, на канале Москва-24. И еще было двое маленьких. Мальчик пяти лет и девочка лет шести. Но это все я потом узнал, когда нашел профиль этой мамы ВКонтакте и хорошенько изучил. А сначала они ко мне только вдвоем пришли – мать и отец. О себе и своих детях ничего не рассказывали, сказали, что приехали взять у меня интервью и посмотреть, как живут дети в детских домах. Ну ок! Мне за эти годы какой только лапши взрослые люди на уши не вешали. Интервью так интервью. Если они думают, что все сироты тупые как пробки и не понимают, кто и зачем на самом деле в батор пришел – пожалуйста! Я на все их вопросы ответил, экскурсию им по детскому дому провел, правда, только по своему этажу. И стал ждать, что будет – согласятся они меня забрать или откажутся. И все-таки мне хотелось, чтобы они согласились. Я видел, что они люди богатые. На мужчине был шикарный костюм, явно сшитый на заказ – сидел он как влитой, именно по его фигуре. На руках рубашки у него были не пуговицы, а запонки, похоже, что золотые. Девушка, то есть мама, пришла в однотонном бирюзовом платье, простом, но очень красивом. У нее на запястье были часы с драгоценными камнями. Выглядели они оба очень солидно.

А потом мужчина обратил внимание на спортивные кубки, которые стояли у нас в баторе в витрине на первом этаже, и спросил:

– Чьи это кубки? Гоша, твои?

– Нет, – я честно ответил, как есть, – мой только за парикмахерский конкурс. Он вот тут стоит.

С нами была Елена Васильевна, старший воспитатель. И она тут же запела соловьем. Кто только за язык тянул?

– А эти спортивные кубки – нашего Сергея. Он такой молодец! Такой талантливый мальчик!

– Можно с ним увидеться, поговорить? – мужчина потерял ко мне интерес. Как будто я стал невидимкой.

Позвали Сережу. И в тот момент я почувствовал такое унижение! Мне стало очень больно – как будто меня жестоко предали. То ли все прошлые отказы сразу вспомнил, то ли так сильно задело то, что они пришли ко мне, а в итоге пригласили другого пацана и теперь открыто интересуются им. Я не знаю. Но вот то, что они при мне стояли и – ни стыда, ни совести – беседовали с этим Сережей, просто убило. А я-то, дурак, уже мысленно представлял себе, как приду в их семью, как мы станем жить. Мало мне было в жизни унижений? Теперь еще эти придурки, которые у меня на глазах подбирают себе кого-то другого. Я стоял, потерянный, и не знал, что мне делать: остаться или уйти. Мужик полностью переключился на Сережу. Но мама все равно поглядывала на меня. И поэтому я остался. Наверное, я ей все-таки понравился. Потом мы стали прощаться.

– До свидания, спасибо за экскурсию!

– И вам до свидания, не хворать!

На этом все. Потом несколько раз приезжал этот мужик, уже без жены, и забирал к себе в гости Сережу. Возил его на какие-то соревнования по карате. Они на этой почве и сошлись – Сережа как раз за карате получил свои кубки, а мужик оказался бывшим каратистом. Я смотрел на это все и крыл их про себя матом. Что за люди? Как шлюхи. То передо мной хвостами крутили, то теперь переключились на другого пацана. И ладно бы как-то словами все объяснили, сказали мне честно – мол, так и так, мы приходили к тебе, но поняли, что не сможем продолжить знакомство потому-то, потому-то. Но ведь нет! Все молча и втихаря. Вот только в то время я уже не был безответным малышом, решил, что не стану молчать и снова размазывать с горя сопли по подушке. Как раз тогда нашел эту маму ВКонтакте – она была Светлана какая-то там, набрался наглости и написал ей личное сообщение. Решил докопаться до сути.

Написал что-то вроде: «Привет! Зачем вы приходили в детский дом? Вы же приходили ко мне. А теперь больше не появляетесь». Она мне ответила: «Привет! Если спрашиваешь, скажу тебе честно. Понимаешь, информацию про сигареты, про выпивку, про то, что ты плохо учишься, мы восприняли спокойно.

Это нас вообще не задело. Но то, что ты воруешь, нас испугало. Поэтому мы и решили далеко не заходить». Я написал ей, что теперь все понятно. А она предложила встретиться на нейтральной территории и лично поговорить. Ну, лучше поздно, чем никогда. Мы договорились пересечься с ними в кафе.

До этой встречи, пока ждал, я переписывался с их старшим сыном, тринадцатилетним Сережей. Я его спросил, откуда у них в семье вообще появилось желание взять под опеку сироту, причем именно меня. Он сказал, что его родители увидели видео обо мне в Интернете, потом нашли мою анкету в базе данных детей-сирот. Там была фотография, которую они показали и ему. Но сначала спросили, не хочет ли он старшего брата. Чтобы с ним общаться, тусить. Серега с радостью согласился. А после того, как ему показали фотографию, он окончательно обрадовался, сказал: «Вау! Круто! Я с ним хочу познакомиться и дружить». У него, кстати, было огромное желание, чтобы родители меня забрали. Мы с ним даже хотели встретиться, познакомиться отдельно от родоков, но так и не получилось.

С его родителями мы встретились в центре, не помню точно, в каком кафе, но недалеко от офиса этого мужика, отца семейства. Посидели, поговорили. Женщина повторила все то же самое, что написала мне в сообщении. Сказала, что они все могут понять – и сигареты, и плохую учебу, – но только не воровство.

– Все нормально, – я за это время смирился с ситуацией, в который раз принял тот факт, что меня не возьмут, – просто некоторые люди, когда идут в детский дом, понимают, к кому они приходят и с чем могут столкнуться. И они все равно забирают ребенка, потому что пришли именно за ним. Или хотя бы сразу честно все говорят, как есть.

– Ну что ж поделать, – она смотрела мимо меня, куда-то в пол.

– Лучше не давать пустых надежд, – я решил тогда высказать им то, о чем молчал много лет, – вы пришли, возродили во мне детскую мечту и ушли. Зачем так делать?

– Ты знаешь, – они явно чувствовали себя неловко, – мы еще молодые. Нам пока, наверное, рано брать приемных детей.

– Да, конечно. Я теперь понял.

И мы попрощались. Кстати, расстались на хорошей ноте. То, что они все-таки встретились со мной и попытались что-то объяснить, меня успокоило. Это уже было хотя бы по-человечески. В общем, мы разошлись, и я с ними больше никогда в жизни не виделся. Сережу, кстати, они тоже не забрали в свою семью под опеку – он сам к ним отказался идти. Потому что сидел в баторе и ждал, когда его мать выйдет из тюрьмы. Ни о ком другом даже

слышать не хотел – так, походил в гости, и хватит. Надеялся, что мать освободится, и сразу его заберет. У нас половина батора было таких идиотов, как он. Сидели, ждали родоков из тюрьмы. Он от приемки отказался – такая перспективная семейка зря пропала – и в итоге дождался своей судьбы. Просидел в баторе до самого выпуска. Родная мать, когда вышла из тюрьмы, его не забрала. Как не забрали и многих других.

После всех этих историй с приемными семьями, которые приходили, а потом уходили, никто из них у нас, конечно, доверия не вызывал. Между собой мы всегда говорили, что сирот забирают только для того, чтобы получать на них деньги от государства. А иначе зачем мы им нужны, если от нас даже родные родители отказались? Большинство воспитателей нам про «берут ради денег» рассказывали. Какие-то страшные истории описывали в красках. И у нас в голове, как я понял потом, сложилась немного странная картина. Мы думали, что все приемные родители хотят взять детей-инвалидов, потому что за них много платят. Малышей тоже охотно берут именно поэтому – пособия на них большие. А вот подростков, даже здоровых, брать не хочет никто, потому что платят мало – намного меньше, чем за малыша. Кстати, про богатые семьи мы думали то же самое – хотят взять сироту из-за денег. А что? Денег много не бывает. Конечно, нам в голову не приходило, что деньги эти, пособия, будут уходить в семье на нас. Что еда, одежда, а тем более медицина и образование стоят дорого. Что существуют еще коммунальные платежи и многие другие расходы. Не было таких мыслей. Нам же в баторе еда доставалась бесплатно, одежду тоже приносили даром, мы жили на всем готовом. Не знали, что бывает по-другому, что за каждую мелочь надо платить. Так что нам казалось, семья получит деньги на сироту, положит их себе в карман и станет еще богаче. Поэтому и рыщут все приемные родители в поисках малышей, за которых дают большие деньги. Я только потом узнал, что все это совсем не так. Как раз-таки пособие на подростка-сироту больше, чем на малыша, чуть ли не в два раза. Но все равно сирот старшего возраста мало кто берет. Потому что есть еще причина – мы уже тогда о ней тоже думали и вот в этом не ошибались. Вторая причина – это жизненный «багаж», который у каждого из нас за спиной. Мы уже такие, пожившие. Повидавшие. А мелких разбирают, потому что они, типа, новенькие. Хорошенькие. В них еще можно много всего вложить и слепить что угодно. А из нас попробуй лепить. Себе дороже!

Короче говоря, понятно, что в семью путь мне был закрыт. Но в то же время, в глубине души, я на какое-то чудо еще надеялся.

Потому что страшно боялся выходить из детского дома. Скоро шестнадцать, еще два года, и выпуск. А что там за воротами? Я не знал. Понятия не имел, как там жить. И была все-таки глубоко-глубоко искра надежды, что найдутся люди, которые направят меня, найдут мне работу или чем-то еще помогут. Когда эти бизнесмены пришли, я как раз и подумал: «Вот! Вот они мне помогут, организуют мое будущее, найдут работу, дадут наследство». То есть мысли были такие. А не как в детстве: «Ооооо, семья, мамино тепло, забота, любовь, семейный очаг». Это уже пропало бесследно лет в десять-одиннадцать. Осталось в моем прошлом, в котором ничего подобного так и не случилось.

А, еще забыл толком рассказать про то, каких я хотел родителей. Конечно, они должны были быть молодыми. Важный критерий, потому что нужно оказаться с детьми на одной волне. А к пожилым – где-то за сорок-пятьдесят – я уже вообще ни за что идти не хотел. Вижу морщины, и сразу мысли: «Мне будет не о чем с ней говорить. Какая еще прогулка?! Нет, пожалуйста, не надо. Я даже не знаю, как с ней общаться и о чем. О Боге? Нет, спасибо! Это не ко мне». Еще я никогда не хотел попасть к людям религиозным. К тем, кто будет водить в церковь, заставлять молиться, креститься. У меня в классе все этого боялись, да и в целом в батаре желающих попасть в такую семью практически не было. И еще одно важное условие – конечно, родители должны быть богатыми. Собственно, у всех сирот в нашем батаре требования были такими. Подходящими считались добрые мамы – это мы считывали по глазам, по интонациям, по тембру голоса, по тому, как они обращались к нам. На мужчин, кстати, практически внимания не обращали. Всегда было важнее, какая женщина. Лично я только на женщину всегда смотрел. Потому что женщина в этом деле важнее мужчины. Я всегда изучал ее взгляд. Надо, чтобы добрый и нежный. Смотрел, чтобы губы мягкие, красивые, а не злобной ниточкой. Смотрел на руки – если плавные и изящные, то подходит. Мне всегда нравились какие-то восточные нотки в запястьях, в кистях. Руки и жесты почему-то мне всегда были очень важны. Вспыльчивый человек делает много резких движений руками. Это я по себе знаю. Как только видел такое у женщин, думал: «Нет, спасибо!» А если у нее с глазами, губами и руками все хорошо, то я делал вывод, что она добрая и хорошая. Тогда, думал я, и муж у нее тоже нормальный.

Вот такая вот прикладная сиротская психология.

Глава 28

Родственнички

Примерно в то же время, когда от меня отказалась семья бизнесменов, в жизни у меня случилось кое-что интересное: нашлись мои старшие братья. Одного звали Сергей Гынжу, а второго я уже не помню как. Кажется, Игорем.

Однажды сижу от нечего делать ВКонтакте, как обычно, смотрю странички друзей. И тут мне пишет какой-то Сергей Гынжу: «Привет, Гоша! Скажи, ты знаешь своих родителей?» Я удивился тогда, думаю, что это вообще за человек?! Залез к нему на страничку, посмотрел. Вроде обычный такой парень средних лет, и фамилия реально такая же, как у меня. Стало интересно, и я ответил: «Привет! Нет, не знаю. Я никогда их не видел». И вот тогда этот Сергей начинает мне рассказывать про моих родителей, говорит, что папа умер, а мать живет в Молдавии. И пишет: «А я твой брат». Я не поверил. Откуда? Не мог он просто так взять и меня найти, если до этого почти шестнадцать лет ни слуху, ни духу. Молчу в ответ. А он продолжает! «Мы тебя потеряли и долго-долго искали. В роддоме нам вообще сказали, что ты при смерти. Как же обрадуется мама, если тебя увидит!» На секунду я обрадовался. Подумал, что вот было бы круто сейчас найти родных – особенно, если они нормальные. И будет не так страшно выходить из батора: братья-то могут помочь. А если этот Сергей такой взрослый, может, и к себе позовет жить. Я продолжаю ему писать, задаю какие-то вопросы. Но чем больше я читал – шаблонные какие-то фразы, так можно писать обо всех сиротах – тем больше огорчился и понимал, что что-то не так. Сидел и думал: «Пахнет наебом». У нас, кстати, происходили в баторе такие аферы, я о них слышал. У сирот ближе к выпуску из детского дома откуда-то появлялись родственники – братья, сестры, тети, дяди. Некоторые ребята поддавались этим манипуляциям, пускали этих «родственников» в свои квартиры, которые после выпуска получали от государства. Те заселялись, начинали там жить и постепенно выгоняли самих сирот. Или что еще проще – такие «родственники» обманом забирали у выпускника накопленные за время жизни в детдоме деньги. Пенсии по потере кормильца, еще что-то. Там могло накопиться много, около миллиона рублей, за восемнадцать-то лет. Мне об этом рассказывали. И я реально знаю ребят, которые поверили мошенникам и остались в итоге ни с чем. Этот Сергей что-то мне доверия не внушил – фотографий никаких в личку не прислал,

хотя я написал, что хотел бы увидеть, как выглядели папа с мамой. Фото своего паспорта тоже не выслал. Какая-то марозмота, короче. Но про себя я решил, что от общения отказываться не буду – пока еще мне нечего терять – квартиры нет, к деньгам доступа тоже. Если Сергей начал, то я продолжу. Посмотрим, кто кого первым разведет. И я начал подыгрывать, написал: «Блин, реально, так жалко. Я не знал, что меня потеряли. Мне всегда казалось, мать сама меня бросила, отказалась от меня». И тогда он предложил встретиться. Спросил, в какой день и во сколько мне будет удобно. Я что-то там назвал. Хотя мне-то все равно, когда, все равно ничем не был занят. И мы договорились о встрече.

В назначенный день он подъехал к нашему батору, встал прямо через дорогу. Я выхожу такой – опаньки! Машина у него есть, сам мужик деловой такой, стоит, крутит ключами от автомобиля. Дорогие очки, на шее толстая золотая цепочка и почти лысый – совсем короткая стрижка. Волосы светлые, глаза голубые. Довольно широкий такой, накачанный. И немного бандитского вида. Но я бы по его внешности не сказал, что он прям вот мошенник. И снова стал сомневаться – а вдруг и правда мой брат. Ему было уже хорошо за тридцать. И мне показалось, он старше, чем могли бы быть мои братья. Хотя, кто знает. Я же понятия не имел, какая у нас была разница в возрасте, я все-таки родился поздним ребенком. Мать могла в девятнадцать родить его, а в тридцать девять – меня. За спиной Сергея в машине сидела его жена, ребенок лет десяти и маленькая собачка – чихуахуа. Мы все познакомились, Сергей меня как младшего брата представил. А я, такой, стою и думаю: «Он вообще на меня не похож! Разные люди». Мы сфоткались на его телефон, и он, такой: «Мама будет реально счастлива». А сам маминых фотографий никаких не показывает. Показал мне только фотку своего брата Игоря. Вот тот реально был похож на мошенника! Худощавый такой, с кривыми зубами, с дебильной челкой. Волосы были как будто обожженными на солнце, я еще подумал тогда, что он вообще какой-то деревенский паренек. И пропитый совсем, сразу видно, что бухает. Выглядел он старше Сергея лет на десять-пятнадцать. И тоже не был похож ни на него, ни на меня. Если бы мы на самом деле были братьями, тогда наша мать могла быть только какой-то шалавой, которая нас, всех троих, от разных мужиков родила. В общем, тогда я окончательно понял, что вся эта история с братьями полная ерунда. Скорее всего, Сергей нашел меня ВКонтакте, втерся в доверие к кому-то из баторских – они были у меня в друзьях – и выведал у них, откуда я взялся и что у меня за родители. Ну или он просто реально ошибся. Так

весь тоже бывает.

– Ты сейчас куда? – Сергей собрался уезжать. – В детский дом, или можем с тобой погулять?

– Ну, – я на секунду замялся. – Давай погуляем.

– Тогда садись, – он открыл передо мной дверцу машины.

Я сел вперед, он на свое место водителя. Мы доехали до дома и там высадили семью.

– Давай только заедем сначала ко мне на работу?

– Окай.

И мы поехали к нему на работу, в шиномонтажку. Там он какие-то дела свои поделал, потом мы немного погуляли, и я думаю: «Что за фигня? Он сейчас уйдет, а я даже ничего с него не поймею. Надо развести хотя бы на что-нибудь». Я же решил для себя, что, если это мошенник, я постараюсь раньше, чем он, со всей этой ситуации что-нибудь для себя поймать. И на обратном пути я набрался наглости, попросил его купить мне пива. Сергей согласился, и я смотрю, тащит такую огромную полуторалитровую бутылку. Я даже не понял, зачем он это сделал – то ли собрался меня напоить, то ли еще что-то сделать. Я-то баночку обычную имел в виду. Но вроде ничего страшного не произошло. Просто он зачем-то такой огромный баллон купил. И вот мы подъезжаем к детскому дому, прощаемся.

– Гоша, – он смотрит на меня, а глаза реально добрые, – тебе вообще что-нибудь нужно?

– Ну, вообще, – я уже мысленно потирал руки, – можно тысячу рублей? На сигареты там, на всякие мелочи.

Он полез в бумажник и вытащил тысячу рублей, дал мне. Потом говорит:

– Я вообще-то хотел пригласить тебя погостить у нас дома.

– Окай.

– Тебе же можно оставаться за территорией на ночь?

– Ой, – я тут же перевел стрелки: на ночь все-таки уже опасно, – это надо спрашивать у социального отдела. Там документы придется какие-то собирать.

– Хорошо, – он кивнул, – я заеду в следующий раз, узнаю, что нужно.

Но я уже тогда понял, что никуда он не заедет. Сергей выглядел каким-то растерянным. То ли он реально ошибся, хотел найти брата, а попался ему я, то ли понял, что развести меня будет сложно. Я уже сам на первой встрече чуть ли не раздевать его начал: пиво, тысяча рублей. Думаю, он был точно не рад такому «братцу», совсем не скромному мальчику. И я уже тогда думал, что больше в жизни его не увижу, но на самом деле он еще один раз все-таки приехал. Хотя вторую встречу я помню плохо.

Мы просто постояли около батора, поговорили. Кажется, он спрашивал, как я буду жить после выхода из детдома. Устраивают ли нас от детского дома на работу. И, главное, где я буду жить, когда мне исполнится восемнадцать. Я сказал, что мне дадут от государства квартиру. Тогда он, помню, оживился и пригласил меня работать к себе в шиномонтажку.

– Приходи! Научим всему.

– Хорошо, – я, конечно, не особо готов был к такой работе, но на всякий случай согласился.

– А в выходные в гости к нам будешь ездить.

– Так для этого надо идти в социальный отдел, – напомнил я.

– Зачем? – он снова растерялся: как будто забыл первый разговор.

– Чтобы получить разрешение. Там сначала справки кое-какие нужно будет собрать.

– Ааа, – он задумался.

– Пойдем, провожу! – предложил я. – Это близко, надо только за ворота зайти, на территорию.

– Прости, сейчас не смогу. У меня уже времени нет, нужно бежать.

Я тогда даже немного расстроился, понял, что на этот раз уже не успею ничего с него получить. Какой-то странный мне попался мошенник, не настырный. Вот после этого я реально стал думать, что он обычный человек – просто искал своего брата, а тут ему попался я. И он этого как-то не ожидал, наверное, думал, что в детском доме все такие воспитанные, наивные дети живут, а не разводилы вроде меня. Многие взрослые, кстати, так думают. Как будто книжек тупых про сирот читались.

И потом Сергей больше не приезжал, только звонил. Спрашивал, как у меня дела, как жизнь. Он мне реально уже в конце концов надоел – и не разводит, и не отстаёт. Я просто не знал, что с ним делать. Если ты мой брат, давай, докажи! Пришли фотки матери с отцом. Документы скинь, где написано, что у тебя те же родители, что и у меня. А если мошенник, то какого хрена месяцами тошнить? Действуй, давай! Попытайся наебать меня. Но он ни того, ни другого не делал. Может, просто ждал, когда мне исполнится восемнадцать лет, и мне дадут квартиру, а заодно позволят распоряжаться накопленными деньгами. Но не дождался.

Разрешилось все само собой где-то через полгода. Сергей мне в очередной раз позвонил, а Виолетта выхватила у меня из рук телефон и проорала ему, чтобы больше не смел меня беспокоить. И все! Он испугался, пропал. Она вообще всех, кого угодно, умела построить. Но про Виолетту – это совсем другая история.

Глава 29

На дне

После Нового года, когда я перестал ходить на уроки, случилось еще одно важное событие. Но не такое веселое, как появление «братьев». От нечего делать я практически непрерывно воровал – полюбил стильно одеваться и с виртуозностью мастера выносил из модных магазинов одежду. Даже начал разбираться в брендах. В тот магазин, куда собрался на этот раз, я ходил уже около года. Иногда просто смотрел, иногда мерил одежду, иногда воровал. И все всегда проходило гладко. И вот об этих походах узнал мой друг Димон и сразу ко мне подкатил:

– О, Гошан, круто! И че, ни разу тебя там не спалили?

– Нет. Я же Гынжу Гошка!

– А давай мы с тобой вместе замутим мини-бизнес, – у Димона с детства в башке «мини-бизнес», – ты для меня своруешь, а я тебе заплачу. От магазинной цены дам пятьдесят процентов. Соглашайся, братан.

– Давай, – я и не думал возражать. Хорошая сделка.

Своровать я мог почти, все, что угодно, по крайней мере, для себя что хотел, то и брал в магазинах. Но деньги-то мне все равно были нужны. Хотя бы как гарантия. Например, если поймают, а я смогу заплатить за продукты или одежду, которую украл, тогда никто не будет полицию вызывать, точно отпустят. Конечно, если с ними договориться по-человечески и оплатить покупки в двойном размере. Все эти правила я давно знал.

– Гошан, короче, – Димон перешел к делу, – ты мне стыришь куртку, там такая офигенная одна есть. А я тебе заплачу.

Он описал эту куртку, которую нужно украсть. Я все запомнил.

– Окай!

И я пошел в этот проверенный магазин. Захожу, гуляю между вешалками, изображаю, что я покупатель. Выбираю шмотки. Беру курточку, о которой он говорил. Осматриваю ее, выбираю подходящий Димону размер. Нахожу магнит, прикидываю, насколько сложно будет его срезать. К куртке для виду беру, как всегда, еще несколько шмоток, чтобы, типа, примерить. Футболку, рубашку, кофту. И еще мне на глаза почему-то попала шапка, дебильная такая, сейчас я бы ни за что такую не взял. Но вот тогда прихватил. И со всем этим барахлом пошел в примерочную комнату. Сначала прикинул то, что мне самому понравилось. Посмотрелся в зеркало, повертелся перед ним.

Нормально. Но остановил себя – пришел по делу, только за курткой, и нечего в раж впадать. Только шапку для себя решил своровать – она мне показалась прикольной. Как будто у меня интуиция в тот день совсем отключилась. Дальше все, что померил, повесил аккуратно на плечики и стал разбираться с этим долбаным магнитом на куртке. И вот ковыряюсь с ним, и в этот момент слышу, как в соседнюю примерочную зашла долбаная уборщица и стала мыть там полы. Но я, дурак, не остановился. Мне показалось, что тетка ничего такого не услышит. Внимания не обратит. Я, как обычно, взял свои маникюрные ножнички и только начал отрезать магнит, как раздался такой предательский треск разрезаемой ткани. Я замер. Но вроде ничего такого, все тихо – уборщица продолжает возить по полу тряпкой. Дальше я спокойно дорезал, без всяких звуков. Вот только в конце магнит надо было оторвать. И опять этот предательский треск. Но мне и теперь показалось, что все нормально, уборщица ничего не услышала. Она же не постучала в мою кабинку, ничего не сказала. Моет себе дальше молча, и все. Я перекрестился. Хотя потом об этом пожалел – не крестился никогда, вот и нечего было начинать. Потом, в самом конце, аккуратно снял магнит с шапки, уже безо всяких звуков получилось.

Куртку я аккуратно скатал – очень плотно. Положил на дно своего рюкзака. Туда же засунул шапку. А сверху накидал всякие тетради – специально носил их с собой, чтобы рюкзак был полным, и в случае, если что-то стащут, можно было ими вещи прикрыть. И вот, выхожу я из примерочной, сдаю оставшиеся вещи вместе с номерком. Все, конечно, сходится, как положено. Я иду к выходу, по дороге продолжаю рассматривать вещи – делаю вид, что все просмотрел, но ничего не подошло. Прохожу через магнитные рамки, все нормально. Нигде не звенит, не пищит. Я уже выдохнул. Но не успел даже от рамки отойти, как вижу краем глаза – сверху, из административных помещений, спускается мужик в костюме. Видимо, какой-то начальник.

– Молодой человек, молодой человек, – он нагоняет меня за долю секунды, – остановитесь, пожалуйста. Остановитесь!

– Что-то случилось? – у меня сердце ухнуло в пятки.

– Задержите его, – бросает мужик охранникам.

Они схватили меня за руки, и тут я испугался так, что похолодел как мертвец. За мгновение покрылся противным липким потом. В голове возникла картина того, что будет – сейчас они позвонят в детдом, оттуда приедет кто-то из администрации, начнут как следует прочесывать мне мозги. Уже понимал, что проблем будет немерено, привлекут ПДН^[4]. В

баторе меня давно подозревали в воровстве, хотя пока еще никто не спалил. Там была только одна воспитательница, Наталья Вячеславовна, которая постоянно задавала мне каверзные вопросы:

– Гоша, откуда у тебя столько новых вещей?

– Мне покупают, – я кое-как от нее отмазывался, – я встречаюсь с девушкой, которая старше меня. Она мне помогает с одеждой.

У меня тогда на самом деле была баба лет двадцати, у нас с ней мутки были. И она меня сигаретами снабжала, водила в кафешку. Но вещи мне не покупала. Ничего серьезного у нас с ней не было, маленькая такая история. Тем более у нее постоянный парень был, а я уже так – от скуки.

И вот один раз Наталья Вячеславовна сообщила о наших разговорах старшей питалке, а та вызвала тетку из ПДН. И тогда, во время этой профилактической беседы, я первый раз в жизни грохнулся в обморок. На самом деле тетка приехала к нам в батор со всякими алкоголиками и наркоманами разговаривать – у нас были ребята, которые дошли до хронического состояния. Хотя в основном, конечно, пили. С наркотиками только один пацан был плотно завязан, но он потом сел в тюрьму. За распространение. Он и меня однажды угостил – это была какая-то фигня, смешанная с табаком в сигарете. Но сейчас не об этом. Короче, заодно решили, что тетка из ПДН должна промыть мозги и мне. Я сидел на четвертом этаже, никого не трогал, смотрел с пацанами фильм в групповой – нам тогда спонсоры из одной известной на всю страну компании подарили огромный плазменный экран. Я не знаю, чем они думали, реально. Мы потом круглые сутки перед этим теликом зависали, и днем, и ночью. И тут неожиданно меня вызывают в кабинет старшего воспитателя. Захожу, а там сидит тетка в форме, блондинка такая, глаза голубые, вполне себе симпатичная. Но мне вдруг так страшно стало! Руки вспотели, губы задрожали моментально.

– Здравствуй, Гоша, – говорит.

– Здравсьте, – я еле-еле одно слово выдавил.

– Чем зарабатываешь? – спрашивает. – Откуда деньги на вещи?

Я сижу перед ней и понимаю, что тупо ответить мне нечего. А она продолжает:

– Есть такое подозрение, что ты всю эту одежду воруешь.

Я сижу, слушаю, думаю про себя: «Неужели спалили где-то по камерам?» – и молчу, как партизан. Она дальше разговаривает, как будто сама с собой. Тихим таким голосом, ласковым:

– Гоша, рано или поздно мы все это узнаем, своровал ты или

нет.

И тут у меня начинает темнеть в глазах.

– Простите, можно я встану? – смог еле-еле промямливать. – Что-то мне плохо.

– Да-да-да, конечно, стой.

С чего я взял, что мне встать надо? Обычно, когда плохо, люди, наоборот, садятся или ложатся. Я только поднялся, и все. В глазах у меня потемнело. Шатаюсь, подошел к креслу и упал на него. А в кресле лежал дурацкий ватман, какой-то наполовину нарисованный плакат – к 23 февраля в баторе готовились. И вот я лежу как труп, в глазах абсолютный мрак, но при этом все слышу. Старшая воспитательница успокаивает эту даму из ПДН.

– Да вы не переживайте, он у нас театральный мальчик, – она ко мне оборачивается: – Гоша, вставай! Еще нарочно ведь упал на плакаты!

Я лежу, не могу даже пошевелиться, не то, что встать – силы как будто из меня все выкачали. Но при этом чувствую, что меня опять распирает от смеха из-за этих плакатов, и думаю: «Только бы не заржать!» Я так и не понял, поверили они, что я на самом деле в обморок грохнулся, или подумали, что я их разыгрываю. Но медсестру все-таки вызвали. Она пришла, сунула мне под нос ватку с нашатырным спиртом. Я все еще лежу в отключке, только думаю: «Как же паршиво пахнет». Она мне еще раз сует этот спирт, а у меня только одна мысль, что надо как-то начинать шевелиться, а то она меня этой ваткой просто убьет. В общем, начал двигаться, кое-как встал. Дальше я не помню, что делал и говорил, но они меня отпустили.

А потом, через несколько дней, я как раз и вляпался с этой курткой. Первый раз собрался украсть «под заказ», не для себя. И сразу попал. В общем, охранники меня схватили, завели в комнату, похожую на кладовую – там лежали всякие вещи, стол стоял, пара стульев. Со мной остался начальник охраны, один охранник и еще кто-то вокруг суетился – то ли менеджер зала, то ли кто. Они достали из моего рюкзака украденные вещи. И вот тогда я сильно пожалел, что взял еще и эту гребаную шапку. Без нее сумма ущерба была бы не такой трагичной.

– Ну и зачем тебе это надо? – начальник смотрел на меня с любопытством.

– Носить, – я чуть не плакал от ужаса.

– Место жительства называй. Паспорт с собой?

– Нееет.

Начали допрашивать, задавать кучу вопросов. Наконец добились ответа на вопрос, откуда я.

– Я из детского доооома.

– А, – начальник охраны хмыкнул, – снова детдомовские. Мы вас тут часто ловим. Заколебали уже.

– Пожалуйста, – я попытался давить на жалость, – только не звоните в детский дом, пожаааалуйста!

Начал плакать, петь привычную песню о том, что нас плохо кормят, плохо одевают, поэтому я ворую. Мне казалось, что удалось их разжалобить и теперь все будет норм. По крайней мере, охранник уже смотрел на меня с сожалением, я даже подумал: «Все, выигрыш! Сейчас отпустят». Но начальник охраны оказался непробиваемым. Хладнокровный сукин сын.

– Все, хватит комедий. Давай номер телефона воспитателя. Или кто там у вас есть?

– Не знааааю, – я продолжал перед ним играть, – у меня нет телефона.

– Говори номер детского дома.

– Нет! Если вы позвоните им, когда я туда вернусь, меня будут бить.

– Да никто тебя бить не будет! – он реально оказался железным, этот мужик.

Так и не отстал от меня, пока я не признался. Проямлил еле слышно номер своего детского дома.

Они посмотрели в Интернете, нашли номер телефона директора и стали звонить. Пока шли длинные гудки, я молился, чтобы трубку взял сам директор – Виктор Яковлевич. Он всегда был нашим спасителем и защитником, он бы что-то придумал, как-то договорился, но вышло наоборот. На звонок ответила Лариса Петровна, заместитель директора.

– Кто, Гынжу? – она даже не задумалась. – Да он без конца ворует. Вызывайте полицию!

– Но вы же понимаете, – начальник от неожиданности притормозил, – это суд и тюрьма. Тут сумма большая.

– Да? Ну, если не хотите возиться, просто выбросьте его в окно, – она разозлилась, – этот Гынжу уже всем своими выходками надоел.

Начальник охраны положил трубку. И несколько минут молчал, переваривая информацию. Похоже, даже для него это было слишком.

– Пиздец у вас директор, – заключил он.

– Это не он, – я поспешил защитить любимого директора, – а заместитель. Теперь-то вы понимаете, насколько у нас все жестко?

На мгновение мне опять показалось, что все получится – и на этот раз тоже пронесет. Но нет.

– А на фига ты воруюешь? – начальник пришел в себя и

продолжал гнуть свою линию.

Они все-таки позвонили в полицию.

– Все, сейчас полиция приедет. Жди!

Вот тут я уже потерял всякую надежду, понял, что оказался в полной жопе. Прошло совсем немного времени, и приехал наряд. Они сделали опись украденного товара, сумма была больше 10 000 рублей. Составили протокол, взяли показания у свидетелей. Я все это время дрожал, как осиновый лист, даже зубы стучали – словно выбивали барабанную дробь.

– Теперь поехали в отделение.

И меня повезли. А в отделении все началось сначала – допрос, протокол, подписи, свидетели. Я, конечно, понятия не имел, что меня по возрасту еще не могут допрашивать без законного представителя, без педагога или психолога. Это я только потом, когда в суде сидел, узнал. Да и представитель из детского дома все никак не ехал, хотя менты, вслед за начальником охраны магазина, тоже звонили в батор несколько раз. И только под вечер, к концу рабочего дня за мной приехала воспитательница. С того момента, как в первый раз позвонили в детский дом, до момента, как за мной прислали, прошло не меньше шести часов. Она меня забрала с собой. В детском доме со мной опять провели профилактическую беседу: «На фига ты воруюшь?» и так далее. Директор вроде уже тоже был в курсе, но сам он меня не вызывал на ковер.

Ну, и все. Несколько месяцев после этого я ходил по судам. Вот эту часть своей жизни я запомнил совсем плохо – она как в тумане. Даже не могу вспомнить, сколько раз проходили заседания по моему делу в этом Измайловском суде. В башке все смешалось. Помню, что точно их было несколько – то директор магазина не мог приехать, то еще кто-то, – и тянулось это все с февраля до мая. Со мной всегда ездила наша воспитательница Елена Васильевна, дай бог ей здоровья. Это была наш новый воспитатель – после очередного переезда теперь уже на четвертый этаж старшего корпуса. Она на каждом заседании суда вставала и защищала меня. Рассказывала мою историю, объясняла, что такое жизнь сироты. Говорила: «Вы понимаете, у ребенка нет родителей, не было полноценного детства», и дальше по схеме. В общем, давила на жалость. Мне выделили государственного адвоката. Какую-то женщину, которая, как я понял, и не собиралась меня защищать. Было такое чувство, что она вообще на стороне тех, кто выдвинул обвинения. Я просто не понимал, почему она так и что происходит.

Но мысленно в тот период я готов был к тюрьме. Понял, что мне будет пипец, и все. Впаяют по полной. Виктор Яковлевич, как

я узнал, пытался договориться – компенсировать ущерб и чтобы заявление отозвали. Но магазин стоял на своем. Решили в моем лице проучить всех детдомовских. Поэтому я не верил в хороший исход. Думал уже, какие вещи можно с собой брать в тюрьму, а какие нельзя. Собирал потихоньку то, что могло быть ценным – чай, сигареты. И боялся, что не продержусь за решеткой те несколько лет, которые дадут мне за кражу. Даже несколько месяцев, если честно, не продержусь: сделают меня там «петушком», и привет. Я понимал, что слишком симпатичный и вряд ли смогу этого избежать. Боялся насилия и самой тюрьмы. Мне было только 15 лет, а тут – рраз – жизнь закончилась. А я так хотел еще поразвлекаться, пожить хоть немного в свое удовольствие. На самом деле, в глубине души, я обвинял только себя: втайне от всех давно просил Бога, чтобы он ткнул меня носом в дерьмо. Сделал что-то, чтобы я понял: воровать нельзя. Вот он и ткнул. Только что-то уж очень сильно, я не о таком «уроке» просил. Мне нужно было что-то доходчивое, но не настолько страшное. А сам я просто не мог остановиться, у меня на это не было сил. Воровство было единственным, кроме танцев, что я умел и за что меня уважали в баторе все, от мала до велика. И вот бог дал мне сокрушительного пинка.

Конечно, пока шли судебные разбирательства, я сидел тише воды ниже травы. Даже и не пытался воровать. Потому что еще один привод – и все, тогда точно засадят по полной.

Последнее заседание, когда все заинтересованные стороны наконец явились в суд, состоялось в начале мая. Дату я точно не помню, это надо документы смотреть – еще раз повторяюсь, у меня все, что связано с этим делом, вылетело из головы. Но, кажется, то ли канун 9 Мая, то ли сразу после него. Я сидел и молился: «Господи, помоги, пожалуйста! Я все понял! Я реально больше не буду...»

Заседание длилось долго. Много всего обсуждалось. Ко мне постоянно обращались.

– Вы понимаете, что совершили преступление?

– Да, ваша честь!

– Вы раскаиваетесь в содеянном?

– Да, ваша честь!

Я кивал им как болванчик и со всем соглашался.

Мне каждый раз было странно это говорить, но, понимая судьбоносность момента, я изо всех сил старался. Не ржал. Елена Васильевна тоже вскакивала как неваляшка каждый раз, когда можно было вставить в мою защиту хоть слово.

– Ваша честь! Ваша честь!

Судья останавливал ее пару раз, говорил мягко:

– Сидите-сидите.

А потом объявили таким торжественным тоном, что у меня окончательно затряслись коленки:

– Суд удаляется для принятия решения!

Был перерыв, во время которого я сидел как на иголках. Трясся от страха. Перед глазами промелькнула вся жизнь, все хорошее, что у меня было. Игры с Тимиком и Некитом в дошколке. Дом тети Иры. Море. Варя. Соня. Много всего. А потом судья вышел и начал читать. Я слушал-слушал, но ни слова не понимал. Только думал: «Бедные судьи! Столько тарабарского текста. По всем статьям прошелся, кучу слов сказал, а ничего не поймешь – куча хрени какой-то». И только в конце прозвучали слова, которые я запомнил:

– Освобождается по амнистии.

Я, правда, опять ничего не понял. Наклонился к воспитательнице, зашипел ей в ухо:

– Елена Васильевна, что это значит?

– Тебя освобождают, придурок! – прошептала она мне в ответ. А у самой в уголке глаз заблестели слезы.

– Спасибо, спасибо! – от счастья я и сам чуть не расплакался.

– Георгий, – судья перешел на почти нормальный язык, – вы понимаете, что я даю вам условно-досрочное?

– Да, ваша честь!

– Если вы за этот период в непопозволенном месте покурите, не там попьете пива с приятелями и тем более что-то украдете, самую мелочь, вас опять поймают, и будет уже реальный срок.

– Спасибо, ваша честь! Я понимаю.

Тут они стукнули этим своим молотком и объявили: «Суд окончен».

Все, можно было выдохнуть. Я прошептал: «Спасибо Господи!» – и мы вышли из зала суда. После этого адвокат, та самая безразличная женщина, подошла к нам.

– Вот так! – поучительным тоном сказала она. – Но смотри, больше не воруй!

– Ладно, – пробухтел я ей в ответ, хотя на самом деле хотелось просто послать ее в жопу.

И все, мне вернули свободу! Наверное, я еще нужен был для чего-то в этом мире, если Бог решил меня как следует напугать, но оставить в живых. Вот только для чего? Пока я не знал.

Я как-то пережил условный срок, хотя не помню, сколько мне там присудили месяцев или лет. Все это вылетело из головы. Счастье, что было и прошло. Я всегда говорил, что родился везучим: судьба всегда на моей стороне. И не только в этой истории с чудесным спасением от тюрьмы. Параллельно с ней

произошло еще одно важное событие, которого я уж точно не ожидал.

Глава 30

Шутки судьбы

Это случилось зимой, после очередного мероприятия в детском доме. Ко мне подошла Даша Долинская и говорит:

– Гош, пошли, купишь мне, пожалуйста, сишки. На тебе денежку, сбегает до магазина.

– Окай.

И мы пошли. С Дашей в баторе я почти не общался. Она была на три года младше меня и училась в шестом классе – в общем, мелкая. Да еще и класс у них был такой, что там всех больных на голову собрали: то дерутся, то стульями швыряются, то с ножом друг на друга кидаются. Какие-то психи. Поэтому мы старались дел с ними не иметь. Сама Даша тоже была не сахар – характер еще тот. Хотя по внешности никогда не скажешь: маленькая, кругленькая, со смешными пухлыми щечками, как у малыша. Понятно, что как девушка заинтересовать она меня не могла. И знать я о ней ничего не знал: ну, появилась откуда-то три года назад – ей тогда было девять. Вроде как и все попала в детский дом из кровной семьи по обычной схеме: больница, приют. Кажется, маму у нее в тюрьму посадили, а ее вот в батор отправили. Пересекались мы с ней только на танцах – когда репетировали в нашем хореографическом кружке и вместе выступали на сцене.

Мы пришли к магазину. Я начал подходить к прохожим и просить купить мне сигареты. Наконец один мужик согласился. Стоим мы в итоге, курим, вроде все спокойно. И тут Долинская вдруг засуетилась:

– Боже! Ко мне же сейчас приемка придет, – она резко выбросила бычок, – а от меня, наверное, пахнет. Понюхай! Пахнет, нет?

– Скажу тебе по секрету, – я с интересом наблюдал за ее суетой, – я не чувствую, пахнет от тебя или нет. От меня от самого сигама несет. А че у тебя за приемка?

– Ты знаешь, – она аж вся расцвела, – крутая! Она за мной приезжает на машине и обратно также привозит.

– В гости забирает?

– Да, – Даша торопливо кивнула, – оформили гостевой режим.

– И часто к ним ездешь?

– Каждые выходные, – в ее голосе прозвучала гордость, как будто это хрен знает какое достижение, – в пятницу приезжает за

мною в батор, потом в воскресенье вечером обратно привозит. У них таунхаус. Она писательница. Прикинь?

– Прикольнo, – я, такой, слушаю, наматываю на ус.

А Долинская продолжает:

– И денег у них немерено!

Я, такой, про себя: «Ух ты, пух ты! Бывает же в жизни такое!» Но сам виду не подаю. Потом мы с ней еще постояли, поговорили. Она рассказала, что на прошлых выходных набухалась в щель – спелась там с какими-то фанатами «Спартака», и потом приемка всю ночь около нее сидела, а она блевала, как чокнутая. Думала, что наутро ее точно из дома выгонят и больше в жизни не пригласят. А приемка, когда Даша протрезвела, только лекцию ей прочитала. Что-то там про ответственность, заботу и что повторения она не допустит, и Даша, типа, должна это понимать. Я слушал и представлял себе этот таунхаус, пьяную в хлам Долинскую и такую приемку, которая не орет и не закатывает истерику при виде бухих сирот. И тогда я подумал: «Если уж они от Долинской с ее дурным характером и жуткими выходками не отвернулись, может, и меня тоже не слишком испугаются». Я расспросил, как приемку зовут, а сам уже решил, что надо как-то знакомиться. Может, мероприятие какое-то в детском доме будет, мы опять на сцену выйдем танцевать. Я расстараюсь. Обычно на теток это действует безотказно, всем нравится, как я танцую. А потом подойду к ней и представлюсь. В общем, мысленно я уже начал раскатывать губу.

– Ладно, – говорю, – пошли в батор. А то реально приемка твоя приедет, а тебя нет.

Самому мне уже не терпелось залезть в Интернет и посмотреть, о ком идет речь. Как только дошли до батора, я взял у Некита телефон, быстренько подключился, и в Википедии почитал, что там пишут про приемку Даши. Фотки ее нашел. Мне на первый взгляд все понравилось. Долинская еще сказала, что ее новая книга «Если б не было тебя» есть у их питалки, и я пошел просить почитать. Добыл я эту книжку и начал рассматривать фотографию на обложке. Там был такой портрет – тетка с малышом. Это тоже была она с младшей дочкой, удочеренной. Начал читать. По собственному желанию взял в руки книгу без картинок – только буквы-буквы-буквы – сам себе удивился. Сначала там было про главную героиню, журналистку. Читаю-читаю, вроде норм, но половины все равно не могу понять: какая-то работа на радио, интервью, эфиры. Это про что? А дальше шла глава про Аннушку – маленькую девочку, которая родилась в семье алкашей. И вот тут я как будто сам в эту книгу попал. История Аннушки меня реально зацепила! Я стал перелистывать

все, что про других героев, искал только продолжение про маленькую Аннушку. И читал, читал взахлеб. В итоге получилось, что всю книгу целиком я так и не прочитал, выхватил только одну сюжетную линию. Но зато благодаря Аннушке мне еще больше захотелось подойти, познакомиться. Сказать, что мне очень понравилось, потому что там история такая настоящая про эту маленькую девочку. И еще хорошо, что журналистка в конце ее удочерила.

А потом опять вмешалась Судьба. Мне не пришлось ждать никакого мероприятия. Даже танцевать не понадобилось. В следующую пятницу я захожу в батор, а они вместе с Дашей выходят. И мы столкнулись прямо лицом к лицу на крыльце. Я, такой, про себя: «Оп-па, ничего себе!» У меня и в рюкзаке она лежит, на обложке книги, и здесь – на крыльце. Я за долю секунды сообразил, что надо делать. Не растерялся:

– Здравствуйте!

– Добрый день, – она поздоровалась в ответ и даже остановилась. Посмотрела так вопросительно.

– Меня зовут Гоша, – представился я.

– Очень приятно, – она улыбнулась, – а меня Диана.

– Я хотел сказать, что вашу книгу прочел. Мне очень понравилось!

– Да? – она удивленно посмотрела на меня. – Я думала, у вас подростки не слишком часто читают.

– Ага. Я тоже нечасто.

– А какую книгу вы прочли? Новую, про усыновление?

– «Если б не было тебя» называется.

Я удивился, что она обращается ко мне на «вы». Редко кто так делал, обычно никто церемоний не разводил. И мне стало приятно. Про себя я все время думал: «Надеюсь, я ей понравлюсь! Вот было бы круто, если бы она стала моим другом. Может, даже в гости к себе пригласит, как Долинскую». Мне тогда захотелось общаться. Конечно, я не думал ни о какой семье – она же не пришла ко мне знакомиться, значит, не планировала забирать – и как потенциальную «маму» ее точно не воспринимал. Но зато сразу подумал, что было бы здорово, если бы такой человек, грубо говоря, вывел меня в жизнь. Сам не могу объяснить, откуда такие мысли взялись. Может, в ответ на все мои страхи и желания, чтобы мне кто-то помог.

– Значит, книга показалась вам интересной?

– Ага, особенно про Аннушку! – я решил, что пора забрасывать удочку. – А я тоже пишу. Стихи.

– Серьезно?

– Давно уже. Хотите, что-нибудь пришлю почитать?

– Присылайте, конечно, – я видел, что она заинтересовалась, и мысленно похвалил себя за правильный ход, – посмотрю.

– Вы есть ВКонтакте?

– Есть.

Она объяснила, как ее там найти, и мы попрощались. А я заторопился в свою комнату, хотел как можно быстрее найти ее ВКонтакте и отправить свои стихи.

По дороге подумал, что, если бы не Долинская со своими рассказами, я к Диане вряд ли бы когда-нибудь подошел. Хотя она была не старой, но уж очень тупо оказалась одета. Дурацкие джинсы клеш, из прошлого века – таких давным-давно никто не носит. Шуба явно не новая, потертая, и какая-то серая водолазка под ней. Я думал: «Боже, она старомодная, что ли?» Хорошо – шуба была хоть и старая, но вроде настоящая. Не из синтетики. Мне тогда показалось, Долинская что-то напутала – денег, наверное, все-таки нет. Либо какие-то рамки в тратах, может, кредит. Забегая вперед – когда уже стали много общаться, я понял, что в этой семейке деньги тратят по-особому, и одежда с развлечениями там не на первом месте. Что для меня было, конечно, странно. Но вообще, когда мы в первый раз разговаривали, я быстро переключился с одежды и внешности на разговор. Успел только заметить, что губы у нее мягкие, артикуляция тоже, макияж неяркий. Из этого я быстро сделал вывод, что она строгая и любит все под контролем держать. Опять же мимика, жесты – особенно руки – об этом говорили. И я подумал: «Добренькая, но строгая. Ну, ладно, переживем».

Я шел по коридору батора и все думал-думал: если она писатель, значит, у нее должно быть много разных связей, со многими интересными людьми. И тут я, Гошка! Возможно, она сможет куда-то меня просунуть, как-то моему будущему помочь. Я переключился на эти мысли, о деньгах уже не думал, тем более сделал вывод, что их особо и нет. Фантазировал, какие возможности мне это общение может дать. И мне казалось, что наша встреча точно не случайная. Я же только успел подумать о знакомстве, только захотел, чтобы оно произошло, но ничего не подгадывал, не подстраивал. И – ррраз, все случилось. Хотя я представлял, что как-то по-другому это будет происходить. Но случилось быстро и именно так. Значит, точно судьба.

Как только дошел до своей комнаты, сразу начал искать свои стихи, но найти ничего не смог. Видимо, давно на фиг выкинул. Потом вспомнил, что они есть у училки, и пошел к ней.

– Елена Анатольевна, – я попросил ее, – дайте мне мои стихи, я их фотану. Очень надо.

– Конечно, на! – она удивилась, но ничего не сказала. Но

самом деле стихи я давно забросил, да и не увлекался особо никогда. Но раз тут такой случай, нельзя было им не воспользоваться.

Учительница дала мне тетрадку, где они были записаны, я сфоткал их и пошел перепечатывать на смартфон Некита. В тот же день отправил Диане сообщением ВКонтакте свои стихи. И потом проверял постоянно, написала она мне или нет. Ответ пришел только через несколько дней. Вот точно, она была старомодная. Соцсети вроде для того и существуют, чтобы сразу отвечать. А не тянуть резину. Но зато что-то она похвалила, какие-то образы там ей понравились. За что-то, наоборот, поругала, но мягко, совсем не обидно. Особенно много слов было про орфографию и пунктуацию. Даже не поленилась, перепечатала мне мои стихи без ошибок. Но про грамотность я и сам все, конечно, знал. Я еще что-то отправил, она опять ответила. Потом свои стихи у меня закончились, а общение надо было как-то продолжать. Кроме поэтической, другой зацепки-то не было. Тогда я стал искать стихи в Интернете – брал чужие, которые мне нравились – не поэтов, конечно, а просто людей, которые пишут – переделывал там что-то по-своему, слова коверкал, чтобы было похоже, что я писал, и отправлял. Так несколько недель прошло, мы просто переписывались. Но мне все время хотелось побывать у них дома, и я думал, как это организовать. А потом опять случайно все получилось – Долинская выпросила у меня поносить толстовку. В пятницу она ее забрала, а в субботу я написал ей ВКонтакте, что мне эта толстовка срочно нужна, пусть возвращает. Она пишет: «Гынжу, ты дурак? Я никуда не поеду, это другой конец Москвы. Три часа дороги», а я ответил: «Тогда сам приеду. Нужно срочно!» Долинская объяснила Диане, что я хочу приехать, чтобы забрать толстовку, и она согласилась. Даже адрес написала мне ВКонтакте и как доехать – подробно, со всеми переходами в метро, с номерами автобусов, с названиями остановок. У меня это сообщение до сих пор хранится.

Глава 31

Близкие люди

И я поехал. Приезжаю – ни фиги себе! Все не как в городе, по-другому, как будто какой-то отдельный мир. Дома трехэтажные, входы у всех отдельные. Я никогда раньше такого не видел, только в квартирах был, да и то не слишком часто.

Подхожу к двери, звоню. Мне открывают.

– Здравствуйте.

– О, привет, Гоша. Проходите!

Помню, я тогда стеснялся кроссы снимать – носки были дырявые и не очень-то хорошо пахли. Как говорится, кого-то встречают по одежке, а Гынжу Гошку по запаху. Но сейчас не об этом. Я, такой, вхожу и вижу обстановку. Однотонные бледно-фиолетовые стены. Строгий огромный стол под старину. Строгий комод. Строгий шкаф. Мне тогда с первого взгляда понравилось, что все строго. В кухне мне только мебель не понравилась – какая-то совсем простая, деревенская. Я осмотрелся как следует, забрал свою толстовку и собрался уходить.

– Гоша, оставайтесь с нами обедать.

– Нет-нет, спасибо! – я отказался из вежливости.

– Не надо стесняться, у нас все свои.

Для вида я еще недолго сопротивлялся, а про себя подумал: «Конечно, давайте обедать! Ура!» Вроде тогда был куриный суп-лапша. И хотя я супы вообще-то не люблю, этот был вкусный. И на второе тоже что-то нормальное давали.

Мы пообедали, и я, довольный, думаю: «Ну все, теперь что-то, наверное, получится». Тогда, правда, дома не было ее мужа, мы с ним еще не встречались. И старшей дочери Нэллы – она у них единственная кровная – тоже не было. Были только Диана, Даша маленькая, удочеренная с младенчества, это про нее была книга «Если б не было тебя», и Даша Долинская. Я, кстати, когда маленькую увидел, сразу обрадовался, подумал: «О, мелкая есть! Прикольно!» Я малышей люблю, оказывается. Только раньше об этом не знал и особо нигде с ними не пересекался. В баторе совсем мелких нет, они живут в Домах ребенка. Да и дошкольники в другом корпусе, мы никак не пересекались. А тут такая няшка, ей тогда было годика полтора. И она сразу меня приняла, с первой встречи! Залезла на колени, стала хлебом кормить. Это было так мило! И сама она была такая лапонька. И сейчас, в принципе, тоже лапонька, мы до сих пор большие друзья. Конечно, такой теплый прием мне понравился. Ну и как-

то очень быстро, уже в тот раз, мы с Дианой перешли на «ты» – она сама предложила.

Диана много спрашивала обо мне, видно было, что ей моя жизнь по-настоящему интересна. Не для галочки или чтобы разговор поддержать. Я обо всем честно рассказывал. Даже о последней краже и о том, что нахожусь под следствием – решил, что выдам всю правду сразу. Не хотел, чтобы она узнала об этом от кого-то еще. От какой-нибудь очередной питалки в детском доме. У меня, кстати, не было мысли, что Диана сможет мне в этом деле помочь и каким-то чудом спасет от тюрьмы. Я не потому рассказал. Но мне было важно сделать это самому. Как бы предупредить. Конечно, в глубине души я боялся, что это может положить конец нашим отношениям. Что я могу разочаровать. Но решил все равно быть честным. Почему-то с первой же нашей встречи между нами появилось доверие. И я видел, что она тоже мне верит. Доверяет. Не шарахается от меня из-за того, что я успел за свою жизнь натворить.

Мы сидели, пили чай, разговаривали. И вдруг ни с того, ни с сего она меня спрашивает:

– Гоша, а ты никогда не думал о том, чтобы написать книгу?

– Книгу? – я тогда очень удивился. – О чем?

– О своем детстве, – я смотрел и видел, что она не прикалывается, что реально хочет меня заинтересовать, – ты же давно в детском доме.

– С рождения, – пробурчал я.

– Вот об этом и напиши.

– Кто такое будет читать?

– Люди, – взгляд у нее был серьезный, – они же ничего не знают о детских домах. Видят только заборы. А ты, наоборот, прошел все, от и до. Только не ленись, в такой книге важны подробности, детали.

– Какие еще детали?

– Любые. Все, что сможешь вспомнить: ощущения, запахи, события.

У меня перед глазами вдруг пронеслись разные картины из прошлого – причем вместе с чувствами, которые я в те моменты испытывал. Мертвый птеник у меня в руках. Драка со старшаками. Поцелуй Вари. Много всего! Сам в тот момент удивился, сколько я, оказывается, помню. Правда, все они в основном начинались со школы.

– Я из дошколки почти ничего не помню, – я сидел и морщил лоб, на меня столько всего сразу навалилось, – только маленькие куски.

– Надо же, – она улыбнулась, – я тоже до школы себя

практически не помню. Только со второго класса, когда в первый раз влюбилась.

– Ооо, – я улыбнулся, – а про это тоже можно, что ли, писать?

– Про что? – она не поняла.

– Про любовь.

– Почему нет?

Мы пили чай, а я все думал о том, что она сказала. И после этого разговора начал много разного вспоминать и мысленно описывать в книге. Как будто все это во мне дремало, даже забылось, а тут вдруг – рррраз! – и полезло наружу. Прикольно! А вдруг, реально, получится? Писал же я раньше стихи.

В тот день я довольно долго у них сидел и не особо хотел прощаться, но решил, что для первого раза надо хотя бы приличия соблюдать. Поблагодарил за обед.

– Спасибо, все было очень вкусно.

– Пожалуйста!

– Ну, мне пора.

– Хорошо, – она не стала меня останавливать, зато вышла в коридор проводить, – заезжай как-нибудь еще к нам в гости.

Маленькая Даша тоже прибежала, залезла на руки к матери. Вместе они классно смотрелись: настоящая нежность и любовь. Поэтому, наверное, мне и понравилась обложка книги, на которой были эти двое. Я попрощался, вышел на улицу и пошел к выходу из поселка, разглядывая дома и машины. Реально другой мир.

Мне одной этой встречи хватило, чтобы о семье сложилось хорошее впечатление. Мне все там понравилось: и люди, и дом. И еще я сразу понял, что главная там Диана. Всем там заправляет и вертит она. Не знаю, как это получилось, но вот понял, и все. Поэтому решил, что все усилия нужно направлять на отношения с ней, а остальное уже потом приложится. Я надеялся, что дальше ко мне симпатия с ее стороны тоже появится. И будет уже взаимная. Я вот прям был в этом уверен: просто надо подождать какое-то время, и симпатия точно будет. Была потом одна ситуация, через несколько месяцев, когда я подумал, что ошибся, что никакой симпатии ко мне с ее стороны не было и нет. Но в итоге оказалось, что все-таки это не так. Первое впечатление меня не обмануло – я ей тоже понравился.

В общем, я еще раз приехал к ним в дом. Мне же сказали на прощание «заезжай», значит, можно. На следующих выходных, когда приехал, уже познакомился с отцом семейства, Денисом. Я как раз был у них дома, когда он откуда-то вернулся. Из магазина, что ли. Подробностей той встречи я не помню, но мне тогда показалось, что он сначала был чем-то недоволен. Даже

разозлился на что-то – скорее всего, на мое появление. Диана отвела его в кухню, что-то тихонько сказала, и тогда он успокоился.

А увидел я Дениса еще раньше, когда он приезжал в батор, привозил Долинскую. В первый раз сильно испугался – он больше двух метров ростом – и подумал: «Пипец, он здорооовый! Наверное, суровый. Да еще с бородой и похож на батюшку. Наверное, он там всех заставляет перед обедом молиться, после обеда молиться, перед сном молиться, после сна тоже... Ужас какой!» И побежал к Даше.

– Долинскааааяяя, ты реально у них дома постоянно молишься?

– Пока что нет, – она и сама еще не до конца разобралась, что там и как, – но, думаю, скоро буду.

– Денис же у вас батюшка настоящий!

И мы с ней реально думали, что батюшка – это все. Мне в тот же день, когда я его увидел в баторе, захотелось подойти и сказать: «Здравствуйте, Денис». Но я реально трусил. Смотрел на него и думал: «Ну, вот реально Иисус». Глаза вроде добрые, но строгие. Такие прям – ух! Смотришь в эти глаза, и хочется покаяться: «Да, батюшка, я согрешил. Но больше ни за что так не буду!» Мне показалось, что у него жесткий подбородок и всегда напряженные скулы. Но как я потом понял, это была только видимость – из-за формы бороды. А в тот момент я уже смирился: «Все, точно, суровый! Ну ладно, и это переживем. Главное, к хозяйке держаться поближе, так как в доме управляет она». Вот после того, как я Дениса в баторе видел, мы уже дома познакомились. И оказалось, что Денис все-таки добрый. И взгляд у него такой ласковый. Но прозвище «батюшка» с моей легкой руки за ним так и закрепилось. Сначала я его начал так называть, потом Долинская тоже, а дальше уже и Нэлла присоединилась. Следом за нами.

С ней я, кстати, тоже в тот же приезд познакомился – она повела меня на экскурсию по поселку: показала маленький зоопарк, детскую площадку. Про нее я сразу подумал: «Пацанка. Причем с богатым прошлым и будущим». Так и вышло. Потом, когда стал узнавать ее лучше, она показалась мне очень интересным человеком. И я ей до сих пор благодарен за то, что она легко мне открылась. Приняла как друга и впустила в семью. Потому что, в принципе, сложно впустить чужого человека, да еще противоположного пола, да еще ровесника – нам обоим было почти по шестнадцать лет. Я знаю, что часто у кровных детей бывает страшная ревность. И это, конечно, можно понять. Но тут как раз ревность появилась не у нее, а у Долинской. Как будто

она главный собственник в семье. А с Нэллой общаться было легче всего. Она тоже сразу стала мне доверять и доверилась сама. Когда мы в самый первый раз пошли в зоопарк, она у меня стрельнула сигарету, но сразу предупредила:

– Только маме ни в коем случае не говори!

– Конечно!

– Надо же, странно, – сказала она тогда, – перед кем-то другим я бы ни за что не стояла так и не курила. Пряталась бы от всех. А к тебе у меня какое-то доверие. Сразу.

– Спасибо.

Мне было приятно, я ее доверие сразу оценил и ценю до сих пор. С ней всегда можно поговорить о жизни, погулять, побыть на одной волне. А главное, она надежная. Никогда не предаст. Уже не раз была возможность это проверить.

И вот после того, как я познакомился со всей семьей, я стал каждые выходные приезжать к ним и везде за Дианой ходить. Добивался ее симпатии, хотел показать, какой я хороший. Стал ездить в благотворительный фонд «Арифметика добра» – Диана там работает, – участвовал во всех мероприятиях как волонтер. Постепенно знакомился в фонде с ребятами – приемными и кровными детьми, наблюдал, чем они занимаются, как живут. Мне все было интересно, а главное, понравилось помогать. Я словно вытягивался вверх и говорил: «Я здесь! Я тут! Не забывай про меня!» Любую просьбу и в фонде, и дома бегом бежал выполнять. «Гоша, принеси, пожалуйста, Гоша, разложи, пожалуйста, Гоша, порежь, пожалуйста» – мне это так нравилось! Старался произвести впечатление изо всех сил. И пока я в чем-то помогал Диане – расставлять баннеры, раскладывать книги, готовить ужин, накрывать на стол, сумки из магазина тащить – мы всегда разговаривали. Я много рассказывал о жизни в детском доме, о своих друзьях. Ее рассказы тоже слушал с удовольствием – о работе фонда, об интересных людях, у которых она брала интервью, о книгах, об их собственной семье. Оказывается, Диана с Денисом оба родились в Казани, там же познакомились, поженились и родили Нэллу. А в Москву приехали всего тринадцать лет назад. Тупо не могли заработать деньги в Казани. Работали, работали, а не хватало даже на еду. Я, правда, не понял, как это так, но Диана мне объяснила, что в девяностые годы резко упали зарплаты, а во многих государственных учреждениях вообще не платили по полгода. Задерживали деньги. Диана тогда была училкой – преподавала английский язык в универе. Ей эта работа нравилась, и со студентами всегда были хорошие отношения – они к ней даже ходили домой, постоянно они вместе что-то придумывали, изобретали. Но денег не было. И

Денис тоже в каком-то исследовательском институте работал, был связан с компьютерами. И ему не платили. Жили, как нищие, а нужно было себя и ребенка кормить. Поэтому переехали в Москву. Пошли оба в бизнес. И десять лет после этого работали круглосуточно в разных компаниях. Сначала купили квартиру. Потом оформили в кредит таунхаус, потому что хотели еще детей и чтобы у них было свое пространство. Переехали туда, и сразу удочерили маленькую Дашу. Потом вот встретили Дашу большую. А вообще, Диана всю жизнь, с детства, мечтала книги писать. Но долгое время не получалось на этом сосредоточиться – нужно было еще работать, одним творчеством не удавалось прожить.

Мне было интересно такое слушать. Я раньше как-то делил людей на «богатых» и «бедных», и все. Никогда не думал, что из нищеты, когда нечего есть, можно добраться до таунхауса в три этажа. Если, конечно, ты не выиграл в какую-то лотерею.

Один выходной мы обязательно проводили вместе и постоянно болтали обо всем на свете. Уже тогда Долинская начала на меня страшно злиться из-за того, что я приезжаю к ним в дом. Хотя ее-то уже забрали к тому времени под опеку. Казалось бы, живи и радуйся! Но в ней проснулась дикая ревность. Хотя, если честно, я не особо-то внимания на ее состояние обращал – у меня были свои задачи.

Денис и Диана сразу сказали, что не будут снабжать меня деньгами. Но при этом я все равно как-то чувствовал, что они хотят мне добра. Диана часто говорила со мной о будущем, мы как бы вместе искали подходящие варианты. Она все время спрашивала, чем мне нравится заниматься, что я люблю делать, какие были успехи. Я ей рассказал про то, что прошел курсы парикмахеров – в баторе бесплатно проводили – и по итогам победил в конкурсе. Вроде мне это было интересно. Она тогда обзвонила парикмахерские колледжи Москвы, искала те, которые готовы взять после восьми классов, выяснила, сколько это будет стоить, предложила оплатить обучение. Но я отказался. Во-первых, вообще в тот момент не представлял, что меня ждет. Может, тюрьма. А во-вторых, не был уверен, что парикмахер – это мое. Она совершенно спокойно к этому отнеслась: нет, так нет. Мы продолжали разговаривать, думать, искать. Денис с Дианой рассказывали мне о разных профессиях. О том, что мир сильно изменился за последнее время, и появилось столько новых интересных задач, что к половине из них пока ни колледжи, ни вузы даже не готовят. Они говорили, что у меня много плюсов – я коммуникабельный, умею находить с людьми общий язык, нравлюсь взрослым и детям, со мной интересно общаться, и я

люблю помогать. А то, что по всем предметам у меня двойки или в лучшем случае тройки – да, печально, но не смертельно. Сейчас многие функции за человека выполняет компьютер. Так что придумать что-нибудь все равно можно. Диана, помню, несколько раз повторила свою любимую фразу: «Пока человек жив, безвыходных ситуаций нет». Я это запомнил. Понимал, что им не все равно, как сложится моя жизнь. Они с Денисом, между прочим, сразу дали понять, что, какое бы решение ни принял суд, мы не прекратим общаться. Они будут поддерживать меня всем, чем могут. Всегда. Я, когда это услышал, чуть не прослезился. Вспомнил почему-то Соню и свои собственные слова – о людях, «которые подадут тебе руку, чтобы ты вылез из дерьма, поддержат и в крупном, и в пустяках». Кажется, я их нашел.

И в крупном, и в мелочах я ощущал их заботу. Они всегда спрашивали, как дела. Сразу запомнили имена моих друзей, интересовались ими. Когда приходил к ним домой, обязательно кормили, это было само собой. Один раз я потерял в дороге социальную карту и, по сути, остался без транспорта. Денис тут же выдал мне «Тройку» и положил на нее деньги. Когда речь зашла о том, что мне нужны деньги, Диана предложила подработку. Она тогда писала книгу для фонда «Арифметика добра» – реальные истории приемных семей. И вот мне надо было печатать интервью, которые она брала у родителей. Слушать записи на диктофоне и все это словами на компьютер записывать. Они выделили мне комнату, дали компьютер и сказали: «Работай». Правда, несмотря на то что платила Диана нормально, долго я не продержался. Оказалось слишком трудно. Сидишь как дурак, слушаешь запись, печатаешь каждое слово. Целый час паришься, и за это время максимум десять минут записи получается обработать. Причем по времени каждая запись по часу, не меньше. Это пипец.

Вопрос о семье мы, кстати, обсуждали – несколько раз честно на эту тему поговорили. Я их не спрашивал ни о чем, Денис с Дианой сами сказали, что принять под опеку или усыновить они меня не могут. Но и не бросят, будут обязательно помогать. Основная причина, почему боялись забирать меня в семью – три девочки, две из которых в подростковом возрасте и «без царя в голове». Вроде как симпатичный мальчик и две юные красотки – это небезопасно. Я нормально это воспринял. Главное, сказали честно и открыто. Тем более мне хотелось с ними именно дружеских отношений. Никакие там не «папа» и «мама». В глубине души я хотел жить с ними, даже очень. Но молчал об этом и не ждал, что мне когда-нибудь предложат войти в их семью. Но при этом было очень важно, чтобы они были рядом.

Это казалось мне самым главным – чтобы Денис и Диана помогли, проводили в жизнь. Не знаю сам почему. Просто чувствовал так, и все.

Глава 32

Последний вагон

В середине мая фонд «Арифметика добра» проводил «Веселые старты». Пригласили кандидатов в усыновители и младших подростков из нашего детского дома. Типа, такое знакомство для тех, кто уже школу приемных родителей окончил, и для детей-сирот. Чтобы неформально, весело – новый такой формат: и взрослые присматриваются, и дети. Меня, конечно, детский дом в список не включил, да я и не собирался больше искать семью. Но Диана позвала меня на мероприятие как волонтера: нужно было помочь. Как всегда, баннеры поставить, ролл-апы развернуть, лошадок установить, столы помочь накрыть. Я, конечно, согласился. Все равно планировал в гости к ним ехать – это была суббота, – а там как раз недалеко. Думал, после «Веселых стартов» вместе с ней и поедем домой.

Проснулся я вовремя, даже встал, позавтракал. Автобус с нашими, баторскими, должен был выезжать через сорок минут. Я с ними договорился, что тоже поеду, а потом что-то завожился – телик решил пять минут посмотреть, лег на диван перед ним и за временем не уследил. Когда выполз во двор, автобус уже уехал. Понятно, что меня никто не ждал, раз я у них в списках не был. Тем более там половина ребят были слабослышащие, они в младшем корпусе жили, и у них совсем другой воспитатель был. А я фиг его знает, где это МГИМО, в которое надо ехать. Позвонил Диане, она скинула адрес. Приехал я на метро «Юго-Западная», вроде даже нашел МГИМО, но потом, на территории, как обычно, потерялся: ходил-бродил между зданиями. Поймал какого-то тощего студента, спросил о мероприятии фонда, которое в спортзале проходит, и он меня прямо до двери проводил. Вежливый такой оказался: «Вот здесь, пожалуйста, проходите».

Я нашел спортзал, смотрю – все ролл-апы, флаги, лошадки уже стоят. Мне делать нечего. И «Веселые старты» в разгаре: четыре команды – попеременно взрослые и дети в каждой – по залу туды-сюды бегают. Какие-то конкурсы у них.

– Гоша, привет! Почему ты так опоздал?! – Диана ко мне подскочила.

– Они без меня уехали, – я что-то там проямлил.

– Заходи быстрее, в одной команде человека не хватает, – она меня подтолкнула вперед, – поможешь им!

Я встал в строй – кажется, в каждой команде должно было

быть по восемь человек: четыре взрослых и четыре ребенка. А здесь оказалось семь, да еще дети там были маленькие и тетки сплошные, ни одного мужика, поэтому они проигрывали. Короче, встал я в самый конец шеренги и оказался после тетеньки лет сорока пяти. Она со мной поздоровалась:

– Тебя как зовут?

– Гоша.

– А меня – Виолетта, – она кокетливо улыбнулась, – давай быстрее, Гоша! А то у нас беда! Без тебя команда вообще не может нормально бегать.

Не могу сказать, что она мне внешне сразу понравилась – полненькая такая, ржавые от краски волосы, куча лака на голове, пестрый макияж и немного вульгарное поведение. Зато мне понравилось то, что она все время смеялась, хохотушка такая. И бархатный спортивный костюм, по-моему, бордовый, в сочетании с черным. Я сразу подумал – дорогой. Еще на ней были черные слипы с белыми подошвами, на платформе. Все это выглядело богатенько. Поэтому я стал приглядываться к ней.

Пробежали мы всякие эстафеты, дурацкие упражнения выполнили, грамоты нам вручили. И после этого Диана мне говорит:

– Гоша, садись обедать со всеми. Если ты не против, то лучше за стол со своей командой.

Я сел за обеденный стол, за которым уже была Виолетта. С нами еще несколько человек сидело. Поначалу разговор у нас не клеился, а потом резко – бамс! – и пошли болтать обо всем подряд. Я даже не помню, о чем именно мы говорили. И вдруг Виола спрашивает:

– Ты хочешь, чтобы мы с тобой подружились?

– Можно, – я спокойно отреагировал. Подумал еще, что как-то поперли у меня новые знакомства в последнее время: кучу народу стал узнавать через Диану.

Еще раз посмотрел на Виолетту: дорогой костюм, шикаперная обувь, классные украшения. Богатая. А больше мне ничего знать не надо. Тем более она сама предложила дружить. В общении была легкая, опьяняющая, типа такая дурочка. Создавалось ощущение, что ее запросто можно будет развести. Я об этом тогда и подумал. Тем более я же красавец!

После «Веселых стартов» мы с Дианой сели в машину и поехали к ней домой. Я ей все рассказал – как обед прошел, о чем мы с Виолеттой говорили. Помню, Диана была в тот день какая-то встревоженная. Все время повторяла:

– Гоша, ты не обязан с Виолеттой дружить. Если сам не хочешь.

– Да не, норм!

– Решать, конечно, тебе.

Я реально не понимал, чего она так беспокоится. Может, приревновала. Но прямо ничего такого не говорила – чтобы я не общался или типа того.

И вот, через несколько дней Виолетта приехала ко мне в батор, мы с ней пошли гулять. Я видел, что девчата – Кристина, Маша и еще кто-то там был – смотрели и завидовали тому, какой я крутой. В тот день на Виолетте был прикольный либо серебряный, либо из белого золота браслет. Очень красивый. И опять эти локоны с тоннами лака, стоящая челка, черный пиджак, белая майка и короткие черные брюки – чуть прикрывали икры. А на ногах я не запомнил что. Хотя одежду и обувь на человеке вижу сразу и всегда надолго запоминаю. Мне даже говорили, что мне надо бы в модельеры или стилисты. Но там ведь надо знать геометрию, а я в ней совсем никак. Ненавижу. Поэтому – мимо. И тем более еще надо рисовать, а я и это тоже не умею. Если только мог бы помогать подбирать богатым теткам модные луки. Это – пожалуйста.

В общем, мы ходили, разговаривали, и она мне сразу рассказала про Сережу. Как встретила этого пацана на концерте в каком-то детском доме, как потом ходила к нему в гости. Говорила, что он хороший мальчик, что она планирует его забирать. Мне показалось, не просто так мне все это рассказывает – то ли проверяет реакцию, то ли пытается пробудить во мне ревность. Какая-то определенная цель у нее точно была – наверное, чтобы я мотивировался, чтобы начал уговаривать: «Да зачем тебе этот Сережа? Забери лучше меня!» Чтобы сразу подумал про ее семью. У нее это, кстати, и получилось, хотя я виду не подал. Слушал ее и кивал: «Окай, окай, да, конечно!» – а в голове одна мысль: «Это теперь моя богатая леди! Какой еще на фиг опять Сережа?! Она уже выбрала меня!» После прогулки и тупых рассказов о Сереже мы пошли в магазин, купили коктейли в банках и сели в лесу рядом с батором. И вот мы сидим, пьем, разговариваем. Наш разговор я не помню – наслаждался коктейлем и тем, что Виолетта разрешает мне пить алкоголь. Даже сама купила. Сижу и думаю: «Вот это круто!» Дальше достал сигарету и закурил. Она сначала кинула на меня осуждающий взгляд, но потом посмотрела уже иначе, и я в ее глазах прочитал: «Ну, курит и курит. Не страшно». А я просто курил, пил и наслаждался моментом. Мне реально было все равно, что она там говорит. И потом она у меня сигарету стрельнула и тоже закурила. Каеееф!

Через несколько дней она приглашает меня к себе домой, и я,

такой: «Еууу!» Очень обрадовался, что дело пошло. О семье Дианы я в тот момент особо не думал, вроде как показали мне настоящую жизнь, за забором батора – все, спасибо. Тем более я же понимал, что взять в семью они меня не могут и ничего такого не обещали. А Виолетта – может. Даже, скорее всего, возьмет. От сознания этого во мне бушевала такая радость! Но я надеялся, что мы и дальше будем дружить с Дианой и Денисом. Виолетта хорошо о Диане отзывалась. Поэтому я не переживал за общение с ней. Думал, что буду, как раньше, в гости к ним ездить. И еще промелькнула та самая мысль о том, что я Диане и Денису все-таки не симпатичен. Не понравился – такое бывает. Иначе, наверное, они не разрешили бы мне общаться с Виолой? Правда, когда мы виделись в баторе – Диана по делам фонда приезжала и всегда находила меня – постоянно спрашивала, все ли у меня в порядке, уверен ли я, что хочу продолжать общение с Виолой. Переживала, я видел. А я отвечал: «Конечно, все норм!»

Когда я в первый раз пришел к Виолетте домой, то просто рот раскрыл от восторга. Увидел высокие потолки, красивые портьеры из дорогой ткани, но это было не самое главное. Самое главное – ко мне подбежала собака. Настоящая живая собака – маленькая черная такса по кличке Соня – и начала гавкать. В первый день я даже не смог расслабиться и спокойно выпить вина, потому что Соня считала меня чужаком и хотела прогнать из дома. Я был для нее незнакомым, от меня не так пахло, вот она и нервничала. Правда, потом привыкла, и мы с ней очень сдружились. Какая же она лапонька! До сих пор ее люблю!

Мы посидели с Виолеттой, о чем-то поговорили. Потом стали обедать. На обед у нас были спагетти с курицей в сливочном соусе и опять-таки вино. Алкоголь, наверное, для того, чтобы немного развязать мне язык. А то я все-таки нервничал.

– Гоша, какой салат ты любишь? – спрашивала она.

– «Цезарь».

– Ну, хорошо. Потом приготовлю «цезарь».

А пока она оторвала салатные листья и положила их на тарелку.

– О, люблю листья, – было так приятно, что она хочет мне угодить.

– Я тоже листья люблю.

Думаю, Виолетта пыталась создавать впечатление, что мы с ней похожи. Когда она спрашивала меня о предпочтениях в еде, всегда говорила, что любит то же, что и я. А не любит то, что не нравится мне. Потом мы снова говорили, она рассказала мне про своего бывшего мужа, который держал ее в золотой клетке и запрещал работать. Можно было только сидеть дома или

сопровождать его в командировки, в путешествия, вместе летать на самолетах. Детей у них не было – я тогда так понял, что это она не хотела. А потом они развелись. Виола сама стала хорошо зарабатывать и вот решила усыновить ребенка.

Прошло всего несколько недель, а мы уже очень тесно общались. Встречались достаточно часто – не каждый день, конечно, но несколько раз в неделю точно – когда и у нее получалось, и у меня ничего не было. Выходные тоже проводили вместе, поэтому к Диане я уже ездить не успевал. У меня открылись новые перспективы. Кстати, Денис с Дианой сказали, что планировали взять меня летом в гости на несколько недель. Они даже оформили для этого документы. Но тогда я уже сосредоточился на Виоле и решил, что с ней шансов гораздо больше – она меня заберет сразу и навсегда. А Диана, видимо, тем и помогла мне в жизни, что через нее мы с Виолеттой познакомились. Оставалось только подготовить все нужные бумаги, чтобы я жил в семье.

Наступило лето. Я должен был уехать в приют. В летний лагерь меня тогда не отправили, потому что плохо себя вел, не учился, суд еще этот. Хотя, конечно, точную причину я не знал – это мое предположение. Но в тот год все лагеря были слишком крутыми, и типа еще надо было заслужить, чтобы в таких местах отдыхать.

Перед отъездом в приют Виолетта подарила мне телефон – чтобы мы были на связи. До этого у меня телефона не было никакого – чтобы выйти ВКонтакте или позвонить, я брал смартфон у Некита. Он, молодец, сам на него заработал.

Отправили меня в приют в Ступинский район. Оказалось, в принципе, ничего страшного – никаких решеток на окнах, ничего такого. Как обычный батор или санаторий. К тому же питалки меня сразу полюбили и много всего позволяли. Например, всех заставляют идти на улицу, а я, такой:

– Можно, пожалуйста, я останусь смотреть телевизор?

– Хорошо.

Спокойно оставался в комнате отдыха. А всех выгоняли, никому не разрешали сидеть: «На улицу! На улицу!»

Там, в этом приюте, я начал писать книгу, о которой мы говорили с Дианой. Первые страницы были самыми трудными, потому что я мало помнил из своего детства, только куски. И не понимал, как писать. Но Диана сказала: «Пиши, что помнишь и в любом порядке. Я потом помогу тебе выстроить хронологию». Мы с ней тогда еще часто созванивались по телефону. И я стал писать. Сначала историю про Егора и Алису. Понемногу, понемногу – очень медленно получалось. Еще какие-то

рассуждения, мысли записывал в ежедневник, который Диана подарила мне на шестнадцать лет. Много думал о себе, о своем прошлом и радовался, что самое страшное теперь позади. Я все испытания выдержал.

И вот через несколько дней после того, как меня перевезли в приют, звонит Виолетта и спрашивает:

– Ты где?

– Уже в приюте, – отвечаю.

– Адрес знаешь?

Я сказал, что не знаю, но выясню. Спросил у своей питалки, отправил Виоле смс с адресом. И на следующий день она приехала ко мне. Сначала мы просто гуляли по улице, сидели на лавочке, курили. Потом она неожиданно встала и говорит: «Ладно, пойду к твоему Моржу». Это она так заместителя директора приюта назвала, потому что он был толстым и с такими моржовыми усами.

Виола сходила к моржу, они там с ним пять минут поговорили, и он вышел из кабинета сам не свой, с совершенно круглыми глазами. Видимо, она его неплохо построила. Я немного обалдел: никогда не видел, чтобы так решались вопросы.

– Надо же еще разрешение из детского дома взять, – пробормотал я, – если ты хочешь на выходные меня забрать.

– Да-да, я знаю. Поговорю с директором.

И она действительно поговорила с Виктором Яковлевичем. Больше того – собрала в детском доме целый круглый стол: директора, старшего воспитателя, еще кого-то из воспитателей. Они поговорили, и через пару часов Виолетта мне звонит, радостная: «Все, разрешили!» Я тогда, помню, прямо офигел: «Как так все быстро решилось?!» То есть она и в баторе всех прогнула, не только в приюте. И сразу после этого разговора я стал ездить к ней домой из приюта каждые выходные. Сначала она сама меня забирала, и мы ехали вместе на автобусе. Тогда она была еще без машины. А потом я начал ездить один, а она взяла номер водителя приютского автобуса на всякий случай. И вот в один день у меня кончились деньги на телефоне, номер заблокировали. Но мы же с ней договорились – во сколько мне ехать. Я сел в автобус, мы поехали, и тут вдруг раздается крик водителя:

– Гоша! Сын Виолетты!

Я сразу понял, что это меня, и улыбнулся. Надо же, я уже «сын Виолетты». Звучит-то как!

– Да! Что?

– Иди сюда, Виолетта звонит.

Я подошел и взял у него телефон. А сам думаю: «Ну вот точно

из-под земли достанет! И куда она так спешит?»

Но мне это было приятно. Я вдруг сразу стал «сын». Даже не верилось, что успел заскочить в последний вагон и найти семью. Я не боялся идти к Виолетте, не думал – правильно, что все так быстро, не правильно. Мне было не до этих мыслей. Я хотел быть сыном, я желал денег и свободы. К тому же наше общение было легким и без каких-либо заморочек. Она не читала глупых моралей из разряда «воровать очень плохо» или «курить – здоровью вредить». Мне это подходило.

Диана с семьей ко мне в приют заезжали один раз – по дороге в Крым. Они ехали на машине, отпросили меня на пару часов, и мы съездили на речку на пикник. Спрашивали, как у меня дела с Виолой, точно ли все хорошо. Диана опять беспокоилась, что я так быстро переключился на нового человека. Считала, что мы очень торопимся. Говорила, что я не обязан так сразу соглашаться идти в семью к Виолетте. Лучше пообщаться три-четыре месяца на гостевом, понять друг друга. Но я как-то не особо хотел тормозить, раз уж Виола приняла меня как сына. И еще я тогда подумал, что, если с Виолеттой вдруг что-то пойдет не так, если она киданет, у меня есть Диана с Денисом. Типа, запасной аэропорт.

Я всегда оставался у Виолетты на выходные – с пятницы по воскресенье. Мы общались, болтали, ходили гулять, ездили в парк, катались на аттракционах. Ну как катались – я катался, она смотрела. Виолетта отказывалась кататься со мной: «Нет-нет-нет, я не пойду, ты что!» – и я думал: «Ну да, лучше не иди». А сам катался и кайфовал от того, что она тратит на меня свои деньги. С ней я наконец побывал в разных ресторанах. Она отвела меня в «Чайхану», где мне очень понравилось. Хотя вот наличных особо не давала. Рублей по 150–300, не больше. Зато начала покупать одежду. Где-то через три или четыре выходных. Сам факт меня порадовал, но огорчало, что Виолетта всегда выбирала одежду, которая нравится ей. А не ту, которая нравится мне. Только спрашивала для галочки:

– Гош, нормально, да?

А у самой глаза искрятся, как будто она крутой стилист типа. Я, такой, смотрю и понимаю, что не смогу возразить.

– Да-да-да. Это да!

Думаю: «Ладно, фиг с тобой, дают – бери». Из этой сферы.

На мое мнение ей почему-то было пофиг. И это, конечно, зверски бесило. А так, в остальном мне все было в кайф. Я наслаждался жизнью. И даже ни разу не задумался о ее мотиве. Зачем я ей? Деньги на меня получать? Скучно одной? Мне как-то хватало собственного мотива – бабки и вольная жизнь. В августе я

написал согласие пойти под опеку к Виолетте и переехал к ней в дом. У меня впервые в жизни появилась семья.

Глава 33

Железная леди

Я официально стал сыном Виолетты. Моя детская мечта, чтобы меня забрала домой мама, хоть и с опозданием на десять-пятнадцать лет, но все-таки сбылась.

Кстати, Виолетте обо мне по старой доброй традиции в баторе гадостей тоже наговорили. Перед тем как она меня забрала, старшая воспитательница долго сидела с ней в кабинете и уговаривала меня не брать – типа, зачем я ей нужен такой плохой, вор и так далее. Только недавно был суд, чуть не посадили.

– Он же неуправляемый. Вы не уследите за ним, возьмет, опять пойдет воровать. А отвечать вам!

Виолетта, как она мне потом рассказывала, молча слушала, что ей говорят. И улыбалась.

– Вам нужны все эти проблемы?

– Конечно, да!

И они обе вышли из кабинета. А я сидел в это время в коридоре, ждал их. Понятно, что при мне ей бы такого не говорили. И вот я смотрю на эту питалку, а у нее глаза совсем круглые после разговора. Тогда подумал: «О, еще одна жертва! И эту Виолетта построила». Я до сих пор не понял, откуда у нее такой талант – всеми манипулировать. Даже не узнал толком, кем она работала, если честно. Раньше у ее мужа был свой бизнес, она была просто женой. А дальше то ли у нее самой появилась компания, то ли она стала директором какой-то компании. Из ее работы я помню только, что она постоянно ходила на собрания и на какие-то вечеринки. Но не суть.

Конечно, жизнь у меня после переезда к Виолетте сильно изменилась. Многих вещей я просто не ожидал. Например, у меня сразу появились обязанности. Если в детском доме я мог спокойно показать «фак» и сказать, что не буду мыть полы, то здесь уже надо, значит, надо. Моей главной обязанностью в доме Виолетты стала уборка. Причем она сразу предупредила:

– Гоша, имей в виду, я буду требовать!

– Окай.

– И попробуй не соблюдать порядок! – она строго на меня взглянула. – На себе узнаешь, что такое железная леди. Я люблю чистоту, опрятность, аккуратность. Это самое главное!

– Окай, окай, я буду стараться.

К счастью, убираться я умел, в баторе мы много

практиковались. И вот я всегда мыл в квартире полы. Но Виолетта оказалась реально повернутой на чистоте: из-за каждой мимо упавшей капли меня ругала. Делала квадратные глаза и шумно втягивала в себя воздух.

– Гоша, возьми тряпку и срочно вытри! Я не могу на это смотреть. Гоша, ты свинтус, что ли?!

Я не понимал – из-за одной капли делать такую трагедию? Но терпел, молчал. Хотя она заставляла перемывать по десять раз.

– Гоша, ну ты же видишь разводы на полу? Иди набирай воду и заново мой. Гоша, что ты делаешь? Линолеум сейчас вздуется, и мне придется его менять.

И не только с полами так было. Она вообще стала часто придираться, хотя, пока я к ней только в гости ходил, ничего подобного не было. Но теперь стоило, например, в школу надеть под пиджак футболку, она тут же докапывалась:

– Гоша, это ни фига не модно! Мне так не нравится, надевай быстро рубашку.

Вслух я первое время не возражал, молча шел переодеваться, но про себя думал: «Это же мне должно нравиться, а не ей!» Еще она купила мне бабочку, вот за это спасибо – я с удовольствием ее до сих пор ношу. Она такая прикольная, красивая, и я в ней круто выгляжу.

Изменилось еще и то, что вокруг стало намного меньше людей. С одной стороны, это хорошо: можно побыть в своей комнате одному. А с другой – я-то привык к тому, что кругом движуха. И мне, конечно, было у Виолетты скучно. Но плюсы все-таки перевешивали – еда, например, дома более разнообразная и вкусная. Свободы в каком-то смысле больше. Пожалуйста, в любой момент открывай холодильник, бери что хочешь. На улицу можно выйти в любой момент, не надо никакого заявления писать. И уже нет такого строгого расписания. Короче, стало больше комфорта.

Правда, у Виолетты была еще мама, для меня бабушка. Она вместе с нами жила. Хорошая женщина, но жутко доставучая! Просто пипец. Иногда я даже радовался, что Виолетта на нее тоже орет. Потому что она меня всегда сдавала. Начинала, как только Виолетта с работы придет, своим старческим голосом скрипеть:

– Виол, твой мальчик снова курил в окно!

– Гоша, – Виолетта поворачивалась ко мне, – ты же обещал мне больше не курить в квартире!

– Ма, прости, – говорил я доверительным шепотом, – не сдержался.

– Мама, – она поворачивалась к бабушке, – успокойся, он больше не будет.

– Который раз уже обещает! – она продолжала скрипеть, как старая телега.

– Простите, пожалуйста, бабуль, я больше не буду.

Виолетту, кстати, я быстро стал называть мамой. Еще до того, как переехал к ней жить. Однажды случайно на автомате сказал «мам», а потом так и стал говорить «ма». И это прижилось. Гораздо удобнее, чем «Виолетта» или еще что-то там. Тем более мы все в баторе привыкли к этому «ма» и «мама» – питалок же так называли. Поэтому я не вкладывал в это слово никакого особого смысла. Ну а бабушку доставучую тоже начал называть «бабулей», потому что удобно.

Бабуля эта даже по выходным, на даче, покоя никому не давала. Классное, между прочим, было место – ухоженный участок и на нем два домика. Один старый, с ним и покупали участок, а второй – новый, его уже Виолетта сама построила. В смысле, купила готовый дом, и ей поставили. Бабушка ночевала в новом доме на первом этаже, а мы на втором. У меня там была своя комната – уютная, милая. Только иногда ночью там было страшно, особенно когда шел дождь и гремела гроза. Ветки царапались в окно, как будто просили впустить. Бррр! Вот как спать? Но я обычно втыкал наушники в уши, включал музыку и под любимые мелодии засыпал. А на даче реально было хорошо – все, кроме бабули. У нее, как у военного ребенка, был свой дурацкий режим. Заснуть ей нужно было обязательно в девять вечера, не позже. И чтобы к этому времени все в доме уже спали. Зато в пять часов утра она вставала. Но утром она еще разрешала нам спать, слава богу, а вот вечером сидеть дольше девяти – ни в коем случае. Как только наступало это время, бабка открывала окно в своей комнате, высывалась в него и скрипела своим жутким размякшим голосом на весь участок, чтобы мы на втором этаже услышали:

– Ну Виооооол, ну давайте спать!

Я жутко бесился от этого скрипа. В нем еще стояли слезы, а я не могу, меня бесит, когда женщина плачет.

– Все, давай спать! – говорил я Виолетте.

– Нет, Гоша, – она сидит такая спокойная, – это она так специально.

А бабушка сипела и сипела в окно. В итоге в один вечер даже сломала жалюзи, которые я так старательно вешал. Но это, конечно, мелочи жизни. Можно было внимания не обращать.

Хуже то, что постепенно начали происходить очень странные вещи. Виолетта категорически запретила мне ездить в батор к друзьям. Вот этого я точно не ожидал!

– Ма, можно, я съезжу к Некиту? Мы давно не виделись.

- Нет!
- Почему?

– Потому что в детском доме дурное общество! А ты теперь мой сын и это не для тебя.

Заодно с батором в разряд «дурного общества» очень скоро попала и семья Дианы. Виолетта запретила мне с ними видаться, нельзя было даже звонить. Каждую неделю она брала распечатки моих звонков с телефона и, если видела, что я говорил с кем-то из прежних друзей или с Дианой, устраивала страшный скандал. Как я потом узнал, Диане она тоже запретила со мной общаться: «Теперь я мама Гоши! Если хочешь узнать, как у него дела, звони мне. А ваша дружба ему больше не нужна». Все это произошло резко, прямо в один день, внезапно: «Дети Дианы тебе не компания – Даша наглая детдомовская хамка, а Нэлла распущенная девица».

Я очень переживал. Тогда уже ощутил, что что-то идет не так. Но это было еще полбеды, я как-то смирился. Что напрягало меня еще больше – мы вдруг начали вместе с Виолеттой смотреть фильмы с постельными сценами. Что ни фильм, то секс. Я смущался дико, молил про себя: «Может, хватит уже?» А вслух предлагал Виолетте поставить что-то другое. Но она как будто не слышала. Мне приходилось постоянно прикрываться, как-то себя успокаивать. А она как ни в чем не бывало сидела рядом в короткой ночнушке и то потреплет меня по голове, то еще как-то прикоснется. А я-то без понятия – может, во всех семьях так: родители не смущаются взрослых детей, запросто к ним прикасаются и фильмы про секс вместе смотрят. Откуда мне знать?

Один момент я никогда не забуду. После просмотра очередного фильма я пошел к себе в спальню, а Виолетта тихо мне вдогонку:

– Гош, тебе налить вина?

– Да-да-да, – с чего мне вдруг отказываться? – конечно, спасибо!

Она принесла бокал прямо в комнату и прилегла рядом со мной на кровать. Типа на краешек. Предложила посмотреть еще один фильм перед сном. И сама начала зверски тупить, делать вид, что не может включить видак.

– Гош, посмотри, что там такое? – она даже не встала с кровати. – У меня не получается.

– Сейчас посмотрю, – я слез с кровати, кое-как перебравшись через нее, и сел перед теликом разбираться, что там и как.

Пока искал, что случилось, а потом вставлял выпавшие провода, она уже встала и нависала надо мной. Прямо дышать не

давала. Я сижу под ней на корточках и думаю: «Все, пипец, сейчас забодает меня своими сиськами». Потом наконец все сделал, и дальше мы лежим, такие, смотрим фильм, а на экране опять какой-то разгульный секс. И у меня, естественно, снова набух.

И вот, слава богу – я ей так благодарен – в этот момент в комнату забегают собаки и начинают бегать вокруг нас, скакать по кровати. Мы с Сонькой к тому времени были большими друзьями, ходили гулять, играли вместе, дурачились. И она меня спасла – у меня, как она прибежала, резко упало, и все. И я про себя, такой: «Спасибо, Сонька! Век не забуду».

Виолетта тогда рассердилась, встала, чтобы выгнать собаку. А та все скачет: запрыгнула ко мне на кровать и легла рядом. Виолетта пытается ее схватить, чтобы выставить за дверь, а Соня не дается. Мордой во все стороны машет, типа: «Не надо меня трогать, я тут буду лежать». И в этот момент, как в замедленной съемке – ффффф, – Соня случайно захватывает носом подол ночнушки Виолетты и поднимает ее...

Она, оказывается, была без трусов! И мне так плохо вдруг стало! С того дня я ходил сам не свой и все думал – случайно это произошло или нет?

Потом было еще несколько стремных моментов, благодаря которым я понял окончательно, что Виолетта видит во мне не сына, а кого-то другого. У нее же не было никогда детей, вот она и со мной что-то не то пытается делать. Как будто я ей долбаный муж. Мы с ней даже поговорили на эту тему, я сам ее вывел на разговор.

– А ты вообще когда-нибудь хотела ребенка?

– Нееет, – она вся сморщилась, – пока была вся в работе, даже не думала.

– А до этого?

– Тоже нет, это же еще надо нянчить, менять грязные подгузники. Фууу.

И я, такой, про себя: «То есть ты не думала никогда о ребенке, а взяла меня?! Ты вообще нормальная?» Ну и вот, выстроив цепочку, я понял – она меня поит, разрешает курить, курит вместе со мной, выбирает одежду, которая нравится ей, смотрит со мной фильмы с сексуальными сценами, не хотела детей, и я, такой: «Поняятненько». Пока приезжал к ней в гости, я еще ничего такого не подозревал, да и повода не было. А потом вот начало доходить.

Глава 34

Красная бабочка

В новую школу я часто ходил в бабочке – ее очень любила географичка. Когда я в ней приходил, она, такая, сразу на выдохе: «Гынжу, четыре!» – и реально иногда ставила мне четверки. Хотя она была одной из самых злых училок: на всех собачилась, неожиданно вызывала к доске, много требовала. Гоняла только так. И еще за прогулы ее уроков никогда не прощала. Если прогулял – это все, клеймо на всю жизнь.

В ту школу, куда я перешел после переезда к Виолетте, братья меня, конечно, не хотели. Мол, второгодник, а у нас престижная школа. Но опять-таки Виолетта все вопросы решила. Мы с ней вместе ходили к директору.

– Вы понимаете, во-первых, в девятом классе уже нет мест, а во-вторых, мальчик слабый, второгодник и...

Она не дала ему договорить:

– Гоша, – обернулась ко мне, – выйди, пожалуйста, за дверь.

Через десять минут разговора с Виолеттой наедине директор вышел из кабинета с такими же круглыми глазами, с какими до этого выходили руководители приюта и детского дома.

– Поздравляю, – он даже протянул мне руку, – вы приняты в нашу школу!

До сих пор не знаю, что она им всем говорила, наверное, одно и то же. Прodelывала какой-то одной ей известный трюк. То ли грозила чем-то, то ли запугивала, но выходили все с одинаковыми лицами и на все соглашались.

И вот, первого сентября я пошел в новую школу. Виолетта утром предупредила:

– Так, Гоша, перед школой не кури! Потому что за курение там выгоняют.

– Окай, окай, – я, конечно, пообещал.

Покурил, выходя из подъезда, и побежал. Пришел на первое сентября с огромным букетом. Все дети, кстати, были с цветами. Правда, со скромными – три розочки или садовые какие-то цветочки. Один я притащился с дорожным веником, его даже держать было тяжело, и ничего из-за него не видел. Стою, такой, нервничаю: «Что там происходит? Я даже не вижу свою учительницу!» Реально как первоклашка. Потом вручил букет своей новой классной, и мы познакомились. Вера Николаевна сразу мне понравилась: добрые глаза такие, милая, симпатичная старушенька. Очень приятный голос, как будто ласкает. Потом,

вот на одном из уроков истории я тихонько взял костыль училки и, пока она что-то писала в классном журнале, сделал страшную рожу и погрозил классу этим костылем. Но в тот самый момент она обернулась и все увидела, естественно, начала на меня орать. А я ей нахамил в ответ: «Че вы на меня орете! Не имеете права!» Только потом мне стало стыдно, я подумал: «Блин, жалко старушку». Хотя ничего плохого я не хотел. А меня почему-то обвинили в том, что я ее изображал, хотя ничего подобного не имел в виду. Просто дурачился. На уроках истории я сначала сидел на задней парте, что-то там рисовал. Но потом Вера Николаевна издала указ: «Вот как у меня в кабинете сидим, так и сидим на всех уроках!» Потому что ей не нравилось, что мы где-то болтаем, где-то парочками по интересам сидим. Меня пересадили на вторую парту и на истории тоже. Но я и там продолжал лоботрясничать. Со мной сидела самая красивая девочка нашего класса. Звали ее Лера. Боже, какая она была волшебная! Аккуратненькая такая, как в средние века, с длинной шейкой, кукольным личиком. Подбородочек треугольничком, носик остороженький, глазки голубые маленькие. И одевалась она просто супер! Родители у нее были, конечно же, богатые. Я с ней сидел и сходил с ума. Так и говорил учителям:

– Простите, я не могу учиться! Со мной Лера сидит.

Короче, за полгода в новой школе я так ничего и не понял – пытался не столько учиться, сколько найти подход к учителям. С некоторыми получалось, с другими сразу было ясно, что бесполезно. С физичкой общий язык я нашел только к концу. Она, кстати, выглядела как судья. У нее были волосы накрученные, как будто парик, челка долбанская, нос такой огромный – как у вороны клюв. Еще и горбатая, с противным голосом, как у Шапокляк.

– Учи правила, тогда ты поймешь физику!

– Если я не понимаю физику, значит, я не пойму правила!

Это продолжалось бесконечно. Мы как следует помотали друг другу нервы. И я вообще удивился, когда мы с ней в третьей четверти смогли договориться о четверке. Но там были свои секреты, это потом.

В общем, поначалу все было в школе терпимо: с одноклассниками отлично, с учителями кое-как.

День у меня был такой. Утром сначала просыпалась Виолетта, открывала дверь в мою комнату, дальше меня будила Сонька. Потом я шел умываться, чистить зубы, потом приходил в столовую на завтрак – там была приготовлена яичница. Она мне ее делала почти каждый день. Я съедал яичницу, одевался. Подходил к ней попрощаться, чмокал в щеку:

– Все, я в школу!

– Да, давай, пока!

Я выходил, за мной закрывалась дверь. И я прямо там же, не отходя от квартиры, закуривал. Как раз пока дойду, должно уже не пахнуть. Школа была всего в пяти минутах. Около школы по пути встречал пацанов и девчат, мы вместе заходили в класс. После учебы я возвращался домой, там уже был обед – его тоже готовила Виолетта. То фаршированные перцы, то курица под соусом, то что-то еще. Она хорошо готовила, очень вкусно. Я ел и уходил смотреть телевизор. Или сидел у себя в комнате, копался в телефоне. Вечером приходила с работы Виолетта. Был ужин, потом просмотр фильма, если время позволяет. И все, отбой. Уроки она у меня не проверяла, вместе мы не занимались. Она, такая: «Сидит в комнате, и хорошо. Значит, учит». Но я-то, понятно, даже учебники не открывал.

Единственные дополнительные занятия, которые у меня были, это с «дедулей». Он был почти членом семьи – друг Виолы. Она меня с ним познакомила, еще когда брала меня на гостевой режим. Мы с ним сначала собирали мне диван дома – Виолетта первым делом диван мне купила. Потом на даче вместе мебель собирали. Он чуть-чуть меня приучил к такой работе, я стал немного понимать, что как устроено. И вот Виолетта почему-то называла его «дедулей». Хотя он был совсем не старый, даже младше нее на несколько лет. Но любил поворчать, что-то там повспоминать из прошлого – за это Виола его так и прозвала. И вот она сидит однажды, такая, затягивается сигареткой, и говорит:

– Дедуль, я тебе поручаю обучить Гошу английскому языку.

– Давай попробуем, – он со всем, что Виолетта предлагала, соглашался. Своего мнения у него не было.

Английский дедуля знал в совершенстве, в Америку постоянно летал, даже учился там и потом жил какое-то время. А дальше вернулся в Россию, но все равно его бизнес был связан с Америкой. И он меня начал обучать английскому языку. Правда, я его не воспринимал всерьез, потому что с самого первого дня он вел себя со мной как шутник, с которым можно похохотать и развлечься. Поэтому я на его уроках, такой, сидел и мысленно просил: «Ну давай, ну пожалуйста, начни шутить! Не могу я про английский слушать». Так наши уроки постепенно сошли на нет. В конце только и было, что смешки и насмешки. Никакой учебы. Он не смог меня заинтересовать.

А по другим предметам у меня репетиторов не было. Виолетта думала, что я и так сдам ОГЭ. Вроде как на минимум ничего сложного. Но мне еще как трудно было! Зато потом, после

девятого класса, она собиралась взять меня на работу к себе в офис. Сразу мне так и сказала: «Гоша, отучись этот долбаный девятый класс, и сразу пойдешь ко мне». Поэтому я и не напрягался – она меня возьмет на работу, и прекрасно.

Но постепенно между мной и Виолеттой росло напряжение. Меня бесило, что она орет из-за каких-то капель, разводов, что у нее всегда черное должно быть черным, а белое белым. Понятно, перфекционистка. Но я же старался, как мог! Хотя, конечно, до ее стандартов все равно не дотягивал. Мне было тяжело, я постоянно по мелочи что-то делал не так. А она меня ругала. И еще вот эта путаница – кто я ей? – не давала покоя. Мы жили в постоянном недовольстве, как будто не оправдали надежд друг друга. Виолетта терпела-терпела меня, а потом все равно не вытерпела.

В один прекрасный день у меня несколько раз упал на пол новый телефон, который она мне подарила. Сам уже не помню, почему так получилось. И вот она приходит вечером с работы и видит: на комодe телефон лежит, а на нем царапины. Я их даже не увидел, если честно, внимания не обратил.

– Гоша, это что?

– Телефон, – я не понял, о чем она.

– Гоша, что это?!

Она показала длинным ногтем с дизайнерским маникюром на едва заметную царапину.

– А, это? Ма, ну прости, упал, чуть-чуть поцарапался. Бывает.

– Гоша, что значит чуть-чуть поцарапался?! – она была в ярости. – Значит, ты не уважаешь мои подарки?! Давай я все это у тебя заберу. Одежду, которую я тебе купила, обувь, телефон. Давай! Если ты все это не ценишь!

– Я ценю, – я пытался как-то ее успокоить, – это всего лишь какие-то царапки.

Ну и все, у нее началась истерика. Она стала орать. Потом позвонила Диане, снова кричала, жаловалась на меня. Я сидел в соседней комнате и все это слышал. Виолетта угрожала, что сдаст меня в полицию из-за испорченного телефона. Говорила, что вызовет наряд немедленно, и пусть меня забирают назад, в детдом. Что я какое-то отродье, вредитель. Что она сломала себе жизнь, взвалив на себя такой груз. Я лежал и думал: «Ну, все, пиздец». Время было уже за полночь, но Виолетта не прекращала разговор – не меньше часа мыла Диане мозги. Та вроде пыталась ее успокоить, отговаривала от полиции. Судя по всему, рассказывала про адаптацию. Чем там их разговор закончился, я не знаю – просто уже не выдержал, вышел на улицу покурить. Потом вернулся в дом, лег в свою кровать, но никак не мог

уснуть. Через несколько часов ко мне входит Виолетта.

– Ну что, выдохнул? – то ли мириться приходила, то ли что, мне уже было неинтересно.

– Это я выдохнул?! – я сделал круглые глаза. – Ты должна была выдохнуть!

Она что-то пробормотала себе под нос и ушла. А я лежал и думал обо всем этом. Я же слышал, что хочет отдать меня обратно, даже готова вызвать полицию. В тот вечер я решил, что, пока не поздно, мне самому надо валить.

Глава 35

Между небом и землей

Я считал, что и так долго продержался в ее семье – не косячил, не напивался, не воровал, ни с кем не трахался, даже в батор реально не ездил к пацанам. Жил как болванчик: школа – дом, школа – дом, школа – дом. Костюм, бабочка, пай-мальчик. Я ходил и думал обо всем этом целую неделю. А потом пришла мысль написать ей прощальное письмо и просто вернуться в детский дом. Жаль, письмо то не сохранилось. Я там благодарил ее за все хорошее, что она для меня сделала. За то, что я узнал, что значит жить в семье. За доброе отношение. И писал, что больше быть ее сыном не могу, возвращаюсь в детский дом. Это было 6 ноября 2015 года. Мы прожили под одной крышей три месяца.

Виолетта ничего мне не ответила, зато сразу переслала письмо Диане. Та была на какой-то пресс-конференции по поводу Всемирного дня сирот, но тут же вышла, стала созваниваться с главным психологом фонда «Арифметика добра», Натальей Валентиновной. Они договорились, что мы все вместе встречаемся вечером в фонде и думаем, как нам быть. После этого мне позвонила Диана и попросила приехать в фонд.

Сначала мы сели за круглый стол. Психолог с Дианой пытались нас с Виолеттой примирить, объясняли, что вначале всегда бывают сложности. Но Виола не могла молчать, она опять стала наезжать на меня. Уже при них. Тогда Наталья Валентиновна предложила, что они с Виолеттой пообщаются наедине, а мы с Дианой пока их подождем. Мы пошли в ближайшее кафе. Диана, пока сидели, рассказывала мне о том, что это адаптация и это нормально. Что отношения еще могут наладиться, если приложить усилия. Но я в это уже не верил и ничего не хотел. Я знал, что в баторе мне будет лучше. Мы немного пообщались, я, кстати, даже есть не мог от волнения, только кофе пил. И вернулись в фонд. Виола с психологом все еще разговаривали, уже больше двух часов прошло. Потом нас позвали, и мы вошли. Я повторил все то же, что писал в письме – что к Виолетте ни за что не пойду, возвращаюсь в детский дом. Я тогда еще не знал, что меня обратно в свой батор просто так не возьмут. Да и не понимал, что в пятницу вечером никто не станет ничего оформлять. Тогда психолог с Дианой предложили нам с Виолой какое-то время, несколько дней, пожить отдельно, чтобы мы спокойно все взвесили и обдумали. Стали перебирать

варианты. Виолетте особенно некуда было уехать, мне тоже, тогда Диана предложила Виолетте или мне поехать на выходные к ней. Отдельно друг от друга успокоиться и подумать. Я сказал, что меня этот вариант устроит, и я поеду. Но Виолетта взбесилась. Не говоря ни слова, выбежала из кабинета, Диана бросилась вслед за ней. Попыталась поговорить, но опять ничего не вышло – Виола просто швырнула ей мой паспорт и ушла.

В тот вечер мы приехали к Диане. У них в гостях была бабушка из Казани, мама Дениса. Очень приятная, добрая, мне сразу понравилась. Она меня накормила, а потом меня положили спать в гостиной на диване. И утром я поехал с Дианой в командировку во Владимир. Она купила мне билет и взяла с собой. Всю дорогу мы разговаривали. Диана мне рассказывала, как трудно им с Дашей найти общий язык. Хотя вместе они живут уже семь месяцев. Но адаптация не закончилась, наоборот, в самом разгаре. Даша скучает по маме, которая сидит в тюрьме, а их семье как будто за это мстит. На любую просьбу огрызается. И нервы уже не выдерживают. И крик стоит, и слезы льются, причем у всех. Чего только они не наговорили друг другу! Только на днях Даша кричала: «Верните меня обратно в детский дом!» И все равно они остаются вместе. Потому что когда-нибудь это пройдет. И конечно, Дашу никто никогда не вернет в детский дом, а только маме, если они обе решат вместе жить. Но и это будет тяжело, все равно они уже привязались друг к другу. Я слушал все это, а про себя думал, что, может, и надо еще потерпеть, потом станет лучше: «Вот сейчас выдохну, друг от друга передохнем, и, возможно, если заскучаю по Виолетте, то ладно, ненадолго останусь с ней. А если нет, то нет». Я знал, что это у нас адаптация, Диана все мозги мне ею прополоскала. Но я знал еще и то, что мне такая адаптация не нравится. Поэтому мысль, что надо валить – рано или поздно, – никуда не делась.

Во Владимире мы были всего один день. Диана там выступала перед приемными родителями, потом отвечала на вопросы журналистов. Меня она тоже вовлекала – постоянно о чем-то спрашивала, просила на некоторые вопросы родителей за нее отвечать. Это было трудно – говорить перед таким количеством людей, – но мне, если честно, понравилось. Круто, когда спрашивают твое мнение, интересуются чувствами, которые были в детском доме. Той же ночью мы вернулись в Москву. А на следующий день, в воскресенье, Виолетта приехала меня забирать. Мы договорились, что встретимся в торговом центре недалеко от дома Дианы. Виола попросила, чтобы Диана меня ей с рук на руки передала, хотя я и сам мог прекрасно доехать. Зачем все эти церемонии? И вот мы приезжаем на место встречи,

вижу, идет Виолетта: в своей шиншилловой повязке на голове, в спортивном костюме под норковой жилеткой. И с ходу начала рассказывать, как к ней только что мужик какой-то клеился: «Ой, а меня только что замуж позвали». И хихикает. И я понял, что совсем по ней не соскучился.

В тот день вернулся домой к Виолетте и дальше жил просто как квартирант. Приходил с учебы, смотрел, что есть на обед, обедал и уходил к себе в комнату. Вышел на минутку покурить, и опять к себе. Когда она приходила домой с работы, дверь я к себе закрывал – типа, все, сплю. Потихоньку только сбегая в ванную, пока никого в коридоре нет, почищу перед сном зубы – и опять в кровать. Короче, вся жизнь проходила в комнате. Мы перестали общаться. Вообще не разговаривали. Я точно не помню как – в первые дни она пыталась там что-то наладить. А потом поняла, что бесполезно что-либо исправлять. Я тогда узнал, где находится наша опека – то ли у Виолетты спросил, то ли в Интернете посмотрел, не помню, но, короче, выяснил. И после школы пришел прямиком туда. Нашел кабинет, где сидел наш специалист, и с места в карьер:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – специалисты удивленно всем кабинетом на меня уставились.

– Вопрос, – говорю, – как сделать так, чтобы, когда ребенка заберут из семьи опекуна, его направили сразу в тот детский дом, откуда взяли.

Нашего специалиста звали Юлия, отчества я не помню, и вот она сразу, такая:

– Такого не может быть!

– Как не может?! – у меня аж все похолодело внутри. – У нас в детском доме такое было. Моих знакомых девочек забрали в семью, а потом они вернулись сразу в наш детский дом.

А про себя думаю: «Блин, вот попал! Не хочу, чтобы меня отправили в какой-то другой детский дом. Опять привыкать, новые питалки, новые люди. А вдруг вообще в коррекционный отдадут?!» А она продолжает настаивать:

– Нет, это невозможно. Забирают сначала в больницу, потом в приют, а оттуда уже распределяют в детский дом. Куда направление дадут. А почему у вас такой вопрос?

– Не, не, – я решил не палиться, а то вдруг прямо сейчас отправят в больницу и потом в приют, – я просто решил узнать.

– Я сейчас приведу нашего психолога, – она поднялась с места, – он с вами поговорит.

И вот мы, типа, с ней поговорили, с этой психологичкой. Я ей рассказал всю эту фигню, которая у нас с Виолеттой творится.

Даже про фильмы с сексуальными сценами рассказал. И про то, что она ложилась рядом со мной в одной ночнушке. А психолог это вместо того, чтобы меня поддержать и помочь как-то из ситуации выйти, стала пургу нести:

– Ну, переживи этот момент. Это совершенно нормально.

– Вы знаете, – я разозлился, – это ненормально! Типа, сразу совать мне алкоголь и ходить вокруг в ночнушке без трусов. Это ненормально!

А она опять мне одно и то же:

– Гоша, живи спокойно, это все нормально.

И я, такой: «Пипец! Ну, okay. Пришел, блядь, поговорили». Я понял только одно – тут мне поддержки не будет, они всеми силами станут удерживать меня у Виолетты в семье. А иначе – возврат. Он им зачем? Они же сами Виолетте заключение дали, что она может быть опекуном, сами все оформили. И теперь, если я в батор вернусь, статистика какая-то там у них пострадает, премии кого-нибудь лишат. Все. Бесполезняк. Я вернулся домой.

Но, конечно, не успокоился. На следующий день опять в опеку пошел. И через день тоже. Все время задавал один и тот же вопрос:

– Как мне вернуться в свой детский дом?

Хотел достать их, тупо взять измором, чтоб они в конце концов устали от меня и сказали: «Okay, ладно, отправим мы тебя в твой детский дом. Только отстань». Тогда мне казалось, что так и будет.

Но в итоге я просто допрыгался – в последний раз меня очень грубо отшили:

– Еще раз тут появишься без опекуна, и мы вызовем полицию! Отправим, как положено, по этапу!

Начальница опеки запретила охранникам меня даже на порог пускать. Вот тогда я уже реально испугался. Понял, что никто там меня слушать не будет и уж помогать тем более. Им пофиг, что у меня в жизни творится. Я устроен в семью, один-единственный ребенок у богатого опекуна, катаюсь как сыр в масле – и заебись! Тогда я позвонил Диане. Она мне сказала, что не надо раздражать опеку, а то они реально отправят меня в какой-нибудь приют. Надо искать выход.

– Я больше тут не могу! – я готов был заплакать. – Это не жизнь!

– Гоша, пожалуйста, – я слышал, что Диана реально за меня испугалась, – постарайся успокоиться. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

– Блиииин, – я уже хлюпал носом.

– Мы тебя не бросим, – она говорила, и я ей верил, – что бы

ни случилось, будем с тобой.

– Окааай!

– Гоша, – она помолчала, – а ты уверен, что именно семья Виолетты тебе не подходит? Может, ты после стольких лет в детском доме в принципе не можешь привыкнуть к семье? А Виолетта ни при чем?

– Не знаю, – я снова всхлипнул, – я же не пробовал жить в другой.

– А ты бы хотел? Попробовать.

– Наверное, – я немного успокоился.

– И какая это должна быть семья? Чтобы ты мог там прижиться.

– Скорее всего, – я задумался на мгновение, – типа как у вас. Чтобы другие дети там были.

Мы попрощались. Диана через пару дней позвонила мне и пригласила в фонд. Я стал два раза в неделю ходить к Наталье Валентиновне на личные встречи и еще к одному психологу в «Арифметике добра» на групповые занятия. Они меня тогда очень поддержали. И я именно в то время с Натальей Валентиновной подружился. Мы с ней постоянно обо мне разговаривали, я сразу стал ей интересен. Как и Диане. Мне нравилось, что эти люди готовы были слушать меня, а не навешивать ярлыки или тупо гнуть свою линию. Я чувствовал, что ни Диана, ни Наталья Валентиновна не считают меня вором, алкоголиком или кем-то еще пропащим. И уж точно не обвиняют в том, что с Виолеттой у нас не получилось. Они просто видят человека со своим внутренним миром и особенным опытом. Диана часто повторяла: «Гоша, мы же с тобой творческие личности». Как будто даже объясняла этим мои косяки. А Наталья Валентиновна говорила: «Гоша, ты очень добрый, душевный человек». Это было так круто! Я им поверил.

Мы с Натальей Валентиновной созванивались иногда даже по вечерам, если мне тяжело становилось. Она дала мне свой мобильный и разрешила звонить хоть днем, хоть ночью. И всегда меня утешала. Такая добрая – как лучшая в мире бабушка. Я ей все-все рассказал, донес даже свою мысль, что Виолетта с мужем меня перепутала. И она, такая: «Тогда понятно, в чем дело. Этого я и боялась». Мы начали разбирать нашу ситуацию и думать, как расстаться с Виолой так, чтобы не было большой травмы ни для меня, ни для нее. Виолетта тогда тоже к Наталье Валентиновне ходила. Они даже обсудили эту тему – что Виолетта меня не приняла как ребенка. И она, такая: «Да, возможно, я перепутала».

Под конец она сама поняла, что не сможет меня удержать. И после этого уже старалась не впадать в истерики. Но находиться

рядом нам с ней по-прежнему было невыносимо.

Глава 36

Перед рассветом

Закончился ноябрь, наступила зима. Мы с Виолеттой пришли к пониманию и договорились расторгнуть договор опеки. Она сказала, что пойдет со мной вместе и напишет отказ от опекунства надо мной. Сам-то я ничего сделать не мог, меня опека вообще в расчет не принимала. Как будто я не человек, а пустое место. Хотя потом я слышал от кого-то, что ребенок старше четырнадцати лет может просто написать заявление и отказаться от опекуна. Но нет. У меня вот не вышло. И если уж я, почти взрослый пацан, ничего не смог им доказать, каких детей они станут слушать?

– Только я не буду ждать, – предупредила меня Виолетта, – это все слишком тяжело. У опеки приемный день в среду. Вот и пойдем.

– Уже?

– Да, – она кивнула, – вещи заранее собери.

И я опять запаниковал. Вдруг приют? Что, если Диана ничего не успеет до среды придумать?!

Я позвонил ей:

– Привет!

– Привет, Гоша. Слушаю.

– Мы с Виолеттой в среду идем в опеку.

– Ясно, – по голосу я услышал, что она заволновалась. Спросила, во сколько мы идем, как зовут нашего специалиста. Я ответил.

– Меня отправят в приют и в чужой детдом!

– Постараемся, чтобы не отправили. Я приеду в твою опеку в среду.

– Ты их сможешь уговорить?

– Гоша, пожалуйста, дай мне еще немного времени!

– Окааай, – я очень боялся и не знал, что будет.

И все, наступил этот день – 18 декабря. Мы с Виолеттой пришли в опеку. А у нашего специалиста, оказывается, уже Денис с Дианой сидят. И Даша с Нэллой их ждут в коридоре. Я, такой, от неожиданности прифигел. Сел с девчонками рядом. Виола, как их увидела, психанула – с пинка открыла дверь в кабинет начальницы и скрылась там.

– Ну что, братик, – Нэлла тихонько пихнула меня кулачком в плечо, – новая жизнь?

– Чего?! – я от волнения вообще ничего не понял.

– Не бойся, – она улыбнулась, – все будет хорошо.

Долинская сидела, отвернувшись от меня к стене. Даже не поздоровалась. Я почувствовал, что она на что-то конкретно злится. Но, честно говоря, мне тогда своих переживаний хватало. Не очень-то я на нее внимания обращал. Потом девчонок вызвали в кабинет. Я остался в коридоре один. Дальше открылась дверь, они вышли, и позвали меня.

– Ты точно так решил? – спросила специалист.

– Как?

– Так! Выйти из-под опеки Виолетты? – эта Юля, специалист, выглядела такой злой.

– Да, – я кивнул.

– Подумай, – она в последний раз попыталась наставить на путь истинный, – она прекрасная женщина. Сильный человек. О такой матери можно только мечтать!

– Подумал, – у меня во рту пересохло, – я все равно уйду.

– Пиши! – она в раздражении протянула мне лист бумаги.

Я начал писать то, что мне диктовали: «Прошу расторгнуть договор опеки такой-то, бла-бла-бла, по причине, бла-бла-бла».

– Он и от вас все равно сбежит, – Юля вдруг обернулась к Диане.

– Значит, сбежит, – Диана даже не попыталась спорить.

– И двух недель не пройдет!

– Хорошо, – Диана кивнула, – не пройдет. Мы готовы.

– Теперь на, согласие пиши, – Юлия шлепнула передо мной еще один чистый лист.

– На что согласие?

– На опеку! Вот эта семья, – она небрежно мотнула головой в сторону Дениса и Дианы, – хочет тебя забрать. Или ты возражаешь?

– Нет, – я улыбался во весь рот, – я согласен.

И только тогда поверил своим догадкам, понял наконец, что происходит. Меня не отправят в детский дом – ни в мой, ни в какой-то другой! Денис с Дианой решили меня забрать. Я торопливо написал все, что диктовали, и вышел в коридор. Сидел в холле как на иголках и думал только одно: «Лишь бы не сорвалось, лишь бы не сорвалось!» И тут раздался звонок:

– Гоша? Это Виктор Яковлевич говорит.

– Да, Виктор Яковлевич, – я даже привстал: сам директор мне впервые в жизни звонил.

– Как у тебя дела? Я слышал, есть какие-то проблемы.

– Уже все нормально, – я широко улыбался в трубку, – сейчас меня передают в новую семью под опеку.

– Ну ладно, если что, звони!

Надо же, сам позвонил – помнил и беспокоился обо мне, хотя я уже давно не был его подопечным. Спасибо ему!

Мы с девочками сидели и ждали в коридоре, пока взрослые закончат свои дела. Первыми вышли Диана с Денисом, Виолетта все еще сидела у начальницы.

– Сходи попрощайся, – тихо сказала Диана.

Я заглянул в кабинет – дверь была приоткрыта, – Виолетта рассказывала начальнице, что Диана насильно отнимает у нее сына, и плакала. Она заметила меня и посмотрела вопросительно. Я пролепетал что-то невразумительно вроде: «Виолетта, спасибо за все! Я пойду?» Сердце бешено колотилось о ребра. Она мне ничего не ответила, только расплакалась еще сильнее и прижала к носу платок. Железная леди. Бизнесвумен. Перфекционистка. Мне стало так ее жалко! Но даже если бы я мог, не стал бы ничего менять. Не вернулся бы к ней.

Мы вышли на улицу и сели в машину. Я все еще не мог прийти в себя от потрясения.

– Гоша, прости, что заранее не сказали, – Диана обернулась ко мне, – и даже не спросили, хочешь ли ты к нам.

– Я хочу!

– Спасибо, – она улыбнулась, – мы сами до последнего не знали, получится или нет.

– Я понял.

– И обнадеживать тебя не могли, – она вздохнула, – твоя опека не хотела передавать тебя из семьи в семью. Предварительную опеку тоже не разрешили. Все нервы нам измотали. Мы уже вторую неделю сюда катаемся.

– Ничего себе. А как вы успели собрать документы? – Я уже знал, что это занимает не меньше двух месяцев: по крайней мере, с Виолеттой так и было.

– Носились как бешеные по больницам и прочим инстанциям, – она снова улыбнулась, – кажется, поставили рекорд. Спасибо Денису, он все так четко организовал.

– Прикольно! – я сидел и тоже улыбался, как дурак.

– Еще раз прости, что мы тебя не спросили даже. Я рада, что ты не против.

– Конечно, нет! – я подумал, какие все-таки взрослые бывают глупые, даже если они и не дураки, – я же давно хотел...

– Да? – она выглядела удивленной. – А почему молчал? Я думала, ты хотел в семью к Виолетте.

– Это потом. А сначала вы же говорили, что вам страшно, – я хорошо запомнил наш давний разговор, – что я такой мальчик-гуляка, а в семье девочки. Уже не боитесь?

– Боимся, – Диана вздохнула, – но что делать? Друзей же не

бросают в беде. Будем как-то договариваться.

– Спасибо!

Мы ехали, за стеклами машины резко стало темно и пошел дождь вперемешку со снегом. А я сидел и думал: «Молодцом! Хоть теперь додумались меня забрать. Молодцом! А я им помогу – не буду больше косячить налево-направо. Все будет норм!»

Мы приехали домой, и я как-то сразу успокоился. Мне снова постелили на первом этаже, на диване, потому что в гостевой комнате, которая потом стала моей, временно спала бабушка. Теперь уже другая – мама Дианы. Она тоже приехала погостить на пару недель из Казани. И тут такой сюрприз в виде меня. Мы, кстати, с ней быстро подружились, как и с мамой Дениса. Я потом еще в гости к моим новым бабушкам ездил в Казань, жил там у них, меня шикаперно встречали. В общем, я обошел свою новую территорию, посидел на диване: «О, мой любимый идиотский жесткий диванчик. Но на тебе так прикольно спать!» И с мыслью, что наконец-то я дома, пошел вместе со всеми ужинать.

Глава 37

Новая жизнь

Все собрались за ужином. После дома Виолетты семь человек за столом мне показались толпой. И снова было шумно, как я привык. Все туды-сюды мельтешили. Родители какие-то планы на следующий день обсуждали вместе с детьми, договаривались, кто и что будет делать. Не указывали, а как бы распределяли. Мне это понравилось. И еще я радовался тому, что в доме есть маленький ребенок. Помню, смотрел на младшую Дашу и думал: «Прикольная малява! Будет, с кем поиграть, кого понянчить. Через полтора года восемнадцать, потом свои дети пойдут, а тут как раз тренировочный ребенок». Она, кстати, в тот вечер всех насмешила. Сидит, такая, в своем высоком стульчике, и ни с того, ни с сего:

– Даса – Маскова!

С гордостью, главное, говорит. По ходу фамилию свою только что выучила.

– Правильно, – Диана ей кивнула, – а мама?

– Мама тозе Маскова, – обрадовалась она, немного подумала, – и папака!

– Неет, – Диана засмеялась, – папа у нас Салтеев.

– И я Салтеева! – тут и Нэлла включилась.

Я сижу, перевариваю. Сам первый раз услышал фамилию Дениса и Нэллы.

– А Даса басая?

– А Даша большая – Долинская!

И я, такой, думаю: «Про меня, интересно, вспомнит или нет? Про бабушку вон не спросила».

– А Госа, – она вдруг вспомнила, как будто реально мысли мои прочитала, – Масков?

– Нет, – Диана улыбнулась, ей, похоже, стало приятно, – Гоша у нас Гынжу.

– Низзя так гавалить!

Даша вдруг расплакалась, как будто кто-то меня обидел. И давай кричать: «Низзя так! Низзя!». Уууууу, такая лапа! Губки надула, брови нахмурила, плачет. А вся семейка еле сдерживается, давится от смеха.

– Дашечка, у Гоши фамилия такая, Гынжу, – Диана стала сквозь смех объяснять, – это не плохое слово. Наоборот, очень хорошее! Никто не хотел Гошу обидеть.

В общем, кое-как ее утомонили. А после ужина, когда все

поели и уже убрали со стола, Диана положила передо мной лист бумаги. Это были распечатанные правила семьи. Всего четыре пункта. Я очень удивился. Но при этом мне сразу понравилось, что там все ясно, четко и не надо гадать, что можно, чего нельзя. Первое правило было про то, что в семье родители – главные. Они заботятся о детях, отвечают за детей и работают для того, чтобы у детей все нужное было. А дети живут по законам, которые установили родители и помогают им. Еще там было про учебу – типа это ответственность детей, родители учебой не занимаются, но, если нужна какая-то помощь, всегда помогают. Было еще правило, что в семье все друг друга уважают – нельзя унижать родных людей ни действиями, ни словами. И еще что-то одно, уже не помню. А! Точно! Что все старшие дети – то есть Нэлла, Даша и я – приходят домой не позже десяти часов вечера. Если опаздываешь, будут санкции. В основном это в штрафах выражалось: косячишь – получаешь на следующей неделе меньше карманных денег. Просто и понятно. Виолетта мне, кстати, никаких правил не давала. И даже на словах мы ничего такого не обсуждали. Только предупредила: «Я люблю чистоту, опрятность, аккуратность». Вот и все инструкции, остальное – догадайся сам.

На следующее утро мы все разъехались кто куда – в школу, на работу. Девчонки учились в разных местах, мне тоже нужно было ехать в свою школу. Только бабушка с маленькой дома остались. Денис подвез меня и Нэllu до метро, а пробища там оказалась просто адской. Ехали мы с ним целый час. Потом еще на метро мне надо было тащиться сорок минут. И Нэлле примерно так же, только в другую сторону. Короче, теперь до школы было добираться почти два часа. Это вместо прежних пяти минут. Пипееец! Вот, думаю, вляпался. Но я все равно в другую школу переходить не захотел. Мы с Дианой успели этот вопрос обсудить. Смысла не было школу менять – до ОГЭ осталось всего пять месяцев. Новые дети, новые учителя, это я до экзаменов буду только привыкать. И опять меня никуда не допустят. По моей учебе Диана с Денисом, зная всю предысторию, сильно запарились. Я слышал, как в первый же вечер они в кухне обсуждали, что делать. Как вытягивать хотя бы те предметы, по которым мне нужно сдавать ОГЭ. А я, блин, к тому времени даже еще не знал, какие предметы буду сдавать. Ну, русский и математику обязательно. А еще два? Не представлял. Они тогда решили, что поедут, как только договорятся о встрече, знакомиться с Верой Николаевной и с директором школы. Узнают, какая у меня ситуация, и подумаем вместе, что делать.

В общем, ехал я в первый день в школу и думал: «Ладно, поспать, что далеко. Зато у меня теперь три этажа. Хотя на третий

ходить пока не разрешают, но ничего, подождем. Главное, люди проверенные и все-таки прикольные». Но какие бы проверенные ни были, поначалу все равно было трудно привыкнуть к новому месту – новая обстановка, другие люди, другой уклад. Первые ночи я не мог нормально спать. Лежал с открытыми глазами в постели и смотрел в потолок. Диана, оказывается, тоже совсем не спала. Я один раз встал ночью в туалет, так она тут же прибежала:

– Кто тут ходит?!

– Это я.

– Ты куда?

– В туалет ходил.

– Понятно, – она стала озираться как полоумная, – а девочки у себя?

– Откуда я знаю? Я их не видел.

– Смотрите мне! – вот точно у нее бзик был на этой почве. – Еще раз повторяю, Гоша – на третий этаж тебе нельзя ходить. Ни под каким предлогом. Там девочки спят. Понял? Я все услышу!

– Не-не-не, – я замотал головой, – не пойду.

Лег опять и слышу, она там чего-то все ходит-бродит наверху, никак не успокоится. Лежу и думаю: «Да нееее, Ди, я же ангел. Лег на свой белый диванчик и сплю. Никаких ночных походов! Жестко тут, правда, ну ничего, надо немного потерпеть». Мне, кстати, в тот год совсем не до девушек было. Такие повороты судьбы! Семья новая, новые отношения, если еще с девушкой что-то надо будет налаживать, я просто не выдержу. Это все слишком сложно. Конечно, я общался с девчатами в школе, даже немного заигрывал, но никаких таких муток не было почти целый год. Ни пока у Виолетты жил, ни пока привыкал к семье Дениса с Дианой. Только потом, где-то с осени, начал уже встречаться понемногу.

Со мной Денис и Диана с первого дня не сюсюкали. Все выложили как есть и сразу объяснили, чего от них ждать. Еще раз убедился – Диана добренькая, но строгая иногда. А еще немного сумасшедшая, как она сама говорит. Может и подурачиться, и поржать вместе с нами, детьми, и песни погорланить, но может и разозлиться так, что никому не покажется мало. Они мне сразу открылись и показали, кто они есть – ничего за спиной у себя не держали. При мне не боялись даже в первые дни все свои дела обсуждать. Ругаться могли при мне, как будто все нормально, как будто я уже свой. Это было и когда я в гости только ходил, и когда насовсем переехал жить – тем более. Не строили из себя идеальных родителей, ничего такого. Тоже по-своему косячили, но потом, если что-то не так делали, извинялись. И я, такой:

«Бинго, мое гнездышко. Остаюсь!» А когда я у Виолетты появился, она сначала, такая: «Ми-ми-ми, уси-пуси». Кого-то из себя изображала, типа вся такая крутая, а-ля мизинчики вверх. И я в ответ тоже кого-то изображал. Пай-мальчика в бабочке. А потом, когда она уже забрала меня, началось: «Гав-гав-гав». И я, такой: «Что, блин, простите? До этого момента ты была такая аморэ мио, цены тебе не было, а сейчас такую фигню творишь?». У Дианы с Денисом сразу было, как есть. Я им тоже показал себя. Если хотел психануть, психовал. Они, по-моему, даже радовались, что я не какой-нибудь замороженный, а живой. Показываю свои чувства. Помню, в первые месяцы я все-таки старался понравиться. Мне уже отдали мою комнату на первом этаже – бабушка уехала, – и я каждое утро заправлял за собой постель, все вещи аккуратненько складывал в шкаф. И вот когда к новой обстановке привык, вдруг резко перестал это делать. И Диана, такая: «О, Гоша, поздравляю! Похоже, ты у нас прижился. Постель не заправлена, полшкафа переехало под кровать». И мы вместе поржали. Короче, все мы спокойно сошлись. Я просто видел, что они добрые, несмотря на строгость и иногда суровость. Но доброта не такая: «На, деточка, бери, что хочешь, и не делай ничего, только развлекайся». А в том смысле, что они готовы были без конца помогать, помогать, помогать. Даже если косячишь, ругали и снова помогали. Никому в голову не приходило угрожать полицией. Поорать, конечно, могли. Живые же люди. Но, главное, если есть какая-то проблема, то ее мы решали все вместе, а не так, что один себе что-то там думает, а другой должен угадывать и исполнять. Мы всегда собирались, обсуждали. Мое мнение спрашивали, девчат тоже. Всем детям давали высказываться и просили предлагать собственные решения.

Кстати, нам всем, старшим детям – мне, Нэлле, Даше – давали по тысяче рублей в неделю карманных денег. Мне сначала показалось супер, так много! Но на самом деле нам всем на учебу было ездить далеко, и надо было как-то поесть вне дома, причем не один раз. Поэтому как раз хватало впритык. Ну, или если сэкономить – что-нибудь с собой из дома взять – в выходные можно было немного погулять. Это были самые прекрасные времена! Но потом я просек их фишку: деньги они давали еще и для того, чтобы в случае косяков было, что забирать. Когда у человека ни хрена нет, ему и терять-то нечего. А когда у него свои собственные деньги и хорошая жизнь, но он вдруг накосячил – покурил там, прогулял урок, домой опоздал, наврал с три короба – на следующей неделе денег дадут уже меньше. Да еще мозги будут полоскать. И тут сам подумаешь десять раз.

Конечно, я не хочу сказать, что у нас все было гладко. Они

хорошо так бесились, когда я на автомате выдавал что-то вроде: «А когда у нас постель будут менять?», «Вещи в стирку кому сдавать?», «Когда сегодня обед?» Диана тут же меня отшивала: «Когда возьмешь в шкафу чистое белье, тогда и поменяешь», «Вещи в стиральную машину сдавать и самому стирать», «Когда сможешь приготовить, тогда и будет». Бытовых всяких проблем до фи́га было. Они меня постоянно отчитывали, что посуду за собой не убираю и не мою, что хлеб отрезаю и ложку беру только себе, о других не думаю, что унитаз после себя не смываю и мокрые полотенца после душа на пол бросаю. И приходилось то посуду мыть, то полы, то унитаз чистить, то раковину. Меня бесило, что надо все делать самому! Иногда еще и для других с какого-то перепугу. Когда уставал, выходил из себя, орал: «Я что, ебаная уборщица?!» Они даже не реагировали на это. Но потом успокаивался как-то, остывал и шел доделывать то, что начал.

Еще мне понравилось экспериментировать с готовкой. Днем Диана просила меня ей помогать – овощи резать в суп, чистить картошку, варить макароны или гречку для гарнира. В этом ничего творческого не было, один только плюс – научился что-то простое делать, могу себя прокормить. Зато по ночам я превращал кухню в творческую мастерскую. Продукты – какие хочешь, пожалуйста. И я пек кексы. Сам придумывал рецепты, сам смешивал масло, муку, сахар, что хотел, сам выпекал. Иногда получалось: тогда всем была радость – кексик на завтрак. Но чаще всего получалось что-то не то, и результат отправлялся в помойку. Диана утром обнаруживала в мусорном ведре мое творенье. За это, кстати, никогда не ругала – просто прикалывались они с Денисом надо мной, и все. У нас как раз в тот период, когда я кексы по ночам пек, в семье появилось до фи́га шуточек про румынскую кухню. А еще – про традиции и привычки. Это потому что я молдаванин по отцу. Диана – татарка наполовину. У Даши Долинской белорусские корни. Так что мы любим в своем многонациональном семействе чем-нибудь друг друга поддеть. Дружба народов, блин.

Но если не особенно прикапываться к быту, то с отношениями у нас было норм. В семье меня одна только Даша Долинская не приняла. Она реально не хотела, чтобы я приходил к ним жить. Как будто я на ее собственность претендовал. И в тот день, кстати, когда надо было ехать в опеку и писать на меня согласие, она Диане сказала, что ничего писать не будет. Что на фиг не нужен в семье «этот вор и алкоголик Гынжу». Уперлась, и все.

– Если хотите этого уroda забрать, я не дам!

А времени реально уже не было, им надо было в опеку ехать,

иначе бы меня на фиг отправили в приют.

– Как не дашь? – Диана опешила.

– Согласие не напишу!

Диана мне рассказывала, что она тогда совсем растерялась. Не знала, что делать, и даже слова не могла сказать. Только бубнила: «Тебе же мы помогли, и Гоше надо помочь», а Долинской было пофиг.

– Тогда я заберу свое согласие на тебя! – ситуацию неожиданно спасла Нэлл.

– Что?!

– Ты вынуждаешь, – спокойно сказала она.

Дашка тогда орала, что никогда не простит, что на хрен никакой Гынжу им в семье не нужен, что они все сами скоро поймут и пожалеют об этом. Но главного козыря у нее не осталось, Нэлл его перекрыла. Пришлось ехать и писать согласие. Зато потом Даша долго со мной не общалась – мстила за то, что я в ее семью пролез. Просто мимо ходила, как будто я мебель. А Диане устраивала скандалы из-за меня. Она мне потом уже, через несколько лет, объяснила, что ей было до слез обидно, что я как-то вот так хитрожопски примазался к их семье. Причем через нее. Получается, на ней въехал в рай. Но потом природа взяла свое. Мы потихоньку начали вместе курить, я доставал для Даши сиги, как и раньше. Спелись где-то через полгода. Даже чересчур спелись и стали вместе косячить. Второй Новый год в семье был уже очень веселый, мы с Долинской отжигали только так. И потом продолжали в том же духе – вместе не слушались, вместе курили, вместе против родовиков устраивали бунты. Нервы Диане с Денисом испортили конкретно. Объединились против правил, против родителей – ну, дык, вместе мы сила! Я перестал считать авторитетом Диану, стал подчиняться Даше – как будто это она была главной в семье. Может, возвращал свой долг за то, что она меня в семью привела. Диана тогда бесилась страшно и постоянно орала: «Не устраивайте здесь батор! Прекратите эту семью в семье!» Но потом, где-то года через два, все успокоилось. Мы вернули главенство родокам, потому что из войны ничего хорошего не вышло. А вот миром гораздо больше можно добиться.

С Нэллой, кстати, у нас никогда не было проблем. Ни у меня, ни у Долинской. Она нас хорошо принимала и помогала всегда. Часто шла наперекор родителям, чтобы нас поддержать. От этого они еще больше из себя выходили. Потому что когда мы объединялись втроем, становились уже совсем непобедимыми.

Но как бы там ни было, я чувствовал, что Диана и Денис меня приняли. А через какое-то время понял – они меня любят. Потому

что нельзя вот так человеку без конца все прощать и принимать без всяких условий, если нет чувств. Да, мы и орали друг на друга, и ругались, но всегда потом мирились, что бы ни было. И я сам удовольствие от наших отношений получал, говорил: «Я от вас до двадцати пяти лет никуда не уйду». А они смеялись: «Оставайся, мы только рады». Иногда совсем какая-то сентиментальность накатывала. Мы, как всегда, сидели с Дианой в кухне, говорили о жизни. И я вдруг спросил:

– Мам, все-таки это ты меня родила? Признавайся. Я прям чувствую!

– Как это, Гоша? – она улыбнулась.

– Ну, вот так – родила, а потом потеряла. И через шестнадцать лет нашла. Мама, почему ты так долго?

– Гоша, – она смеялась, но я видел, что в глазах у нее стоят слезы, – я бы очень хотела. Но ты же знаешь: у меня в животе Нэлла тогда была. И ты не мог родиться на три месяца старше сестры.

И так мы с ней сидели потом долго, мечтали, что было бы, если бы это она меня родила. И какое у меня тогда было бы детство.

Глава 38

Косяки

Но при этом, конечно, легко нам не было никогда. Ни мне, ни родителям, ни всем остальным. Отдельная засада для меня была в том, что в семье много чего запретили. Курить, например. Диана с Денисом оба некурящие, даже запаха сигарет не переносят. Они вообще, кстати, какие-то как одно целое – всегда заодно, одно и то же не любят, одного и того же в жизни хотят. И вот первое время без сигарет я думал умру. У Виолетты же спокойно можно было курить, а тут нет. И я, такой, мысленно: «Вы че, ребят, я подросток! Мне уже почти семнадцать лет, как не курить-то? Вы что, хотите меня переделать?!» Понятно, что втихарца все равно находил укромные места и курил – там, где никто, типа, не видит. Приходил домой – блин, воняет. Духами побрызгался, жвачку пожевал, вроде норм. Но нередко, конечно, палили и тогда штрафовали. Но делать нечего, получал меньше денег. А бросить курить все равно не смог, как они ни старались. Зря только нервы друг другу портили. Вот после восемнадцати, кстати, они уже перестали ко мне на эту тему придирааться. Условие теперь только, чтобы дымом в доме не пахло и чтобы нигде не валялись после меня бычки. С выпивкой то же самое. До восемнадцати лет пить категорически запрещали. Только очень редко – по большим праздникам – наливали немного вина за столом. Но, в отличие от курения, к этому запрету я как-то отнесся нормально. И после восемнадцати опять же совсем стало без проблем. Если гости, вся семья за столом, какой-то праздник, мне спокойно наливают бокал вина. У меня, кстати, с приходом в семью само собой пропало желание напиваться до усрачки. Больше нравится теперь сидеть, разговаривать и растягивать на весь вечер один бокал вина.

С сексом то же самое – сказали, что до совершеннолетия не одобряют. Но при этом сами же рассказали в подробностях, как там с презервативами, с венерическими заболеваниями, с зачатием детей. Понятно, что почти все это я и без них уже знал. Но было приятно, что и на эту тему мы говорили открыто, как взрослые. Они делились со мной информацией, но не делали вид, что я младенец, который ничего не знает и не понимает. Принимали мой опыт таким, какой он есть.

Ну и, конечно, категорически запрещено было воровать. Я реально долго держался. Из магазинов ничего не таскал, тем более деньги были: мог, как белый человек, пойти и купить. В

семье тоже стойко ходил мимо сумок и кошельков, которые валялись то тут, то там. Целый год вел себя как паинька. А потом не удержался и несколько раз – вот прямо подряд шли эти случаи – по инерции своровал. Совесть мучила – все-таки родные люди, родители, – но вот не смог устоять. В семье, понятно, свободный выход в город, в магазин, поэтому деньги никогда не бывают лишними. Девчат опять же хочется угостить – у меня как раз тогда девушка появилась. А я же джентльмен.

Первый раз это было, когда я увидел в ванной комнате почему-то на раковине тысячу пятьсот рублей. «О, – думаю, – значит, они никому не нужны, о них забыли, если тут прямо кинули, лежат себе пылятся. Даже если вспомнят, подумают, что в другом месте потеряли». Я их, конечно, взял. Уже размечтался, как буду тратить. Но оказалось, эти деньги Диана дала Нэлле на продукты, чтобы та сходила в магазин. А она, пока в ванной ресницы красила, положила и забыла. Потом из дома вышла, а денег нет, и тут же вернулась. Короче, буквально пять минут эти деньги у меня в кармане лежали. Я пытался отмазаться, что просто убрал, переложил.

– К себе в карман? – Диана, такая, прищурилась.

– Ну, конечно! – я начал разыгрывать любимый спектакль. – Я же вор! Давай сразу Гошку во всем обвиним!

Диана в тот раз особо не ругала – сам же признался и быстро отдал. В общем, сошло с рук. А потом, спустя пару месяцев, все выходные у меня под носом лежал кошелек Дениса. Он его оставил на полке в прихожей и не убирал. В доме, кстати, никто ничего не прятал. Ни сейфа нет, ни шкафов на замках, ничего такого. А тут уж совсем додумались – бросили на моем этаже кошелек, как будто я железный. Я ходил мимо, ходил, а на второй день все-таки не выдержал. Пока никого не было рядом, взял кошелек, открыл и достал оттуда семьсот рублей. Думал, что Денис просто не заметит пропажи – у него там разные купюры были – и по сто, и по пятьсот, и по тысяче. И реально все прокатило гладко, деньги я потратил в свое удовольствие. А на следующий день вечером смотрю, опять кошелек на том же месте лежит! Ну разве так можно?! Что за дурачки! И я подумал: «Ладно, буду умнее их». Снова открыл кошелек. Вот тут, правда, совесть во мне проснулась и заговорила: «Не надо, Гошка, не надо!» Но я в тот момент очень хотел курить, а деньги все вчера потратил, поэтому послал совесть на хер, взял из кошелька тысячу рублей и побежал в магаз.

Буквально через пару часов Денис с Дианой собрали долбаный круглый стол. Нэллу, Дашу, меня усадили, сами сели и стали нам мозги прочищать. Это всегда так было, когда что-то

важное надо было обсудить или кто-то конкретно косячил. Родоки рассказали все с самого начала – что вчера из кошелька Дениса пропали деньги. Сегодня во второй раз они уже специально положили кошелек на прежнее место, чтобы проверить, что будет. Потому что Денис сначала сомневался в том, куда пропали семьсот рублей. Думал, может, сам кому-то их дал и забыл, но не хотел никого зря обвинять. А сегодня снова пропали деньги, уже тысяча. И тут никаких сомнений.

– Мы вам полностью доверяем, – Диана смотрела прямо на меня, – потому что вы наши дети. Скажите сами, кто взял, верните деньги, и на этом закончим.

Девочки, конечно, ответили, что ничего не брали. Я тоже так сказал. Решил стоять до последнего, потому что известно: «Не пойман, не вор». Я так привык в баторе и теперь надеялся: вдруг и здесь прокатит? Совесть меня, конечно, уже вовсю грызла, что деньги взял, тем более у своих. Но я старался виду не подавать – записывал ее мысленно куда подальше.

– Меня этим поступком оскорбили, – Денис реально был расстроен, я его таким редко видел, – это хотя бы понятно? В семье между близкими людьми такого не может быть! Это самое дно! Попросите нормально, если вам что-то действительно надо. Но так вот брать...

Нэлла с Дашей сидели притихшие. Я видел, что даже Долинская – а она тогда еще была с родоками в контрах – сочувствует Денису с Дианой. И опять мы все по кругу повторили про то, что никто не брал.

– Гоша, – Денис повернулся ко мне, – у нас в доме таких вещей никогда раньше не было.

– Конееечно, – я вскочил с места, включил привычную защиту, – это Гынжу, как всегда, во всем виноват! Он же вор, да, это все знают!

– Никто такого ни разу не говорил, – Диана разозлилась, я видел, что вот-вот взорвется, – не передергивай. И не надо манипуляций!

– Гоша, будь мужчиной! – Денис повысил голос. – Просто скажи правду.

И тут они оба как надели на меня! Я упирался долго, играл в сиротку, которого все хотят обидеть. Как-то на автомате все это вылезло: привык, что надо врать, чтобы от тебя отстали. До последнего. В баторе-то прокатывало. Но они не отставали! И никого не выпускали из-за стола. Я орал. Они тоже орал. Я хотел на хер уйти, но мне не дали и велели снова сесть за стол. Мы сидели за этим гребаным столом два часа! В итоге даже девчата не выдержали, начали вместе с родоками на меня орать, чтобы

признался. Так они мозг мне вынули, что я все рассказал, как было.

– Я гораздо больше обижен на твою ложь, Гоша, – Денис чуть не плакал, я аж обалдел, – чем на то, что ты не сдержался и взял у меня деньги из кошелька.

– Прости, – как же мне стало херово!

– Ты можешь вынести из этого дома все, – Диана смотрела прямо мне в лицо, а я опустил глаза, – мне не жалко ни денег, ни вещей. Зато очень жалко наших, Гоша, отношений. Жалко до слез, что я не смогла научить тебя уважению и доверию.

Весь вечер у меня голова болела от этого тупого разговора. И потом еще долго ходил без настроения, как-то мерзко было. Какое наказание за украденные деньги назначили, я не помню – кажется, как-то отработывал украденную сумму, и карманных почти две недели я потом не видел. Но это ладно, хуже всего то, что они мне все нервы измотали – потому что не только своровал, но и не признался сам. С тех пор деньги я больше не брал.

Зато буквально через месяц был еще один случай, совсем уж тупой. Мы встречали Новый год. В гости приехала одна приемная семья – мы с ними давно дружим, там из нашего батора трое подростков и другие дети есть. Короче, в доме собралась целая толпучка народу. Подарков получилась дикая гора – каждому ребенку, от одной семьи другой, родителям от всех детей. Сначала все коробки и пакеты сложили под елку и потом после боя курантов вручили друг другу. Дальше мы в какие-то игры играли, гулять ходили, петарды пускали. Нормально было. А под утро гости начали собираться. Вызвали такси. И я смотрю – в шкафу в прихожей лежит еще один подарочный пакет. Ну, думаю, остался лишний. А раз лишний, значит, ничей. И забрал себе. Там как раз мужская фигня была прикольная, набор такой – гель, шампунь, мыло, дезодорант. Я открыл коробку, распахал это все в свой шкаф по разным местам. Но, как назло, тут же приходят Диана с Нэллой, и опять начинается все с начала. Оказывается, этот подарок Нэлла приготовила для отца своего парня – у того 1 января день рождения, и она собиралась ехать поздравлять. Пришлось, блин, опять возмещать! Тогда я уже окончательно понял, что в семье не бывает забытых вещей. Это в баторе что-то может остаться лишнее, а значит, ничье. Поэтому могут и не заметить. В семье обязательно обнаружат пропажу и будут зверски мыть мозг. Да и сам будешь совестью мучиться, что родителей обидел или сестру.

Кстати, даже после этих случаев Денис с Дианой никогда ничего не прятали. И деньги, и сумки, и все остальное как лежало, так и продолжало лежать, где попало. Правда, я уже

понял, что не такие они разгильдяи, как я подумал сначала – знают, что где лежит. И еще хорошо запомнил слова Дианы, что ей не жалко украденных денег и вещей, а жалко разрушенных отношений. Поэтому я научился держать себя в руках и спрашивать разрешения. А вот с враньем мне справиться до сих пор сложнее. Это всегда была такая защита в баторе – соврал, и отстали. Как обычное условие выживания – чтобы лишний раз не огрести от тех же старшаков. По крайней мере, в большинстве случаев прокатывало. И мне трудно привыкнуть к тому, что теперь все наоборот. Если соврал, еще больше будут нервы трепать и денег меньше давать.

Но что бы у нас там ни было, я реально по-настоящему ни разу не думал о том, чтобы вернуться жить в батор. Иногда только злился на родителей: «Аааааааа, надоели! Скорее бы мне восемнадцать, квартира, и я свободен!»

И за год какая-то, блин, полная трансформация мозга произошла – с «мне все до фени» до более умного человека. Раньше я думал, что на фиг мне самому ничего делать не нужно. Попал в семейку, и наслаждайся. Они меня обеспечат непыльной работой, государство мне выдаст квартиру, буду жить в свое удовольствие. Все будет шикаперно. А тут родоки мне неожиданно вставили по самое «не хочу» сначала с учебой, а потом и с работой: «Нет, Гоша, учиться ты должен сам и работу тоже сам себе будешь искать!» Я сначала думал: «Нееет, это они, наверное, шутят!». Но несколько раз были моменты, в которые прям вот по самые гланды. Денис с работой особенно замотал – подолгу объяснял, что только сам человек, приложив желания и усилия, может найти себе работу и удержаться на ней. Ну и раз за разом, с каждым таким разговором из блаженного мира с привкусом конфетки я попадал в реальность. До меня доходило, что надо трудиться, чтобы жизнь была каефная. Чтобы куда-то ездить, смотреть разные страны, позволять себе классный отдых – уже почувствовал этот вкус, начал вместе с семьей летать на самолетах, останавливаться в отелях – нужно зарабатывать. Я это видел из того, как они жили. И постоянно об этом слышал в разговорах. Если просил деньги на какое-то развлечение, а не на учебу, одежду или обувь, мне говорили: «Гоша, хочешь тратить на развлечения, найди себе подработку. С подработкой поможем». Конечно, я обижался в такие моменты. Сидел и бубнил себе под нос сквозь слезы: «На хера вы меня тогда взяли? Че я тут делаю? Если я все должен сам, вы вообще офигели, что ли? Остался бы у Виолетты, ходил бы по ресторанам и Луна-паркам, все было бы шикаперно!» А Диана тем временем то в фонде мне предлагала подработать – я с малышами как помощник педагога занимался

по выходным, – то еще что-то находила. И постепенно я стал думать, что у Виолетты была бы одна жизнь, где за меня бы все сделали и решили, а здесь будет другая. Мне стало казаться, что эта более перспективна.

Глава 39

Гранит науки

Но все равно учиться я не хотел, сопротивлялся страшно. Две недели после того, как я к Диане с Денисом в семью переехал, они меня реально не трогали. Дали выдохнуть. Но как только прошел Новый год, еще на новогодних каникулах, насели на меня с этой учебой. Ох, пипееец! Я их так проклинал, все время ходил злой как черт и думал про себя: «Блядь, заебали! Написано же в правилах семьи, что учеба – ответственность детей! А они – давай наседать. Если понадобится помощь, я сам прибегу! А пока хочу гулять, отдыхать, у меня новая семья, дайте мне пожить нормально!» Но Диана с Денисом знали свое: «Нет, Гоша, надо учиться! Времени нет». Как я бесился! И истерики им закатывал, и по полу катался, орал: «Отстаньте от меня! Не хочууу и не будууу!». Достали они меня, реально. Я думал тогда, вот на фига мне учиться? Когда понадобится, я сам возьму и все, что мне надо, выучу. А тогда даже знать не хотел, с какой стороны учебник открывать и что там в тетрадях люди делают. Но сейчас, спустя три года, я Денису и Диане реально благодарен за то, что они меня заставили. Такого пинка дали, что мало не покажется. И каким-то непонятным образом от этого пинка заработала вся моя внутренняя система, я начал понимать, что нужно делать.

Конечно, в самом начале третьей четверти Денис с Дианой сходили к директору школы, поговорили обо мне. Первое, что им предложили, – это, конечно, перевести меня в другую школу. Типа, нет смысла ребенка мучить, ездить в такую даль. Но на это они не согласились – заранее понимали, что директор именно это предложит. Кому нужен в девятом классе двоечник? Когда директор понял, что из школы меня не заберут, сказал, надо меня на домашнее обучение перевести, потому что в классе я только другим мешаю. И у самого в голове ничего не остается. Мы тогда втроем долго думали. С одной стороны, домашнее это хорошо – не надо ездить. Но с другой, было страшно. Я и сам понимал, что могу на все забить, вообще ничего дома не делать. И Диана этого боялась. Но все-таки мы решились. Диана вместе с Верой Николаевной обошла всех моих учителей – кстати, перед историчкой она тогда за меня извинилась, объяснила, что я ничего плохого не хотел, когда костыль ее взял, просто часто сначала делаю, а думаю потом. Историчка меня простила. Даже предложила бесплатно с ней заниматься по обществознанию, за что реально огромное ей спасибо. Она меня хорошо подтянула.

Короче, после этого обхода всех учителей я стал учиться дома. А в школу приезжал два раза в неделю, чтобы сдавать выполненные работы. Диана договорилась, что задания по каждому предмету учителя будут присылать ей на почту. И вот мы постоянно сидели над этими заданиями с репетиторами и еще с Дианой, с Денисом. Только на репетиторов около тридцати тысяч в месяц тогда уходило, и я думал: «Ебааать, лучше бы они мне эти деньги отдали!» Но куда там! Мы, блин, готовились к ОГЭ.

И поначалу они просто не слезали с меня с этими своими учебниками! Когда я понял, что не отстанут, начал делать назло – «Нате вам, только отъебитесь! Нате вам карты контурные, нате тетрадки гребаные, сочинения. Что еще?!» А они даже на ругань мою не реагировали. Как будто так и надо. По многим предметам я занимался с репетиторами: к математичке ездил домой, русичка приезжала сама, со многими другими преподавателями занимался в фонде. Помимо этого меня еще подключили к программе «Шанс» в «Арифметике добра» – это удаленные занятия с учителями, через специальную программу в компьютере. Особенно усиленно обществознанием и биологией занимался – решили, что эти предметы я буду сдавать. Физику с Денисом решал – поэтому физичка и пошла в итоге мне навстречу, поставила в третьей четверти «четыре». А с Дианой сидел над русским, литературой и гребаным английским.

Я тогда чуть не задохнулся, еле выжил, все время уговаривал себя: «Как-нибудь переживу». Но те полгода в плане учебы был адский ад. Я не понимал, как дальше жить – столько всего навалилось, – не понимал, как вообще люди учатся, это же треш! Пипец, как сложно! А Денис с Дианой: «Не бойся, Гоша, мы тебе во всем поможем». Ну а потом, к концу девятого класса, я уже начал что-то понимать.

Диана постоянно русским со мной занималась. Хорошо, что в фонд на работу ей не надо было ездить каждый день. Она дома за компьютером работала и сидела со мной над учебниками. Задания по подготовке к ОГЭ мы сделали по сто тысяч раз. И хотя я без конца списывал с ответов, когда она не сидела рядом – вырвал их и спрятал заранее, – все равно, наверное, что-то запоминал по ходу, потому что реально непрерывно занимался этим. Сочинения по пять раз переписывал. И из заданий ОГЭ темы мы брали, и Вера Ивановна мне каждую неделю по несколько тем давала, чтобы я писал. Сначала я пытался Диану обманывать – из тренировочной тетради ОГЭ готовые сочинения переписывал. Или в Инете находил чужие сочинения и тоже просто переписывал в тетрадь. Приносил ей, типа, на проверку. А она, такая, раз – и вводит несколько предложений в поисковую строку, и там все это

гребаное готовое сочинение вылезает.

– Гоша, ты же не думаешь, что я совсем дура? Переписывай!

Я, такой: «Блядь, пиздец, спалила!» Дальше шел, брал какие-то куски из параграфа учебника, тоже переписывал в тетрадь – типа мое сочинение. С этим Диана разворачивала меня еще быстрее, даже в Инет не лезла.

– Гоша, ты у нас уже академик? Опять все из учебника переписал?

Я снова шел к себе, ломал голову над тем, как эту упертую бабу обойти. И начинал что-то из головы придумывать. Какую-то муть. Писал отсебятину, опять приносил.

– Вот, – она наконец читала весь текст, – это уже что-то! Смотри, здесь хорошо получилось! И здесь почти понятно, что ты хотел сказать. Иди, вот эту мысль додумай, вот тут ошибки исправь и перепиши.

Ох, я бесился! Тетрадами швырялся, орал, как потерпевший. Она, такая: «Ну, поори-поори, легче станет». Потом успокаивался, садился и снова писал, как она сказала. Доканывала меня этими сочинениями зверски. И произведения по программе тоже читать заставляла. Сама что-нибудь готовит или убирает, а я ей должен вслух читать. Нашла себе клоуна! Я там поначалу половину слов не понимал – то оглобли, то картуз, то еще какая-нибудь фигня устаревшая. Она объясняла. А потом как-то втянулся, лежал в своей комнате и сам себе вслух читал, как какой-нибудь актер на сцене.

Диана сказала, что наша задача-минимум – сдать нормально русский и математику, чтобы получить аттестат. А задача максимум – сдать хорошо четыре предмета: матика, русский, биология, общага, – и получить более-менее приличный аттестат. Никакую физику, химию мы, по сути, досконально не учили. Делали задания и сдавали учителям, чтобы они могли оценки поставить. Английский – то же самое. Потому что невозможно было за пять месяцев освоить школьную программу за все девять лет.

И вот, когда я уже был на пороге ОГЭ, стало ясно, что все нормас, меня допускают! Тогда Диана пришла во мне с распечаткой всех колледжей Москвы. И мы несколько недель, каждый вечер, садились вместе на диван, брали этот гребаный список и начинали его обсуждать. Шли методом исключения. Понятно, сначала вычеркнули все специальности, где нужно было знать математику, физику и прочие естественные науки. Техника – вообще не мое. Оставили только гуманитарные. Но писать, понятно, я особо пока не мог, хотя и хотел. Еще убрали те специальности, в которых нужен был хороший английский язык.

И уже дальше сидели подолгу на каждой профессии. Диана всегда говорила, что у меня дар нравиться людям, что я добрый и люблю помогать. И поэтому мне, скорее всего, понравится работать с людьми. Там, где играют роль контакты, отношения. Мы сидели и подбирали такие профессии. Говорили про социального работника. Эту профессию я отчасти в баторе наблюдал, что-то типа знал. Обсуждали гостиничный сервис. И еще педагога дошкольного образования. Я вот четко помню, как Диана спросила: «Гоша, а тебе больше нравится со взрослыми дело иметь или с детьми?» Я даже не задумался, сразу ответил: «Конечно, с детьми! С такими маленькими, как Дасик». Я тогда в качестве отдыха между уроками много возился с маленькой Дашей – мы у нее в комнате по полу ползали, что-то постоянно строили, мастерили, рисовали. Это мне очень нравилось! Вот на этом мы и решили. Получилось, что «тренировочный ребенок» – не зря я так сразу о Даше подумал – помог мне выбрать профессию. Спасибо ей!

Глава 40

Испытание

И вот пришло время экзаменов. ОГЭ сдавать я шел, кстати, спокойно. Вообще не переживал. Накануне первого экзамена решил, что надо нагуляться хорошенько, столько побыть на улице, чтобы прийти домой и сразу уснуть. Чтобы даже намек на волнение не было и дурные мысли не лезли. Поехал в школу, мы с одноклассниками отметили окончание учебного года, выпили немного – хорошо, Диана тогда не узнала об этом, а то убила бы – я приехал домой после этого и спокойно уснул. Первым экзаменом у нас была матемаша. Перед экзаменом к нам подходит математичка и говорит: «Так, ребята, если вы люди удачливые и сможете пронести с собой телефон, то пишите мне. У тебя есть мой телефон? Записывай! У тебя есть? Записывай! Все, у кого нет моего телефона, записывайте». Я, такой, быстренько записал – и начал думать, как телефон с собой на экзамен протащить.

А уже времени нет, пора идти. И вот мы на рамках. Пока эти дебилы, мои одноклассники, начали прямо в раздевалке куда-то там телефоны запихивать, их на месте поймали охранники: «Эй, ты, давай доставай!», «Быстро вытащил телефон и положил в коробку!», «Ты тоже!», «Ты тоже!» Я стою: «Господи, хоть бы не спалили, хоть бы не спалили». А у самого телефон пока в кармане, прятать некуда. Тогда я пошел в другую раздевалку, к другим школам, быстро, как фокусник – рrrраз! – засунул телефон в ботинок – и пошел. Типа хромой. Гребаные эти рамки! Иду и думаю: «Спалют на хер, спалют!» Сердце колотится. Подхожу к рамкам, выкладываю все из карманов, снимаю ремень и прохожу, обливаясь холодным потом. Ощущение такое, будто я что-то украл из магазина. Вдохнул, чтобы успокоиться, выдохнул. Прошел. Не зазвенело! Потом, как дебил, хромая, стал забираться вверх по лестнице.

– Че с ногой? – крикнул охранник мне вслед.

– Да так, – я скривился «от боли», – о корягу вчера распорол...

– Ладно, иди!

Я дальше пошкандыбал кое-как – пык, пык, пык. Наступать-то на телефон нельзя, раздавлю на хер. На этих ОГЭ вечно куча народу давили свои телефоны, прямо уже злая традиция. Добрел, значит, до кабинета и тут понимаю, как круто мне повезло – нам дали кабинет физики. А там у парт впереди ограждение, камеры полстола не видят. Конечно, в кабинете были зрители. Две

тетки. Пока одна из них читала нам правила, а вторая раздавала бланки, я про себя улыбнулся: «Ну, вы тупые!» Одна тычется носом в то, что читает. Другая смотрит только на то, что раздает. И я в это время спокойно вытащил телефон из ботинка. Положил его на колени, накрыл кофтой и сижу такой блатной. А через парту сидит пацан и прямо в открытую достает телефон. Тогда я и понял, что, оказывается, у нас нормальные проверяющие. Они как бы дали понять: «Если умеете списывать, списывайте нормально, чтобы не было видно. Если я вас спалю, то все! Уходите сразу». И вот они увидели у этого придурка телефон и говорят ему тихонько: «Убери, спрячь». А он вместо того, чтобы незаметно убрать, начал, как дурак, с ними спорить. Тогда ему говорят: «Вытаскивай». А он: «У меня нэту, у меня нэту!» Его обыскали и, конечно, нашли телефон. Стали выгонять, а он давай орать на весь класс. Господи, как он визжал! Я сижу и думаю: «Вот он дебиил...»

Все, выгнали его. Дальше мы сидим и работаем. Я сначала решил все, что точно знал. Спасибо репетиторам! Если бы мне в январе, например, а не в мае дали эти задачи и примеры, я бы вообще даже не понял, о чем там речь. Тогда еще математика была для меня крючочками непонятными – что алгебра, что геометрия. Какие на хер дроби? Вы шутите? Кстати, на экзамене они мне и попались, родимые, в первом же задании. Хотя я умолял судьбу, чтобы без них. И тут бамс, такие – десятичные. Я про себя как выругаюсь: «Отсоси, мир!» Но все-таки решил. В общем, на ОГЭ сам я смог сделать девять заданий. Если все правильно, то в принципе уже проходной балл. Даже с запасом. Но я же не знал, есть там у меня ошибки или нет. Поэтому решил подстраховаться. И взялся за то, что сам не смог понять. Оторвал бумажку от черновика, переписал на нее примеры и задачи, которые не мог решить – штук десять, кажется, – и положил бумажку в карман. А потом поднял руку и стал отпрашиваться:

– Можно, пожалуйста, в туалет?

Меня отпустили спокойно, и я в туалете, из кабинки, написал сообщение математичке. А она тут же прислала мне все решения. Я вернулся, такой, в класс и все потихоньку из телефона списал. Старался при этом сидеть тише воды ниже травы и не отвечивать.

Все, уф! Закончился экзамен, мы сдаем листы. Тут вдруг проверяющая, такая, ко мне:

– А почему у тебя половины листа нет в черновике?

– Ой, простите, распереживался, – я сделал вид, что мне стыдно. – Потихонечку съел.

– Что?! – она вытаращила на меня глаза.

Но тут меня спасла вторая тетка:

– Ой, такое может быть. У нас в прошлом году было – мальчик от волнения черновик ел.

А сам думаю: «Надо же, какие-то мудаки до меня жевали эти листки. Спасибо!» В общем, по математике я получил четверку. Это, конечно, училке нашей спасибо. Хотя сам я на тройку, думаю, точно написал. Так что моя заслуженная тройка у меня есть.

Дальше был русский. Вера Николаевна очень за меня переживала. Тоже дала тогда мне свой номер телефона, но не для того, чтобы я что-то там ей с экзамена писал, а просто чтобы был. Как она сказала: «На удачу». По русскому языку я полностью все задания делал сам. Кое-как на тройку набрал баллы. Для меня это был тяжелый экзамен. За полгода столько информации мне в голову пришлось закачать, что я некоторые понятия путал – сложносочиненные, сложноподчиненные, еще там всякое-разное. В общем, то, где много запятых, для меня было почти кошмаром.

Биологию я сдавал спокойно, вообще не вникая. Так, тыкал пальцем в небо. Один-два-три. Три выигрывает. Тупо наобум. Мне что пестики, что тычинки, ничего там не знал, и интересно не было. Хотя тоже занимался, но как-то сразу решил для себя, что не буду в это вникать. В итоге двойку и получил, но она на аттестат не влияла, поэтому пофиг.

А общагу я по-настоящему сдавал. Сидел, старался изо всех сил. Пыхтел, как мог. Я же и в «Шансе» занимался, и со школьной училкой, которую до этого обидел, а потом она мне помогала, и еще с одним репетитором. Получил свою заслуженную тройку.

Короче, я сдал ОГЭ! Ууууууу! Гошка-герой! Судьба снова оказалась на моей стороне – это был последний год, когда для получения аттестата нужно было нормально сдать два предмета – русский и математику. Результаты по двум другим, на мое счастье, не учитывались.

Ну и параллельно Вера Николаевна вместе с Дианой снова пошли по учителям просить за мои оценки в аттестате. Мне где-то даже пятерки нарисовали – по физкультуре, еще по каким-то левым предметам. Так что огромное всем спасибо! Даже такой вполне себе аттестат получился, не сплошные тройки. Потому что для колледжа важен был средний балл аттестата, а мы с Дианой тогда еще надеялись, что будет льгота мне как сироте, и я даже с такими оценками смогу попасть на бюджет.

В общем, я в торжественной обстановке вместе со всем классом получил аттестат. Диана с Верой Николаевной по ходу радовались чуть ли не больше меня. Обнимались без конца, друг другу «спасибо» говорили, меня хвалили. Я бы, конечно, еще

остался в школе – очень уж Вера Николаевна мне нравилась, и класс тоже, – но нам сразу, еще зимой, директор сказал: «Почеловечески отнесемся, чем можем, поможем, только, бога ради, уходите после девятого». Ну, слово надо держать. И мы с Дианой стали выбирать конкретный педагогический колледж, в который будем подавать документы. Ближе всего к нам оказался колледж «Черемушки». По отзывам посмотрели – вроде нормальный. Туда и пошли. Больше даже не пытались документы никуда подавать. Поехали сразу в педагогический университет, МПГУ, к которому колледж прикреплен. Пришли туда, и тут стало ясно, что никаких льгот на обучение у меня нет. Сиротам льготы на обучение в колледже отменили. Тадааааа! А по баллам аттестата на бюджет я, конечно, не прохожу. То есть, если бы Денис с Дианой не согласились платить за меня четыре года обучения, я бы не смог пойти учиться туда, куда хотел. Пришлось бы искать бюджетные места на какого-нибудь озеленителя или строителя, а это вообще не мое! Кстати, совсем рядом с домом – вот прям три остановки на автобусе – был строительный колледж, куда я мог пойти на специальность «реставратор» на бюджет. Там готовы были взять и еще платили бы мне 20 000 стипендию как ребенку-сироте. Но я не захотел. Какой из меня строитель и реставратор? Мне нравится работать с людьми! Для меня воспитатель в детском саду – это круто. Я и от игр с Дасиком, и от занятий в фонде с детьми удовольствие получал. И вот не ошибся!

Я пришел в колледж первого сентября весь такой деловой. Страшно собой гордился! Меня Денис в тот день прямо до колледжа подвез – они с Дианой боялись, что я, как всегда, где-нибудь заблужусь и опоздаю. И вот я пришел такой, на понтах, с кофе в бумажном стаканчике. А мне на входе охранник сразу:

– Ты чего с кофе пришел? Выкидывай стаканчик.

– Окай.

Выкинул. А сам думаю: «Нормально, теплый прием». А потом еще выяснилось, что меня не смогли определить ни в какую группу. И в списках меня нет.

– У тебя как фамилия? – спрашивает охранник.

– Гынжу.

– Г-г-г-г, – он начал все списки просматривать, которые у него там лежали, – нету Гынжу.

– Как это нет?! – я обалдел. Сам же с Дианой ходил в МПГУ, все документы мы туда сдали, договор подписали. Должен я быть!

– А, вот где ты есть, – он посмотрел в другие списки, – только в группе никакой не состоишь.

Он позвал кого-то из административного блока, пришла

тетка, стала думать, куда меня определить.

– Ну что, давай его в десятую, – говорит.

Я, такой, стою, нервничаю: «Какая это десятая? Что там за люди?»

– Все нормально, – охранник меня наконец пропустил, – иди в свой кабинет.

Я поднимаюсь и еще в коридоре слышу девчачьи голоса, смех. Захожу, там сидит Наталья Александровна – наш куратор – со списками что-то там разбирается. Она мне сразу понравилась. Типа веселушка такая, молодушка. Все время улыбается. Приятная такая. Потом все собрались, и мы вышли на экскурсию по колледжу. Я, как всегда, по обычной схеме – выбрал самых, на мой взгляд, девочек-тихонь. С ними поразговаривал. Повеселился. Обошли мы колледж, вернулись в кабинет, и только тут я понял, что я здесь реально один-единственный пацан. Тридцать девчат, и один я! И я думаю: «Уау, шикаперно! Надо вот с этими и вот с теми подружиться. А еще вон с той». Глаза разбегались. Сидел, выбирал самых симпатичных. А про себя думал: «Ну и как мне сразу с вами со всеми быть? Вдруг я начну мутить с одной, но другой понравлюсь, а третья в меня влюбится? Что я делать-то буду? Реально сложненько». В голове уже рисовались всякие там схемы. Но с этим я поспешил. Девочки у нас в группе оказались серьезные.

Правда, как они потом мне признались, на первой встрече они обо мне подумали, что я голубой. У меня еще волосы такие с длинной челкой тогда были, ну и сам я парень артистичный, люблю покривляться. В общем, пипец, как плохо они обо мне подумали! Хотя первое-то впечатление у девочек должно быть о Гошке: «Вах! Вах! Вах!» А не такое. Потом с кем-то начали дружить, близко общаться, и пошло нормально. Выкинули они эту ерунду из головы. А я старался, конечно, привлечь к себе внимание всеми средствами. И дурачился, и на подоконниках танцевал, и шутки шутил. Какие-то уроки даже срывал – потому что надо, чтобы не на учителя все смотрели, а на меня! На Гошку. Мне было пофиг, что у них там есть какие-такие парни, они должны были обратить сначала внимание на меня! И где-то за месяц я стал душой компании. Уже появился свой круг.

По учебе первый год я перетапывался, как медведь. Там шла программа 10–11 класса, и мне было пипец как тяжело. Но я уже знал, что учиться надо, и старался, как мог. Весь первый курс держал себя в ежовых рукавицах, учился. Ни пьянок никаких, ничего такого себе не позволял. Педагоги с пониманием относились. Да и я сам уже не был таким тупым, как год назад – все-таки за полгода кое-чему научился. Диана сразу же

созвонилась с Натальей Александровной, они поговорили, договорились все время быть на связи. И потом Наталья Александровна со всеми преподавателями по моему поводу общалась. Очень помогала мне! Только физичка никак навстречу не шла. Она была такого маленького роста, настоящая карлица. Гнобила меня по-страшному. И вот я в конце семестра подошел к ней, потому что понимал, что будет двойка. А отчисления из колледжа я бы себе ни за что не простил. И родители бы убили, и мне самому там нравилось. В общем, сдать я не надеялся, поэтому просто решил напрямую просить. Набрался наглости и пришел.

– А можете мне, пожалуйста, поставить тройку?

– Какую еще тройку, Гоша?!

И она вместо того, чтобы что-то мне ответить, завела длинный разговор. Просто ни о чем. Я там чуть не умер слушать ее и кивать. Она рассказывала о своем сыне, о том, что он у нее такой хороший. Он сейчас журналист, ездит во многие страны, пишет статьи.

– А ты, Гоша, разве ничего не хочешь?

– Я хочу быть педагогом, – отвечаю.

– Тогда ты должен стараться!

И опять давай нахваливать мне своего сына, приводить его в пример. Рассказывать всю его жизнь, блин, от рождения. Я сижу, киплю внутри, но стараюсь этого не показывать – киваю, киваю. Меня Денис заранее проинструктировал: что бы физичка ни говорила, кивай и молчи. А на улице уже стемнело, уже восемь часов вечера. И она, такая:

– А вообще, зачем ты пришел-то?

– Можете мне, пожалуйста, поставить три?

– Аааа, три? – и она взяла зачетку и поставила. Я офигел!

– Спасибо! Спасибо! – взял зачетку и побежал, только пятки сверкали.

А на втором курсе все стало иначе. Закончилась физика, химия, математика. Начались психология, педагогика, практика в детском саду с детьми. И я расцвел.

Когда мы проходили практику, я два месяца работал в детском саду. Мне дали старшую группу. Влюбился в них с первого дня, такие они все миленькие! Беззубики. Прямо вот хотелось навсегда с ними остаться. И дети меня тоже полюбили, кидались ко мне каждое утро, обнимали:

– Георгий Васильевич! Георгий Васильевич!

Я с каждым здоровался, мальчикам руки пожимал, и начинался наш рабочий день. Каеф! Так с ними было весело! Правда, первые дни уставал страшно, приходил домой и падал

без сил в кровать. А потом ничего, привык. Меня директор после практики даже позвала к ним работать, как только колледж окончу. Посмотрим, может быть, к ним в детский сад и пойду.

Глава 41

Рубикон

Пока я был в баторе, страшно боялся своего восемнадцатилетия. Жил одним днем, хотел скорее все попробовать, оторваться по полной и, главное, успеть сдохнуть к своему совершеннолетию. Чтобы не окунаться в этот кошмар: самостоятельную жизнь на чужой планете – за забором детского дома. Только в семнадцать лет, когда я уже год жил в семье, страх постепенно прошел. Я понял, что у меня есть надежная опора за спиной – родители никуда меня не выгонят, я могу жить с ними хоть до двадцати пяти лет, спокойно взрослеть. Конечно, они не дадут мне жить на всем готовом, будут постоянно теребить, нагружать обязанностями и передавать ответственность, а еще делать так, чтобы я двигался вперед. Но это и хорошо! Это и дает ребенку-сироте саморазвитие. Если бы я вышел из детского дома в восемнадцать лет, я бы не смог реализовать свои планы. Да у меня их и не было! В баторе я привык, что мне все должны и обязаны: вокруг бегали спонсоры, воспитатели, повара, уборщицы. Еда, одежда, подарки – все, как по волшебству. Все мои прихоти могли быть исполнены когда угодно: мы просили у спонсоров в подарок на Новый год крутые гаджеты, и нам их дарили. Хотели огромный плазменный телевизор, и нам его устанавливали. Все эти и многие другие блага давали спонсоры, а что не давали они, я брал сам – воровал. Потому что привык получать то, что хочу. Спонсоры думают, что таким образом, заваливая сирот дорогими подарками, они как бы помогают им получить радость в их неудачливой жизни, хотя это не так. Да, у нас были гаджеты, мы одевались в бренды, в игровой комнате у нас висел большой плазменный телевизор, но это не было реальным счастьем. Гаджеты мы продавали, чтобы купить алкоголь – попробуй сохрани дорогую игрушку в детском доме: все равно или украдут, или отнимут. Лучше сразу продать. Одежда со временем изнашивалась, или ее тоже кто-то воровал. Плазменный телевизор уже включался только для того, чтобы посмотреть футбол и попить с ребятами пивка. Все эти дорогие вещи были только иллюзией счастья и тупой игрой, а внутри нас сидела горькая обида и беспросветное одиночество. Полная апатия и отсутствие целей. У меня не было будущего, я его не хотел.

Только в восемнадцать лет, после того как я целых два года прожил в семье, у меня стали появляться цели. Я перешел на

второй курс колледжа и начал понимать, чего хочу в этой жизни. Мне дали от государства квартиру, и я пытаюсь – пока тренируюсь при поддержке родителей – жить самостоятельно.

Я хочу окончить колледж и пойти на работу в детский сад. Детскому садику я отслужу три года, а потом пойду преподавать в школу. Возьму младший класс, поработаю с малышами. Или, возможно, начну преподавать какой-то один предмет у ребят постарше. Я знаю, что со специальностью, на которой сейчас учусь, можно со временем стать педагогом младших классов. У меня есть знакомые, которые после нашего колледжа, получив мою профессию, работают в школе. И я пойду. Пока буду там работать, изучу, как все устроено: это будет важной практикой для осуществления моей главной мечты. От зарплаты в детском саду и в школе я каждый месяц буду откладывать по двадцать процентов обязательно. И если все удачно получится, на эти деньги плюс еще возьму кредит, я открою свою авторскую школу. Последний год я только о ней и мечтаю! О таком месте, в котором сам бы хотел учиться, когда был ребенком. Я буду внимательно подбирать учителей: чтобы это были молодые ребята, заинтересованные своим предметом. Конечно, так быстро не поймешь, хороший перед тобой учитель или плохой. Но я буду приглашать кандидатов к себе на практику и наблюдать, как себя чувствуют рядом с ними дети. Это главное – чувства детей. Если им комфортно и интересно, если ничто не тревожит, они будут учиться. Как будущий педагог я уже знаю, что все дети любознательны от природы – главное, им не мешать и не создавать вокруг невыносимые условия. Поэтому я хочу создать нормальную школу, в которую дети будут сами идти с удовольствием. Важно, чтобы они полюбили учиться! Не сидели, как я в свое время, умирая от скуки и безделья, на уроках и не думали только о том, как бы их старшаки не избили. Тут нужен принцип другой. Чтобы не просто провести урок: кому интересно, тот будет слушать, кому не интересно, тот пусть не слушает. Нет. Надо обращать внимание на тех, кто не хочет заниматься! Надо выяснять, что у них в жизни не так, и пытаться это как-то исправить. Ну и после этого если учитель не может заинтересовать ребенка, то ему нужно работать над собой, искать способы вовлекать. Во-первых, учитель должен быть талантливым рассказчиком. Я сам сидел, открыв рот, на уроках учителя литературы. А во-вторых, есть же игры, есть тренинги, есть классные учебные фильмы и специальные компьютерные программы. Формы должны быть новыми, современными. Сидение за партой – это уже позапрошлый век. Я сам задолбался сидеть за партой и прекрасно понимаю, почему большинство

детей школу не любят. Потому что там вот это самое унылое сидение за партой изо дня в день. Даже само пространство интерес убивает! Можно же придумать что-то другое. Я вот как себе это вижу? Пусть в одном классе все сидят или лежат на ковре, на полу. А в другом – на огромных мягких пуфиках. А в третьем для проведения тренинга садятся на стулья в круг. А в четвертом стоят за мольбертами. А потом вообще выходят из класса и идут в парк, к реке, чтобы наблюдать за растениями и насекомыми. Или отправляются вместе в актовый зал и ставят там какую-то пьесу на уроке литературы. Или идут в театр, в кино, на концерт. И это все уроки! На них дети могут открыто говорить, предлагать, размышлять вслух, а не только слушать. И вместе с учителем делать выводы, до чего-то вместе додумываться. Чтобы учитель их только направлял, а не пытался заливать в голову готовую информацию. Я это четко понял, когда перешел на домашнее обучение, – меня важно направить, показать, что делать и как. Потому что учишься – только когда делаешь сам, а тебе, когда надо, помогают. Если у самого что-то получается, приходит хотение и желание заниматься. Причем не надо в моей школе никакой униформы, пусть все приходят, в чем хотят: в удобной одежде, которая им самим нравится.

А если говорить о личной жизни, то я еще погуляю. Но лет в двадцать пять я бы хотел жениться и родить ребенка. В двадцать четыре, думаю, еще рано, я еще буду вставать на ноги, а вот в двадцать пять – двадцать восемь самое то. Потому что все дети любят, когда у них молодые родители, с которыми можно быть на одной волне. Какой будет моя жена, я пока не представляю, но главное, чтобы она была отражением меня – такая же веселая и безбашенная – только еще ответственная. Она же будет носить моего ребенка, поэтому, конечно, нужна ответственность. И в житейском плане, конечно, женщина должна быть мудрее, чтобы отвечать за правила и дисциплину в семье. Конечно, я и сам теперь знаю, что для детей важны рамки, границы. Ребенок должен понимать, что можно, а что нельзя. Но при этом у него должно быть творческое пространство. За это уже я в семье буду отвечать. Я себе представляю такую картину: вот, моему ребенку годик, и мы с ним ползаем по полу в его комнате, играем. Что-то пытаемся строить, потом пальчиками рисуем, потом машинки катаем – пусть там у него будет свой волшебный мир, в котором он может все, что угодно. Может быть создателем. А я ему помогу. Кстати, важно опять же пространство, в котором ребенок, малыш, это я тоже усвоил. Если реально все пойдет по плану, то я продам свою однокомнатную квартиру, которую выдало мне государство – пять лет я живу в ней по договору социального

найма, а потом должна быть оформлена собственность, – и очень хочу купить двухуровневую квартиру где-нибудь в Новой Москве. Поближе к дому своих родителей. Надеюсь, это осуществится.

О матери, которая меня родила, я, конечно, думаю. И с Дианой мы часто о ней говорим – гадаем, как она выглядит: наверное, красавица, если я получился такой красивый. Но я пока не готов ее искать.

– Хочешь, поищем вместе? – Диана часто задает мне этот вопрос.

– Нет, пока не хочу.

Она не настаивает. Понимает, что все это очень сложно и тут только мне решать. Не знаю, то ли я все еще боюсь, что она меня снова не примет, откажется – теперь уже во второй раз. То ли пока не готов к этой встрече морально: не повзрослел достаточно и не набрался сил. Я помню о ней, знаю ее имя, и пока мне достаточно.

Но вот такая у меня в жизни картина. В свои восемнадцать я как будто перешел Рубикон. И теперь уже не хочу, как раньше, жить одним днем. Я хочу жить и будущим, и настоящим, и еще помнить свое прошлое. Кстати, я благодарен ему. Каждому человеку, который встретился мне на пути. Потому что все было не случайно. Все вело к тому, где я сейчас. К моей семье.

Глава 42

Моя опора

После того, как мне исполнилось восемнадцать лет, мы с Дианой и Денисом по документам стали друг другу никем. Чужими людьми. Но это только по бумагам. А так мы – СЕМЬЯ. У меня есть три сестры: маленькая Даша, Даша большая и Нэлла. У меня две бабушки и дед. И у меня теперь есть родители. Они все меня любят, я в этом уже много раз убедился, и они не предадут. Я их тоже люблю. Что бы я там ни вытворял и как бы родители на меня ни злились, вместе мы навсегда. Потому что семья – это то, что дается человеку на всю жизнь.

В шестнадцать лет, в детском доме я не знал, кто я: бедный сирота, оставшийся без родителей и какой-либо надежды, циничный вор, перед которым нет преград, или праздный гуляка, который не ставит перед собой великих целей, а просто отдыхает, отрывается и трахает всем мозги. А может быть, я был странствующим человеком? Человеком, который ищет свою дверь – такую, за которой ему станет наконец комфортно. Дверь, которая изменит его жизнь. Кажется, я эту дверь в конце концов нашел.

По сравнению с детским домом семья – это лучшее, что я мог себе представить. Но, конечно, все оказалось не совсем так, как я когда-то воображал. У меня был образ богатой, молодой семьи, где есть мама, папа, маленький малыш и чтобы по дому бегал большой лабрадор. Чтобы родители давали деньги без лишних вопросов, чтобы мама была блондинкой с голубыми добрыми глазами, а папа брюнетом ростом метр-полтора, но не больше – высоких мужчин я тогда боялся. Да, моя молитва дошла до Бога, но, видимо, у них там был какой-то перебой со связью, и до высшего существа добралась не конкретная просьба. Вместо лабрадора у нас дома кот, а я ненавижу кошек. Но этот вроде прикольный. Мне досталось целых три сестры вместо одного малыша. И каждая из них со своим характером – целый мир. Роль родителей взяли на себя брюнетка с карими глазами – мой друг, помощник и просто спаситель, ради которого я сейчас не в тюрьге – и высоченный викинг – два метра с чем-то роста, с щетиной, добрыми карими глазами и длинными русыми волосами. Между собой, детьми, мы его шифруем как «батьюшка». И хотя они никогда не раскидываются деньгами, улаживая наши потребности, не устраивают нам легкую и сладкую жизнь, все равно спасибо. Они изменили мои мысли, дали понять, кто я на самом деле.

Когда я с ними встретился, сам не ожидал, что наше знакомство вот так закончится. Это было время на самом краю. Мне было плевать на всех, даже на самого себя. Мне хотелось успеть оторваться по полной: своровать все, что хочется, набухаться до усрачки, трахнуть какую-то девушку, попробовать наркотики. Не знаю даже, из-за чего это я так. Просто дошел до грани. Кстати, я не рассказывал – один раз в баторе мне дали попробовать наркотики. Так вот, эффект был очень похож на то, как я в то время жил. Когда я сделал несколько тяжек травки, которую мне затолкали в обычную сигарету, мне стало плохо. Начала кружиться голова, вокруг засияли разноцветные краски, которых просто быть не может в природе. Какой-то ложный, искусственный мир. Я в тот момент сидел в столовой со своим другом, который тоже сделал несколько тяжек этой отравы, и видел, как части его тела летают вокруг меня по отдельности. Голова, руки, туловище и даже кисть руки с ложкой, которой он черпал суп. Я смотрел на это и ржал, хотя толком не понимал, над чем. После обеда я еле-еле добрел до своей комнаты и, не раздеваясь, упал в кровать. Проснулся после ужина, и то не сам – меня шлепала ладонью по голове воспитательница. «Аааа, опять где-то нашел деньги и нажрался», – ворчала она. Я поднялся с кровати и начал вспоминать, какой тогда был месяц, день недели и пытался понять, сколько времени я проспал. Но так и не смог...

Я не стал жить с Денисом и Дианой до двадцати пяти лет, как сначала хотел. Мне показалось, что я уже кое-чему научился и вот теперь, в девятнадцать, пробую стать самостоятельным. Но по выходным я всегда приезжаю к ним, в свой дом. Потому что там моя семья. Сам себе удивляюсь, но по старой привычке в воскресенье утром встаю и сразу после завтрака делаю уборку на первом этаже. Как-то привык. Мне не сложно, а родители счастливы: постоянно всем хвалятся, какой я заботливый сын. Потом мы с папой жарим мясо или рыбу на мангале. У нас семейный обед. А в понедельник утром я еду от них сразу в колледж. Но вдруг иногда посреди недели, когда я не с семьей, на меня накатывает такая нежность! Где угодно – в колледже, на занятиях, где-то еще. Мне вот прямо в эту минуту хочется сказать Диане и Денису, как я их люблю. И тогда я пишу послания. Последнее сообщение Диане отправил вот такое: «Мам, спасибо тебе огромное за то, что ты у меня появилась! Я тебя так люблю, это просто не передать словами. Спасибо за поддержку, за пиздюлей, когда это надо. Спасибо тебе огромное! Ты самая-самая. Я тебя люблю!»

После таких моих сентиментальных порывов она тут же перебивает, вот прямо сию секунду, и взволнованно стрекочет

в трубку:

– Гоша, я тоже тебя люблю! Больше жизни! Только давай честно рассказывай, что ты там опять натворил.

И мы с ней вместе смеемся, как полоумные. А в глазах у нас обоих стоят слезы радости. Потому что вот это – ЖИЗНЬ.

Послесловие

«Дом родной, мой приют...»

Помню, как в одном детском доме на концерте, посвящённом Дню Аиста, молодой специалист вместе с детьми исполнял душераздирающую песню под гитару, в которой были такие слова: «...детский дом, дом родной, и о нем мы споём... детский дом, мой приют, и о нем не поют...» Что-то в этом роде. Видели бы вы лица детей, исполняющих сей шедевр! Они не верили ни единому слову пошлой авторской песни – видимо, помнили настоящий дом, знали родных мам и пап. И в то же время на свете есть дети, которые живут с ложным убеждением о «родном доме» десятилетиями просто потому, что не знают ничего другого. При этом большинство взрослых людей в нашей стране, иногда среди них встречаются даже воспитатели детских домов, не хотят услышать элементарной вещи – детский дом, как ни старайся, никогда не станет семьей.

Путать детское учреждение с родным домом могут только дети, у которых, в отличие от других, нет и никогда не было семьи. От них отказались сразу после рождения. У таких детей самая высокая степень депривации. Все чудовищное, что происходит в их жизни – потеря семьи, отсутствие материнской заботы, психологические травмы, пренебрежение нуждами, – такие дети считают нормой. Их перемещают из одной группы в другую, передают от воспитателя к воспитателю, унижают и обзывают, порой даже бьют, а они это и многое другое считают естественным и нормальным. Они с младенчества растут в искаженных условиях и учатся в них выживать. Это дети с нарушенной привязанностью, с узкими представлениями о мире, о людях, о себе. Они – дети из «Зазеркалья», слепившие себя из осколков той информации, которая когда-то к ним случайно попала и была ими присвоена. Люди без рода и племени, никогда не знавшие материнской ласки и заботы, тепла и внимания. Отказники.

Перед вами – уникальный документ. История отказника, прошедшего свой сложный путь в «Зазеркалье». Сразу должна сказать, что книга не отпускает, открывая с каждой страницей все новые и новые детали незнакомого нам с вами мира детских домов. Он увиден не глазами сотрудников учреждения или его спонсоров, а глазами ребенка. Эта книга живая, правдивая, наполненная чувствами. Через реальные истории в ней раскрываются многие аспекты жизни сироты. Я думаю, по ней

можно было бы выстроить систему подготовки приемных родителей для подростков. Во всяком случае, я бы рекомендовала прочесть ее тренерам Школы приемных родителей, психологам сопровождения, сотрудникам органов опеки, а также всем специалистам, вовлеченным в семейное устройство детей-сирот и, конечно, будущим приемным родителям. К счастью, у истории Гоши счастливое продолжение – он встретил свою семью, обрел близких людей, а вместе с ними – заботу и любовь. Но десятки тысяч подростков-сирот до сих пор остаются в детских домах, потому что взрослые их боятся. Книга поможет развеять многие мифы и стереотипы.

Гоша – яркий представитель пришельцев из «Зазеркалья». Он отказник. Внешне такие ребята ничем не отличаются от домашних детей, но внутренне их разделяет огромная пропасть. Это дети – объекты. Их можно перемещать, обижать, запугивать, унижать и наказывать. Ими легко управлять. На них можно вымещать свои взрослые проблемы и неудачи. Почему? Да просто потому, что за них некому заступиться, они относятся к категории никому не нужных детей. К сожалению, нередко приходится сталкиваться с пренебрежительным отношением персонала детского дома к отказным детям: «А кому ты нужен, если от тебя родная мать ещё в роддоме отказалась?» или «Что из тебя может путного вырасти, если твой отец подох, как собака, под забором, и тебе туда дорога!». Дети все слышат, запоминают и в слепом веровании взрослым присваивают эту негативную информацию себе. Постепенно у маленького человека в голове откладывается суждение: «Если меня выбросили, оставили, значит, я какой-то не такой. Я плохой, гадкий испорченный». «Конечно, это был... не редкий случай, – подтверждает Гоша, – двухмесячных младенцев и детей постарше часто обнаруживали либо в мусорном баке, либо в какой-нибудь выгребной яме. Понятно, что о родителях ребенка в такой ситуации вообще ничего не ясно – ни свидетельства о рождении нет, ни других документов. В общем, несмотря на внешность Егора, все знали, что он отброс». Вот так и живут эти ребята впоследствии – с мыслями о собственной неполноценности, со страхом быть всеми отверженными.

Еще дети-отказники не имеют опыта привязанности к взрослым. Причина тому – частые смены фигур вокруг маленького ребёнка: дневные воспитатели, ночные сотрудники, персонал выходного дня. При таком непостоянстве очень трудно создавать связи. Поэтому дети отрицают взрослого как такового и постепенно привязываются к постоянным объектам – другим детям, таким же сиротам. Гоша и об этом говорит: «Мы с первого класса были как одна семья, стояли друг за друга горой и

воспитателям своих не сдавали. А если кого-то из наших били, то все тут же приходили на помощь, и нам было пофиг, насколько наш враг сильнее и старше нас. Мы были одной семьей». Они так и называют себя – «семейка». Совершенно неверная модель семьи, в которой нет места маме и папе, а есть только многочисленные дети, с одной стороны, упакованные в жесткие рамки режима, а с другой – полностью предоставленные сами себе.

«Батор» на сленге, который используют дети-сироты, обозначает «инкубатор». Это название лучше всего отражает суть – в детском доме все одинаковые и внешне, и внутренне. У детей одинаковые носки, трусы, комбинезоны, обувь, мебель, действия, режим дня, еда. Ничего личного нет, если только что-то где-то утащил, присвоил себе или привёз с собой из дома и это не успели отобрать. Дети сами придумали такое название, чтобы другие не могли догадаться, что они из детского дома. «Мы из батора». И другим не понятно – откуда? Может, это страна такая или город? Сказать, что ты из детского дома, нельзя. Сразу прилепится ярлык сироты, а это значит убогий, ущербный, не качественный.

Те, кто приезжают в детский дом на праздник или в качестве волонтеров, нередко говорят о том, что у детей прекрасные условия проживания. Да, у них есть все, они с материальной точки зрения обеспечены, особенно в учреждениях больших городов. Внешне детский дом похож на ухоженный детский сад или школу, только со спальными корпусами. Но если представить, что ты снова ребенок, и мысленно прожить с сиротами несколько недель в «баторе», думаю, восприятие резко поменяется. Дети там не чувствуют себя в безопасности, потому что нет значимого взрослого, который всегда на их стороне, который, что бы там ни было, заботится и защищает. Вместо мамы и папы в детском доме – сотрудники, которые выполняют свою работу. Режим дня, установленный администрацией и четко исполняемый персоналом, режим питания, досуг – все это не дает никакого представления об окружающем мире и социуме. Отсутствие личного пространства, личного времени, личных вещей лишает возможности понимать свои и чужие границы. Даже подарки, которые спонсоры привозят из благих побуждений, сваливаются в одну кучу и потом раздаются по усмотрению персонала. Они обезличиваются, как и все остальное. К подростковому возрасту каждый сирота получает свой опыт, каждый изобретает свои способы мимикрирования, выживания, и при этом многие верят в свой негативный путь, потому что напичканы ложными представлениями о себе и о том мире, который находится за пределами учреждения. Это другие дети, и,

погружаясь в их жизнь, нужно хорошо об этом помнить. Всем им, несмотря на возраст, все-таки хочется в семью. Старшие подростки отчаянно делают вид, что им и в «системе» хорошо, тщательно скрывают желание быть усыновленными. Не верьте показным вещам.

Детский дом, конечно, система. И, как любая система, имеет свои законы, правила, иерархию, границы, особенности развития и стабилизации. Система детских домов очень похожа на исправительную систему (тюрьму) или армию, где существует распределение ролей, жёсткое повиновение старшим, а нередко и «дедовщина». Гоша рассказывает и об этом: воспитатели, которые не могли справиться с поведением воспитанников, обращались «за помощью» к старшим ребятам. На провинившихся малышах старшие дети отыгрывают свою боль и обиду, которую пережили когда-то сами. Очень быстро воспитанники детских домов осваивают способ решать все проблемы силой, в том числе по примеру старших детей. Других закреплённых моделей общения, к сожалению, у них не существует. Если ребёнок чувствует опасность, если ему что-то не нравится или он видит несправедливость по отношению к себе, в ход идут кулаки. Сильные чувства выражаются агрессией. Те, кто смог приспособиться, находятся в детском доме около старших – чтобы били не так сильно и не так часто.

Кроме драк есть и еще один способ защитить себя и выжить в системе – воровство. О нем Гоша говорит смело и раскрывает всю гамму своего воровского прошлого. Могу только подтвердить: дети-сироты часто прибегают к этому способу выживания. Если приемные родители, приводя на консультацию приемного ребёнка, вешают ему ярлык, «он вор, и это наследственное», я всегда предлагаю вместе разобраться в природе воровства. Сначала ребенок ворует конфеты или гостинцы у воспитателей, потом еду в магазине, затем деньги (судя по Гошиному откровению, они в младшем возрасте в принципе не нужны), потом спиртное, а в старшем возрасте – модную одежду, отличную от той, которую выдают в детском доме. Безднаказанность, отсутствие представлений о своём и чужом, психологические травмы, отсутствие нравственных основ, страх, желание угодить товарищам, да мало ли ещё причин... И во всех случаях это будет не та причина, о которой изначально подумают взрослые.

Еще одна естественная для ребенка в системе вещь, которая позволяет выжить, – это ранние половые связи. Особая благодарность Гоше за личные откровения про сексуальный опыт. Взрослым, которые работают с сиротами или планируют

принимать их в семью, важно об этом знать. Когда дети в возрасте восьми-девяти лет и старше попадают в приемную семью, шоком для некоторых приемных родителей становится так называемое сексуализированное поведение как девочек, так и мальчиков. Новые родители хватаются за сердце, идут к психологу разбирать «недетское» поведение ребенка. Конечно, бдительность нужна – за такими проявлениями может скрываться опыт сексуального насилия. Но важно понимать: вступление в ранние сексуальные связи для детей из детского дома – это не просто способ получить удовольствие, а в первую очередь возможность удовлетворить свою потребность в телесном контакте. То есть получить то, чего не получил когда-то от своей мамы: нежных прикосновений, теплых объятий, ласковых поглаживаний и приятных переживаний. Таким образом, занимаясь петтингом, дети хоть на какое-то мгновение могут почувствовать себя и свое тело через тесный контакт с другим человеком. Ранние половые связи начинаются годам к двенадцати-тринадцати. Но это всего лишь связи, без так называемой чувственной стороны. На уровне инстинкта и удовлетворения физиологической потребности. С эмоциями и чувствами у детей из детского дома совсем плохо. Они не могут их определять у себя, не могут сопереживать или сочувствовать не потому, что они такие «эмоциональные уроды», а потому что детский дом – это не то учреждение, где можно выставлять свои чувства напоказ. Чуть расслабишься, дашь слабинку, сразу забьют и морально, и физически.

Что больше всего ненавидят дети из системы, так это учиться и получать знания. И тому есть множество причин. Одна из них – это депривация, то есть сокращение либо лишение возможности удовлетворять основные потребности – психофизиологические или социальные. Скучная информационная и сенсорная среда, в которой находится ребенок с самого раннего детства, не позволяет развивать основные психические функции. Прежде всего, страдают мышление, речь, внимание и память. Это те самые функции, которые необходимы для получения знаний об окружающем мире, о себе, о других и для освоения учебного материала. Жизненная ситуация также играет здесь немаловажную роль. Изъятие из семьи в дошкольном возрасте, перемещения из одного учреждения в другое, нестабильность, тревожное состояние, я уже не говорю об основе основ – отсутствии значимого взрослого, не дают возможности ребенку нормально развиваться, а тем более обучаться. Известно, что аффект тормозит интеллект. Ребенок из детского дома постоянно находится в этом состоянии. И здесь совсем не до учебы. Одна задача у такого ребенка – выжить.

Зато ребята из детского дома умеют мечтать. Скажу больше, многие из них продолжают мечтать о семье и в четырнадцать, и в шестнадцать лет. Только к этому возрасту они уже перестают ждать своих взрослых, отчаиваются, теряют доверие к людям и к миру. И чем ближе время выпуска из детского дома, тем чаще посещают страхи и тревожные мысли. «Как там люди живут по ту сторону забора? Хрен пойми! Здесь-то шесть раз в день кормят, сухо, тепло, платить ни за что не надо. Поэтому я реально думал, что лучше завтра умереть», – так рассуждает не только Гоша. Там, за забором, – другой мир, страшный, с непонятными законами, в которых трудно сориентироваться. Для того, чтобы будущее состоялось, подросткам из детского дома просто необходим значимый, стабильный взрослый-наставник или еще лучше – семья, чтобы вовремя подхватить, помочь, поддержать, направить и подсказать. Иначе слишком высок риск снова попасть в систему, только уже другую.

Все эти и многие другие знания о мире сирот можно почерпнуть из книги «Меня зовут Гоша. История сироты». И в этом ее безусловная ценность. Не случайно фонд «Арифметика добра» поддерживает издание и заботится о доступности книги кандидатам в приемные родители и специалистам. В детских домах страны восемьдесят процентов воспитанников – это подростки. Главная задача сегодня – найти взрослых, которые смогут им помочь. Это сохранит жизнь многим ребятам, выпускающимся за пределы детского дома. Подросткам-сиротам очень нужна семья.

Мишанина Наталия Валентиновна, практический психолог, руководитель психологической службы БФ «Арифметика добра», эксперт в сфере семейного устройства.

notes

Примечания

ЗПР – задержка психического развития. – *Здесь и далее прим. ред.*

Батор – производное от «инкубатор», на сиротском жаргоне – «детдом».

Питалки – от «воспиталки», воспитательницы детского дома.

Подразделение по делам несовершеннолетних.